

5.
6.
7.

[Faded, illegible text on a rectangular paper fragment]

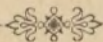
[Faded, illegible text on a rectangular paper fragment]

169

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. А. ГОНЧАРОВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Типографія А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., № 1.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ II.

I.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

Въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ.

Входъ на Нагасакскій рейдъ.—Первые визиты японцевъ.—Видъ рейда и города.—Батареи; деревни.—Переводчики и баніосы.—Караульные лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.—Ежедневныя сношенія съ японцами.—Доставка провизіи.—Визитъ голландцевъ изъ факторіи.—Буря.—Новый переводчикъ.—Переговоры о церемоніальномъ свиданіи адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ.—Губернаторскіе секретари.—Торжественный поѣздъ въ Нагасаки.—Пристань и носилки.—Японскіе солдаты.—Улица и дома.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому.—Японское угощеніе.—Ожиданіе отвѣта изъ Едо.—Другой губернаторъ.—Еще переводчикъ.—Годовщина похода.—Спектакль на корветѣ «Оливуда». — Смерть Сіогуна.—Гроза.—Отвѣтъ изъ Едо.—Катанье на шлюпкахъ.—Палпенбергъ.—Крысій островъ.—Подарки.—Важное извѣстіе изъ Едо.—Отъѣздъ.

Нагасакскій рейдъ. Съ 10 августа 1853 года.

Отъ острововъ Бонинъ-Сима до Японіи — не путешествіе, а прогулка, особенно въ августѣ: это лучшее время года въ тѣхъ мѣстахъ. Небо и море спорятъ другъ съ другомъ, кто лучше, кто тише, кто синѣе, словомъ, кто болѣе понравится путешественнику. Мы въ пять дней прошли 850 миль.

Наше судно, какъ старшее, давало сигналы другимъ тремъ, и одно изъ нихъ вело на буксиръ. Таща его на двухъ канатахъ, мы могли видѣться съ бывшими тамъ товарищами: иногда перемолвимъ и слово, написанное на большой доскѣ складными буквами.

9-го августа, при той же ясной, но, къ сожалѣнiю, чересчуръ жаркой погодѣ, завидѣли мы тридешатое государство. Это были еще самые южные острова, крайнiе предѣлы. только островки и скалы японскаго архипелага, посившiе европейскiя и свои имена. Тутъ были Юлiя, Клара, далѣе Якуносима, Номосима, Нвосима, потомъ пошли *саки*: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. *Сима* значить островъ, *саки* — мысъ, или наоборотъ, не помню.

Вотъ достигается, наконецъ, цѣль десяти тысячнаго плаванiя, трудовъ. Вотъ этотъ запертой ларець, съ потеряннымъ ключомъ, страна, въ которую заглядывали, до сихъ поръ съ тщетными усилiями, склонить, и золотомъ, и оружiемъ, и хитрой политикой, на знакомство. Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ фѣрулы цивилизацiи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религiю и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее, и внутреннiе, произвольные законы своего муравейника противопоставить и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ.

Долго ли такъ будетъ? говорили мы, лаская рукой 60-ти фунтовые бомбовыя орудiя. Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства: вѣдь въ географiи и статистикѣ мѣсть, съ осѣдлымъ населенiемъ земнаго шара, почти только одинъ пробѣлъ и остается — Японiя. Странная, занимательная пока своею неизвѣстностью земля, растянулась отъ 32 до 40 слишкомъ градусовъ широты, слѣдовательно, съ одной стороны южнѣе

Мадеры. Въ ней господствуетъ зной и морозы, растутъ пальма и сосна, персикъ и клюква. Тамъ есть горы, равнины нашимъ высочайшимъ горамъ, горящіе пикн. и въ горахъ — мы знаемъ уже — редится лучшая мѣдь въ свѣтѣ, но не знаемъ еще, нѣтъ ли тамъ лучшихъ алмазовъ, серебра, золота, топазовъ и, наконецъ, что дороже золота — лучшаго каменнаго угля, этого самаго дорогого минерала XIX-го столѣтія.

Мы завидѣли мысъ Номо, обозначающій входъ въ нагасакскій рейдъ. Всѣ собрались на ютъ, любуясь на зеленые, ярко обливаемые солнцемъ берега. Но здѣсь насъ не встрѣтили уже за нѣсколько миль лодки, съ фруктами, раковинами, обезьянами и попугаями, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, и особенно съ предложеніемъ *перевезти на берегъ*: напротивъ!

Мы входили, немного съ стѣсненнымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ я, съ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ входятъ въ тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями.

Но это что несетя мимо насъ по водѣ: какая-то маленькая, разукрашенная разноцвѣтными флагарками шлюпка-игрушка? «Это у нихъ религіозный обрядъ», сказалъ одинъ изъ насъ. «Нѣтъ», перебилъ другой: «это просто суевѣрный обычай». — «Гаданье», замѣтилъ третій: «видите, видите, еще такая же плыветь? — это гаданье; они пробуютъ счастья». — «Нѣтъ, позвольте», заговорилъ кто-то: «у Кемпфера говорится... — «Просто игрушки: мальчишки пустили», проворчалъ сквозь зубы дѣдъ. И чуть ли это мнѣніе было не справедливѣе всѣхъ ученыхъ замѣчаній. Но здѣсь всякая мелочь казалась знаменательною особенностью.

Вдругъ появилась лодка, только ужъ не игрушка, и въ ней трое или четверо японцевъ, два одѣтые, а два нагіе, свѣтло-красноватаго цвѣта, загорѣлые, съ бѣлой, тоненькой повязкой кругомъ головы, чтобъ волосы не трепались, да

такой же повязкой около поясицы—вот и все. Впрочем, наши еще утромъ видѣли японцевъ.

Я только-что проснулся, Фаддеевъ донесъ мнѣ, что прїѣзжали голые люди и подали на палкѣ какую-то бумагу. «Что жъ это за люди?» спросилъ я. — «Японецъ, должно-быть», отвѣчалъ онъ. Японцы остановились саженьхъ въ трехъ отъ фрегата и что-то говорили намъ, но ближе подѣхать не рѣшались; они пятались отъ высунувшихся изъ полупортитовъ пушекъ. Мы махали имъ руками и платками, чтобъ они вошли.

Наконецъ, они рѣшились, и мы толпой окружили ихъ: это первые наши гости въ Японіи. Они съ боязнью озирались вокругъ, и положивъ руки на колѣни, присѣдали и кланялись чуть не до земли. Двое были одѣты бѣдно: на нихъ была синяя верхняя кофта, съ широкими рукавами, и халатъ, туго обтянутый вокругъ поясицы и ногъ. Халатъ держался широкимъ поясомъ. А еще? еще ничего; ни панталонъ, ничего...

Обувь состояла изъ синихъ короткихъ чулокъ, застегнутыхъ сверху пуговкой. Между большимъ и слѣдующимъ пальцемъ шла тесемка, которая прикрѣпляла къ ногъ соломенную подошву. Это одинаково, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ.

Голова вся бритая, какъ и лицо, только съ затылка волосы подняты кверху и зачесаны въ узенькую, коротенькую, какъ будто отрубленную косичку, крѣпко лежавшую на самой маковкѣ. Сколько хлопотъ за такой хитрой и безобразной прической! За поясомъ у одного, старшаго, заткнуты были двѣ сабли, одна короче другой. Мы попросили показать и нашли превосходные клинки.

Мы повели гостей въ капитанскую каюту: тамъ дали имъ наливки, чаю, конфетъ. Они еще съ лодки все показывали на нашу фор-брам-стенку, на которой развѣвался кусокъ бѣлаго полотна, съ надписью на японскомъ языкѣ: *судно*

россійскаго государства. Они просили списать ее, по приказанію, разумѣется, чтобъ отвезти въ городъ, начальству.

Черезъ полчаса явились другіе, одѣтые побогаче. Они привезли бумагу, въ которой дѣлались обыкновенныя предостереженія: не свѣзжать на берегъ, не обижать японцевъ и т. п. Имъ такъ понравилась наливка, что они выпросили, что осталось въ бутылкѣ, для гребцовъ будто бы, но я увѣренъ, что они имъ и понюхать не дали.

Въ бумагѣ еще правительство, на французскомъ, англійскомъ и голландскомъ языкахъ, просило остановиться у такъ-называемыхъ *Ковальскихъ* воротъ, на первомъ рейдѣ, и не ходить далѣе, во избѣжаніе *большихъ непріятностей*, прибавлено въ бумагѣ, безъ объясненія, какихъ и для кого. Надо думать, что для губернаторскаго брюха.

Японское правительство — какъ мы знали изъ книгъ и потому убѣдились, и при этомъ случаѣ, и впоследствии сами — требуютъ безусловнаго исполненія предписанной мѣры, и въ случаѣ неисполненія, зависѣло ли оно отъ исполнителя или нѣтъ, послѣдній остается въ отвѣтѣ. Напримѣръ, иностранные корабли не иначе допускаются на второй и третій рейды, какъ съ разрѣшенія губернатора. Мы разрѣшенія не требовали, но къ намъ явилась третья партія японцевъ, человекъ восемь, кромѣ гребцовъ, и привезла «разрѣшеніе» идти и на второй рейдъ. Всѣ эти посѣщенія быстро слѣдовали одно за другимъ. Губернаторъ посѣвшиль прислать разрѣшеніе, не зная, намѣрены ли мы, по первому извѣщенію, остановиться на указанномъ мѣстѣ. Если бы ему предписано было, напримѣръ, истребить насъ, онъ бы, конечно, не могъ, но все-таки долженъ бы былъ стараться объ этомъ, а въ случаѣ неудачи, *распороть себѣ брюхо*.

Я полагаю такъ, судя по тому, что одинъ изъ нагасакскихъ губернаторовъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, распороть себѣ брюхо оттого, что командиръ англійскаго судна не хотѣлъ принять присланныхъ черезъ этого губернатора подарковъ

отъ японскаго двора. Губернатору приказано было отдать подарки, капитанъ не принялъ, и губернаторъ остался виновать, *зачѣмъ не отдалъ*.

Вскрывать себѣ брюхо—самый уютребительный здѣсь способъ умирать поневолѣ, по крайней мѣрѣ такъ было въ прежнія времена. Заупрямься кто сдѣлать это, правительство принимаетъ этотъ трудъ на себя; но тогда виновный, кромѣ позора публичной казни, подвергается лишенію пмѣнія, и это падаетъ на его семейство. Кто-то изъ путешественниковъ разсказываетъ, что здѣсь, въ кругъ воспитанія молодыхъ людей входило, между прочимъ, искусство ловко, сразу распарывать себѣ брюхо. Впослѣдствіи, при случаѣ, какъ-нибудь, разскажу объ этомъ что узнаю подробнѣе. Теперь нѣкогда.

Третья партія японцевъ была лучше одѣта: кофты у нихъ изъ тонкой, полупрозрачной, черной матеріи, у нѣкоторыхъ вытканы бѣлые знаки на спинахъ и рукавахъ—это гербы. Каждый, даже земледѣлецъ, имѣетъ гербъ и право носить его на своей кофтѣ. Но нѣкоторые получаютъ отъ своихъ начальниковъ и, вообще, отъ высшихъ лицъ право носить ихъ гербы, а высшіе сановники—отъ Сіюгуна, какъ у насъ ордена.

Но не всѣ имѣютъ право носить по двѣ сабли за поясомъ: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерамъ; солдаты носятъ по одной, а простой классъ вовсе не носитъ; да онъ же ходитъ голый, такъ ему не за что было бы и прицѣпить ее, развѣ зимой.

Кофта у гостей, или хозяевъ нашихъ—какъ хотите, застегивалась длинными шелковыми шнурами.

Они объявили, что они переводчики, *отперъ-толки* и *ондеръ-толки*, то-есть старшіе и младшіе. Они назначаются для сношеній съ голландскою факторіей. Мы посадили ихъ въ капитанскую каюту, и они вынули бумагу, въ которой предлагалось множество вопросовъ.

Переводчиковъ здѣсь цѣлое сословіе: въ короткое время у насъ перебивало около тридцати, а всѣхъ ихъ около шестидесяти человѣкъ; немного недостаетъ до счета семидесяти толковниковъ. Они знаютъ только голландскій языкъ и употребляютъ для сношеній съ голландцами, которые, сидя тутъ по цѣлымъ годамъ, могли бы, конечно, и сами выучиться по-японски. Но кто станетъ учить ихъ? это запрещено подъ смертною казною. По-китайски японцы знаютъ всѣ, какъ мы по-французски, какъ шведы по-нѣмецки, какъ ученые по-латыни. Пишутъ и по-японски, и по-китайски, но только произносятъ китайскія письма по-своему. Вообще все, языкъ, вѣра ихъ, обычаи, одежда, культура и воспитаніе, все пришло къ нимъ отъ китайцевъ.

Мы уже были предупреждены, что насъ встрѣтятъ здѣсь вопросами, и оттого приготовились отвѣчать, какъ слѣдуетъ, со всею откровенностью. Они спрашивали: откуда мы пришли, давно ли вышли, какого числа, сколько у насъ людей на каждомъ кораблѣ, какъ матросовъ, такъ и офицеровъ; сколько пушекъ и т. п.

Между прочимъ, послѣ заявленія нашего, что у насъ есть письмо къ губернатору, они спросили, отчего же мы одно письмо привезли на четырехъ судахъ? Въ этомъ проническомъ вопросѣ проглядывала дѣтская недовѣрчивость къ нашему приходу и подозрительность насчетъ какихъ-нибудь враждебныхъ замысловъ съ нашей стороны. Мы постѣжили успокоить ихъ и отвѣчали на все искренно и простодушно, и въ то же время не могли воздержаться отъ улыбки, глядя на эти мягкія, гладкія, бѣлыя, изнѣженные лица, лукавыя и смышленныя фізіономіи, на косички и на прифѣданья.

Они ознакомились съ нами и ободрились ласковымъ обхожденіемъ. Имъ принесли сладкихъ пирожковъ, наливковъ, вина. Они вглядывались во все съ любопытствомъ, осматривали все въ каютѣ, раскрыли ротъ отъ удивленія, когда

кто-то дотронулся до клавишней фортепиано. Имъ предложили сигаръ, но они не знали, какъ съ ними обойтись: одинъ закуривалъ, не откусивъ кончика, другой не съ той стороны. Сигары были не по нимъ: крѣпки. Одному съдѣлалось дурно отъ духоты въ каютѣ, а, можетъ-быть, и отъ качки, хотя волненіе было слабое и движеніе фрегата едва замѣтное. Они вообще очень нѣжны. Напримѣръ, не могли вовсе сидѣть въ каютѣ, безпрестанно отирали потъ съ головы и лица, отдувались и обмахивались вѣерами. Они вынимали изъ-за пазухи свой табакъ, чубуки изъ пальмоваго дерева, съ серебрянымъ мундштукомъ и трубочкой, величиной съ половину самаго маленькаго жепскаго наперстка. Табакъ лежалъ въ бумажномъ кisetѣ, не болѣе porte-monnaie. Японецъ бралъ оттуда щепоть табаку, скатывалъ его въ комокъ, какъ вату, или леньку, когда хотятъ положить ее въ ухо, клалъ въ трубку и, курнувъ раза три, выбрасывалъ пепель и пряталъ трубку за пазуху. Все это дѣлалось съ удивительной быстротой. Табакъ очень тонокъ и волокнистъ, какъ ленъ, красно-желтаго цвѣта, и напоминаетъ немного вкусомъ турецкій, но только очень слабъ, а видомъ похожъ на рыжіе густые волосы.

Какъ навастривали они уши, когда раздавался какой-нибудь шумъ на палубѣ: ихъ пугало, когда вдругъ люди побѣгутъ по вантамъ, или потянутъ какую-нибудь снасть и затопаютъ. Они ѣхали съ нами, а лодка ихъ съ гребцами шла у насъ на бакштовѣ.

Наконецъ, мы вошли на первый рейдъ и очутились среди острововъ и холмовъ. Здѣсь засталъ насъ штиль и потомъ подулъ противный вѣтеръ; надо было лавировать. «Куда жъ вы?» говорили японцы, не понимая лавировки: «вамъ надо сюда, налѣво». Наконецъ, вошли и на второй рейдъ, на указанное мѣсто.

Что это такое? декорація или дѣйствительность? какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другого зеленѣе,

покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ— нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго; все улыбающаяся природа: за холмами, вѣрно, смѣющіяся долины, поля... Да смѣется ли этотъ народъ? Судя по голымъ, палимымъ зноемъ гребцамъ, изъ которыхъ вонъ трое завернулись, сидя на лодкѣ, въ одно какое-то пестрое одѣяло, отъ солнца, нельзя думать, чтобъ народъ очень улыбался среди этихъ холмовъ. Всѣ горы изрѣзаны бороздами и обработаны сверху до низу.

Вонъ деревни жмутся въ тѣснищахъ, кое-гдѣ разбросаны хижины. А это что: какія-то занавѣски, съ нарисованными на нихъ, бѣлой и черной краской, кругами? гербы Физенскаго и Сатсумскаго удѣльныхъ князей, сказали намъ гости. Дунуль вѣтерокъ, занавѣски заколебались и обнаружили пушки: въ одномъ мѣстѣ три, съ развалившимися станками, въ другомъ одна вовсе безъ станка—какъ страшно! Наши артиллеристы подозрѣваютъ, что на этихъ батареяхъ есть и деревянные пушки.

Гдѣ же Нагасаки? Города еще не видать. А! вотъ и Нагасаки. Отчего жъ не Нагасаки? оттого, что настоящее названіе — *Нагасаки*, а буква *н* прибавляется такъ, для шика, такъ же, какъ и другія буквы къ нѣкоторымъ словамъ. «Нагасаки—единственный портъ, куда позволено входить однимъ только голландцамъ», сказано въ географіяхъ, и куда, надо бы прибавить давно, прочіе ходятъ безъ позволенія. Слѣдовательно, привилегія ни въ какомъ случаѣ не на сторонѣ голландцевъ во многихъ отношеніяхъ.

«Такъ это Нагасаки!» слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали на якорь на второмъ рейдѣ, въ виду третьяго, и всѣ трубы направились на мѣстность, среди которой мы очутились. Въ Нагасаки три рейда: одинъ очень открытъ съ моря и защищенъ съ двухъ сторонъ. Тамъ налѣво, на срытомъ холмѣ, строится батарея *н*, кажется, по замѣчанію нашихъ артиллеристовъ, порядочная. Но городъ, конечно, не весь

видень, говорили мы: это, вѣроятно, только часть, и самая плохая, предместье; тутъ все домишки, да хижины! Гдѣ же зданія, дворцы, храмы, о которыхъ пишетъ Кемпферъ и другіе, особенно Кемпферъ, насчитывая ихъ невѣроятное число? Должно-быть, тамъ, дальше, за мысомъ.

Но какіе виды вокругъ! чтó за перспектива вдали! Вотъ стоишь при входѣ на второй рейдъ, у горы Паппенбергъ, и видишь море, но зато видишь только профиль мыса, заграждающаго видъ на Нагасаки, видишь и узенькую бухту Кибачъ, всю. Передвинешься на средину рейда—море спрячется, зато вдругъ раздвинется весь заливъ налѣво, съ островами Кагена, Катакасима, Каменосима, и видишь мысъ en face, а берегъ направо покажетъ свои обработанныя террасы, какъ испанскую зеленую лѣстницу, идущую по всей горѣ, отъ волнъ до облаковъ.

Мы стали прекрасно. Вообразите огромную сцену, въ глубинѣ которой, верстахъ въ трехъ отъ васъ, видны высокіе холмы, почти горы, и у подошвы ихъ куча домовъ, съ бѣлыми известковыми стѣнами, черепичными или деревянными кровлями. Это и есть городъ, лежащій на берегу полукруглой бухты. Отъ бухты идетъ проливъ, широкій, почти какъ Нева, съ зелеными, холмистыми берегами, усаженными хижинами, батареями, деревьями, кедровникомъ и пивами.

Декорация бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города, съ кучей сѣреныхъ домовъ, проливъ съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно, такъ не похоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисовать ли весь этотъ видъ, не взять ли цѣлкомъ изъ волшебнаго балета?

Что за заливы, уголки, пріюты прохлады и лѣни, образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ! Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ коридоръ, лѣсистое, и та-

кое узкое, что, кажется, ежеминутно грозит раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тут маленькая, обставленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны; тамъ безопасно отдыхаетъ вытщенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ.

Налѣво широкій и длинный заливъ, съ извилинами и углубленіями. Посрединѣ его Папшенбергъ и Каменосима— двѣ горы-игрушки, покрытыя ошестинившимся лѣсомъ, какъ будто двѣ головы съ взъерошенными волосами. Ихъ обтекаютъ со всѣхъ сторонъ миниатюрные проливы, а вдали видна отвѣсная скала и море.

Направо идетъ высокій холмъ, съ отлогимъ берегомъ, который такъ и манитъ взойти на него по этимъ зеленымъ ступенямъ террасъ и грядъ, несмотря на запрещеніе японцевъ. За нимъ тянется рядъ низенькихъ, капризно-брошенныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ глядятъ серьезно и угрюмо довольно высокія горы, отступивъ немного, какъ взрослые изъ-за дѣтей. Далѣе проливъ, теряющійся въ морѣ; по свѣтлой поверхности пролива чернѣютъ разбросанные камни. На послѣднемъ планѣ синѣетъ мысъ Номо.

Проливъ отдѣляетъ пагасакскій берегъ отъ острова Кагена, который, въ свою очередь, отдѣляется другимъ проливомъ отъ острова Ивосима, а тамъ чисто море—и больше ничего.

Вездѣ уступы, мыски, или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстами группы зелени и деревьевъ лѣнятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспектива, картина, точно артистически-обдуманная прихоть!

Но со страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво созданные, смѣющіеся берега: непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко; животныхъ

не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты; мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ, съ двумя-тремя голыми гребцами, со слюнявымъ мальчишкой, или остроглазой дѣвчонкой.

Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ кипѣнія жизни, или «мышьей бѣготни», по выраженію поэта? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшенная синими, бѣлыми, красными тканями? Оттуда слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ-бумъ японскаго барабана: это, скажутъ вамъ, Физенскій, или Сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія.

Вы знаете, что Японія раздѣлена на удѣлы, которые всѣ зависятъ отъ Сіюгуна, платятъ ему дань и содержатъ войска. Городъ Нагасаки принадлежитъ ему, а кругомъ лежатъ владѣнія князей.

Зачѣмъ же, говорю я, такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли же это все заселится, оживится?

Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у японцевъ, зачѣмъ и пришли, да вотъ не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Едо, къ Сіюгуну, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Микадо, сыну неба: сами рѣшите, когда мы дождемся отвѣта!

Всѣ мы стояли на палубѣ, кто чѣмъ занятъ; у всѣхъ почти трубы въ рукахъ. Одни занимались уборкою парусовъ, другіе прилежно изучали карту, и въ томъ числѣ дѣдъ, который отъ карты бѣгалъ на ютъ, съ юта къ картѣ;

И хотя ворчалъ на невѣрность ея, на неизвѣстность мѣста, но былъ доволенъ, что труды его кончались. Другіе просто думали о томъ, что видѣли, глядя туда и сюда, въ томъ числѣ и я. Меня хотя и занимала новостъ предмета, и проникался я прелестью окружавшихъ насъ картинъ природы, но тутъ же, рядомъ съ этими впечатлѣніями, чувствовалась, и особенно предчувствовалась скука. Я бы охотно промѣнялъ Японію на Маниллу, на Бразилію, или на Сандвичевы острова—на что хотите. Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ, въ ненатуральныхъ или, скорѣе, несвободныхъ, связанныхъ какими-то ненужными путями рукахъ!

Да я ли одинъ скучаю? Вонъ П. А. сокрушительно вздыхаетъ, не зная, какъ онъ будетъ продовольствовать насъ: дадутъ ли японцы провизіи, будутъ ли возить свѣжую воду; а если и дадутъ, то по какимъ цѣнамъ? и т. п. Отъ презервовъ многіе *«воротятъ носы»*, говоритъ онъ.

Кстати о презервахъ: кажется я о нихъ не говорил ни слова. Это совсѣмъ изготовленная и герметически-закупоренная въ жестянкахъ провизія всякаго рода: супы, мясо, зелень и т. п. Полезное изобрѣтеніе—что и говорить! Но дѣло въ томъ, что эту провизію иногда ѣсть нельзя: продавцы употребляютъ во зло довѣренность покупателей; а повѣрить ихъ нельзя: не станешь вскрывать каждый, наглухо-закупоренный и залитой свинцомъ ящикъ. Послѣ уже, въ морѣ, окажется, что говядина похожа вкусомъ на телятину, телятина—на рыбу, рыба на зайца, а все вмѣстѣ ни на что не похоже. И часто все это имѣетъ одинъ цвѣтъ и запахъ. Говорятъ, у французовъ дѣлаютъ презервы лучше: не знаю. Мы купили ихъ въ Англии.

Вонъ и другіе тоже скучаютъ: С. не знаетъ, будетъ ли уголь, позволятъ ли рубить дрова, пустятъ ли на берегъ освѣжиться людямъ? Б. насупился, думая, удастся ли ему... хоть увидѣть женщинъ. Онъ ужъ глазѣлъ на всѣ японскія

лодки, ища, между этими голыми гѣлами, не такое красное и жѣсткое, какъ у гребцовъ. Косы и кофты мужчинъ вводили его иногда въ печальное заблужденіе...

Японцы уѣхали. Настала вечеръ; затеплились звѣзды и, вдобавокъ, между ними появилась комета. Мы наблюдаемъ ее уже третій вечеръ, едва успѣвая ловить на горизонтѣ—такъ рано скрывается она.

Насъ, издали, саженяхъ во ста отъ фрегата и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, окружали караульные лодки, ярко освѣщенные разноцвѣтными огнями въ большихъ, круглыхъ, крашеныхъ фонаряхъ изъ рыбьей кожи; на нѣкоторыхъ были даже смоляныя бочки. Съ послѣднимъ лучомъ солнца, по высотамъ загорѣлись огни и нитями опоясали вершины холмовъ, унизали берега—словомъ, нельзя было нарочно зажечь иллюминаціи великолѣпнѣе въ честь гостей, какую японцы зажгли изъ страха, что вотъ сейчасъ, того-гляди, гости нападутъ на нихъ. Вездѣ перекликались караульные; лодки ходили взадъ и впередъ. Гребцы гребли стоя, съ крикомъ *оссмьянъ, оссмьянъ*, чтобъ дружище работать. По горамъ, въ лѣсу, огни, точно звѣзды, плавали, опускаясь и подымаясь по скатамъ холмовъ: видно было, что вездѣ разставлены люди, что на насъ смотрѣли тысячи глазъ, сторожили каждое движеніе.

Все мало-по-малу утихало на нашихъ судахъ. Пробили зорю, сыграли гимнъ *Годъ славенъ нашъ Господь въ Сионъ*, и матросы улеглись. Многие изъ насъ и чаю не пили, не ужинали: все смотрѣли на берега и на ихъ отраженія въ водѣ, на иллюминацію, на лодки, толкуя, предсказывая успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, догадываясь о характерѣ этого народа. Потомъ, одинъ за другимъ, разбрелись. Я остался и вслушивался въ трескъ кузнечиковъ, доносившійся съ берега, въ тихій плескъ волнъ; смотрѣлъ на игру фосфорическихъ искръ въ водѣ и на дальнія отраженія береговыхъ огней въ зеркалѣ залива. Здѣсь уже не было буруна,

наводящаго тоску на душу, какъ на Бонинъ-Сима, только зарница ярко играла надъ холмами. И я наконецъ ушелъ и легъ спать, но долго еще мерещились мнѣ женоподобныя, присѣдающіе японцы, ихъ косы, кофты, и во снѣ преслѣдовалъ долетавшій до ушей крикъ: «осильянь, осильянь!»

Хи! хи! хи! слышу въ каютѣ у сосѣда, просыпаясь поутру, слустя нѣсколько дней по приходѣ, потомъ тихій шепотъ, и по временамъ внезапное возвышеніе голоса на какомъ-нибудь словѣ. Оадеевъ стоитъ подлѣ меня, съ чаемъ.— «Давно ты тутъ?»—«Въ началѣ седьмой склянки в. в.»— «А теперь которая?»—«Да вонъ, слышишь?» Въ это время забилъ барабанъ, заиграла музыка, значитъ восемь часовъ.— «Что тамъ такое рядомъ въ каютѣ?» спросилъ я.—«Извѣстно что, японецъ!» отвѣчалъ онъ.— «Зачѣмъ они пріѣхали?»— «А кто ихъ знаетъ?»—«Ты бы спросилъ».—«А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свинѣ съ курицей...»

Отъ японцевъ намъ отбоя нѣтъ: каждый день, съ утра до вечера, по нѣскольку разъ. Какихъ тутъ нѣтъ: опперъ-баниюсы, ондеръ-баниюсы, опперъ-толки, ондеръ-толки, и потомъ еще куча сволочи, ихъ свита. Но лучше рассказать по порядку, что позамѣчательнѣе.

На другой день, а можетъ-быть и дня черезъ два послѣ посѣщенія переводчиковъ, пріѣхали три или четыре лодки, украшенныя флагами, флажками, значками, гербами и пиками— все атрибуты военныхъ лодокъ. Хотя на лодкахъ были тѣ же голыя гребцы и ни одного солдата. Намъ здѣсь все еще было пово, и мы съ нетерпѣніемъ ждали, что это такое. Лодки хоть куда: немного похожи на наши зимнія, крестьянскія розвальни: широкія, плоскодонныя, съ открытой кормой. Онѣ всѣ чисто выстроены изъ бѣлаго дѣса, съ навѣсомъ, покрытымъ цыновками. Весла у гребцовъ длинныя, состояція изъ двухъ частей, связанныхъ посредишъ

Весло привязано къ лодкѣ, и гребецъ, стоя, ворочаетъ его къ себѣ и отъ себя. Гребцовъ, смотря по величинѣ лодки, бываетъ отъ 4 до 8, и даже до 12 человекъ. Лодка—это пловучій домъ. Тутъ есть все: маленькій очагъ—варить пищу, и вся домашняя утварь. На караульныхъ лодкахъ по очереди дежурятъ чиновники, чтобъ наблюдать за нашими дѣйствіями. Этотъ порядокъ принятъ издавна въ отношеніи ко всѣмъ иностраннымъ судамъ.

Сначала вошли на палубу переводчики.—«Опперъ-баніосы», говорили они почтительнымъ шопотомъ, указывая на лодки, а сами стали въ рядъ. Вскорѣ показались и вошли на трапъ, потомъ на палубу, двое японцевъ, благообразнѣе и понаряднѣе прочихъ. Переводчики встрѣтили ихъ, положивъ руки на колѣни и поклонившись почти до земли. За ними вошло человекъ двадцать свиты.

Опперъ-баніосы, одинъ худой, съ пріятнымъ лицомъ, съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки, какъ у многихъ японцевъ. Другой, рябоватый, съ умнымъ лицомъ и съ такою же челюстью, какъ у перваго. На нихъ, сверхъ черной кофты изъ льняной матеріи и длиннаго шелковаго халата, были еще цвѣтныя, шелковыя же юбки, съ разрѣзанными боками и шелковыми кистями. За пазухой, по обыкновенію, былъ цѣлый магазинъ всякой всячины: тамъ лежала трубка, бумажникъ, платокъ для отиранія пота и куча листовъ тонкой, проклеенной, очень крѣпкой бумаги, на которой они шинутъ, отрывая по листку, въ которую сморкаются и, наконецъ, завертываютъ въ нее, что пужно. Они присѣли, положивъ руки на колѣни, т.-е. поклонились нашимъ.

По-японски ихъ зовутъ *гокейнсы*. Они старшія въ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. Ихъ повели на ютъ, куда принесли стулья; гокейнсы сѣли, а прочіе отказались сѣсть, почтительно указывая на нихъ. Подали чай,

конфетъ, сухарей и сладкихъ пирожковъ. Они выпили чай, покурили, отвѣдали конфетъ, и по одной завернули въ свои бумажки, чтобъ взять съ собой; даже спрятали за пазуху по кудочку хлѣба и сухаря. Наливку пили съ удовольствіемъ.

Когда дошло дѣло до вопроса: зачѣмъ они пріѣхали, одинъ переводчикъ, толстый и рыбой, по имени Льода, сталъ передъ гокейнсами, низко поклонился и, оставшись въ наклоненномъ положеніи, передалъ нашъ вопросъ. *Гокейнъ*, тихо, почти шопотомъ, и скоро, началъ говорить, также нагнувшись къ переводчику, и всѣ другіе переводчики, и другой гокейнсъ, и часть свиты, тоже наклонились и слушали.—«*Хи, хи, хи!*» твердилъ переводчикъ отрывисто, пока гокейнсъ отвѣчалъ ему. Частица *хи* означаетъ подтвержденіе рѣчи, въ родѣ *да, слушаю*. Ее употребляютъ только младшіе, слушая старшихъ. Потомъ, когда гокейнсъ кончилъ, Льода потянулъ воздухъ въ себя—и вдругъ, выпрямившись передъ нами, перевелъ, что они пріѣхали предложить нѣкоторые вопросы.

Онъ говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, а иногда вдругъ возвышалъ его на какомъ-нибудь словѣ до крика, кивалъ головой, улыбался. Прочіе переводчики молчали: у нихъ правило, когда старшій тутъ, другой молчитъ, но непременно слушаетъ; такъ они повѣряютъ другъ друга. Эта система взаимнаго шпіонства немного похожа на іезуитскую. Такъ ихъ переводчикъ *Садагора*—который страхъ какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой, недоставало только очковъ и чулка въ рукахъ—молчалъ, когда говорилъ *Лгода*, а когда *Лгоды* не было, говорилъ *Садагора*, а молчалъ *Нарабайоси* и т. д.

«Отчего у васъ», спросили они, вынувъ бумагу, исписанную японскими буквами: «сказали на фрегатѣ, что корветъ вышелъ изъ Камчатки въ маѣ, а на корветѣ сказали, что въ іюль?»—«Оттого», вдругъ послышался сзади голосъ ко-

мандира этого судна, который случился тутъ же: «я похерилъ два мѣсяца, чтобъ не было придирокъ да разспросовъ, гдѣ были въ это время и что дѣлали». Мы всѣ засмѣялись, а П. что-то придумалъ и сказалъ имъ въ объясненіе.

Корветъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ въ маѣ изъ Камчатки, но заходилъ на Сандвичевы острова. Мы спросили японцевъ, зачѣмъ это имъ?—«Что вамъ за дѣло, гдѣ мы были? вамъ только важно, что мы пришли».

Чтобы согласить эту разногласицу, Льода вдругъ предложилъ сказать, что корветъ изъ Камчатки, а мы изъ Петербурга, вышли въ одно время.—«Лучше будетъ, когда скажете, что и пришли въ одно время, въ три мѣсяца». Ему показали карту и объяснили, что изъ Камчатки можно придти въ недѣлю, въ двѣ, а изъ Петербурга въ полгода. Онъ сконфузился и сталъ самъ смѣяться надъ собой.

Тутъ же показали имъ кетати Россію и Японію. Увидѣвъ, какъ послѣдняя мала, они добродушно стали хотать.

Имъ замѣтили, что напрасно они обременяютъ себя и другихъ этими вопросами. — «Въ Едо надо послать», отвѣчали они. Потомъ слѣдовалъ другой, третій вопросъ, все въ томъ же родѣ. — «И все надо въ Едо посылать?» — «Все!» сказалъ, потянувъ въ себя воздухъ, Льода.—«Ну, много же у васъ дѣла въ Едо!» подумалъ кто-то подлѣ меня вслухъ. Но я, вспомнивъ, какими вопросами осыпали японцы съ утра до вечера нашего знаменитаго плѣнника. Головнина, нашель еще, что эти вопросы не такъ глупы. Они уѣхали поздно ночью, улыбаясь, присѣдая и кланаясь.

А между тѣмъ наступалъ опять вечеръ, съ нитями огней по холмамъ, съ отраженіемъ холмовъ въ водѣ, съ фосфорическимъ блескомъ моря, съ трескомъ кузнечиковъ, и крикомъ гребцовъ: «осильянтъ, осильянтъ!» Но это ужъ мало заняло насъ: мы привыкли, ознакомились съ мѣстностью, и оттого шканцы и ютъ тотчасъ опустѣли, какъ только бу-

фетчики, Индентъ и Витуль, зазвенѣли стаганами, а вѣсто-
вые, съ фуражками въ рукахъ, подходили, то къ одному,
то къ другому, съ приглашеніемъ: «чай кушать».

Баніосамъ, на прощаньи, сказано было, что есть два
письма: одно къ губернатору, а другое выше; чтобъ за
первымъ онъ прислалъ чиновника, а другое принялъ самъ.
«Скажемъ губернатору», отвѣчали они. Они, желая вывѣ-
дать о причинѣ нашего прихода, спросили: не привезли ли
мы потергѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, потому: не
надо ли намъ провизіи и воды — двѣ причины, которыя
японцы только и считали достаточными для ипоземцевъ,
чтобъ явиться къ нимъ, и то въ послѣднее время. А
прежде, какъ извѣстно, они и потергѣвшихъ кораблекру-
шеніе, своихъ же японцевъ, не пускали назадъ, въ Японію.
«Вы уѣхали изъ Нипона», говорили они, «такъ ступайте,
куда хотите». Съ иностранцами поступали еще строже: ихъ
держали въ неволѣ.

Но время взяло свое, и японцы уже не тѣ, что были
сорокъ, пятьдесятъ и болѣе лѣтъ назадъ. Съ нами они
были очень любезны; спросили объ именахъ, о чинахъ и
должностяхъ каждаго изъ насъ, и все записали, вынувъ
изъ-за пазухи складную желѣзную чернильницу, въ родѣ
нашихъ старинныхъ свѣчныхъ щипцовъ. Тамъ была тушь
и кисть. Они ловко владѣютъ кистью. Я попробовалъ-было
написать одному изъ опнеръ-баніосовъ свое имя кистью,
рядомъ съ японскою подписью — и осрамился: латинскихъ
буквъ нельзя было узнать.

Прошло дня два: въ это время дано было знать япон-
цамъ, что намъ нужно мѣсто на берегу и провизія. Про-
визіи они прислали небольшое количество въ подарокъ, а
о мѣстѣ объявили, что не смѣютъ дать его безъ разрѣшенія
изъ Едо.

На третій день послѣ этого, пріѣхали два баніоса: одинъ
бывшій въ прошедшій разъ, пріятель нашъ *Баба-Городзай-*

монг, который уже ознакомился съ нами и освоился на фрегатахъ, шутилъ, звалъ насъ по именамъ, спрашивалъ названіе всего, что попадалось ему въ глаза, и записывалъ. Онъ былъ, повидимому, очень добръ, живъ, общителенъ. Другой — *Самбро*. Не думайте, чтобъ въ понятіяхъ, словахъ, манерахъ японца (за исключеніемъ развѣ сморкаши въ бумажки, да прятанья конфетъ: но вспомните, какъ сморкаются двѣ трети русскаго народа и какъ недавно барыни наши бросили ридикюли, которые наполнялись конфетами на чужихъ обѣдахъ и вечерахъ) было что-нибудь дикое, странное, поражающее европейца. Ровно ничего: только костюмъ, да дѣйствительно нелѣпая прическа бросаются въ глаза. Во всемъ прочемъ это народъ, если не сравнивать съ европейцами, довольно развитой, развязный, пріятный въ обращеніи и до крайности занимательный своеобразиемъ воспитанія. Объ этомъ придется говорить ниже.

Баніосы привезли съ собой переводчиковъ, Лёду и Садагору. Ихъ принялъ сначала П—тъ, потомъ адмиралъ, въ своей каютѣ. Баніосовъ посадили на массивныя кресла, нѣсколько человекъ свиты сѣли сзади, на стульяхъ. Адмиралъ помѣстился на софѣ, противъ нихъ, а мы вчетверомъ у окошекъ, на длинномъ диванѣ. Лёда и Садагора стояли, согнувшись, такъ что лицъ ихъ вовсе было не видать, и только шапки торчали вверхъ. Баба-Городзаймонъ, наклонясь немного къ Лёдѣ и втягивая въ себя воздухъ, началъ говорить шопотомъ, скоро и долго. У него препріятная манера говорить: онъ говоритъ какъ женщина, такъ что самые его отказы и противорѣчія смягчены этимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ. «Хи-хи-хи», отрывисто и усердно повторялъ Лёда, у котораго подергивало плечи и потъ капался струями по вискамъ. Въ каютѣ было душно, а снаружи жарко, до 20°.

Лёда, выслушавъ, выпрямился, обратился къ П—ту, который сидѣлъ подлѣ баніосовъ, и объявилъ, что губер-

наторъ просить прислать письмо, адресованное собственно къ нему. Про другое, которое слѣдовало переслать въ Едо, къ высшимъ властямъ, онъ велѣлъ сказать, что оно должно быть принято съ соблюденіемъ церемоніала, а онъ, губернаторъ, опредѣлить его самъ не въ состояніи, и потому послалъ въ столицу просить разрѣшенія. «А какъ скоро можно сдѣлать путь туда и обратно?» спросили ихъ, зная, впрочемъ, что этотъ путь можно сдѣлать недѣли въ три, и даже, какъ говоритъ англійскій путешественникъ Вельчеръ, въ двѣ недѣли. Имъ сказано было и объ этомъ. Баба отвѣчала, однакожь, что вѣроятно на отвѣтъ понадобится дней тридцать. Онъ извинялся тѣмъ, что надо обдумать отвѣтъ, но адмиралъ настаивалъ, чтобъ отвѣтъ прислали скорѣе. Тогда Садагора отвѣчала, что курьеръ помчится, *какъ птица*.

Одинъ изъ свиты все носился съ какимъ-то ящикомъ, завязаннымъ въ платокъ. Когда отдали письмо Баба-Городзаимону, онъ развязалъ деревянный лакированный ящикъ, поставилъ его на столъ, принялъ письмо обѣими руками, поднялъ его, въ знакъ уваженія, ко лбу, положилъ въ ящикъ и завязалъ опять въ платокъ, украшенный губернаторскими гербами. Послѣ этого перевязалъ узелъ шнуркомъ, досталъ изъ-за пазухи маленькую печать, приложилъ къ шнурку и отдалъ ящикъ своему чиновнику, сказавъ что-то переводчику. — «Хи-хи-хи!» повторялъ тотъ и, обратившись къ намъ, перевелъ, что письмо будетъ доставлено вѣрно и въ тотъ же день.

Адмиралъ предложилъ намъ завтракать въ своей каютѣ, предоставивъ намъ хозяйничать, а самъ остался въ гостиной. Мы сѣли за большой столъ. Подали, по обыкновенію, чаю, потомъ все сладкое, до котораго японцы большіе охотники, пирожковъ, еще не помню чего, вино, наливку и конфеты. Японцы всматривались во все, пробовали всего понемножку и завертывали въ бумажку то конфету, то кусочекъ торта, а Льода прибавилъ къ этому и варенья,

и все спряталъ въ свою обширную кладовую, т. е. за пазуху: «дѣтямъ», сказалъ онъ намъ. Гостямъ было жарко въ каютѣ, они вынимали маленькіе бумажные платки и отирали потъ, другіе, особенно второй баніосъ, сморкались въ бумажки, прятали ихъ въ рукавъ, обмахивались вѣерами. О. А. Т. завелъ ящикъ съ музыкой, и вдругъ тихо, подъ сурдиной раздалось *grâce, grâce* — изъ Роберта. Но это мало подѣйствовало: Баба сказалъ, что у него есть двѣ табакерки съ музыкой: голландцы привезли. Въ углу накрытъ былъ другой столъ, для нѣсколькихъ лицъ изъ свиты. Баба не пилъ совсѣмъ вина: онъ сказалъ, что постоянно страдаетъ головою болью и «оттого», прибавилъ онъ, «вы видите, что у меня не совсѣмъ гладко выбрита голова». Ему предложили посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ, но онъ поблагодарилъ и отказался.

Вообще мы старались быть любезны съ гостями, показывали имъ, послѣ завтрака, картинки и, между прочимъ, въ книгѣ Зиболда изображеніе японскихъ видовъ: людей, зданій, пейзажей и прочаго. Они попросили показать фрегатъ одному изъ баніосовъ, который еще въ первый разъ пріѣхалъ. Ихъ повели по палубамъ. Они разсматривали пушки, ружья, и внимательно слушали объясненія о ружьяхъ съ новыми прицѣлами, купленныхъ въ Англіи. Все занимало ихъ, и въ этомъ любопытствѣ было много наивнаго, дѣтскаго, хотя японцы и удерживались слишкомъ обнаруживаться.

Они пробыли почти до вечера. Свита ихъ, прислужники, бродили по палубѣ, смотрѣли на все, полуразиня ротъ. По фрегату раздавалось щелканье соломенныхъ сандалій и безпрестанно слышался шорохъ шелковыхъ юбокъ, такъ что, въ иную минуту, почудится что-то будто знакомое... взглянешь и разочаруешься! Нѣкоторыя фізіономіи до крайности глуповаты.

Тутъ были между прочимъ два или три старика, въ пан-

талонахъ, то-есть ноги у нихъ выше обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандалии. Коротенькія мантии были тоже синія. Что это за люди? спросили. — Солдаты, говорятъ. Солдаты! нельзя ничего выдумать противоположнаго тому, что у насъ называется солдатомъ. Они, отъ старости, едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Съдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди.

Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической фizioноміи, хотя умныхъ и лукавыхъ много. Да если и есть, такъ зачесанная сзади кверху коса и гладко выбритое лицо дѣлаютъ ихъ непохожими на мужчинъ.

Съ лодокъ налѣзло на трапы и руслены множество голыхъ, полуголыхъ и оборванныхъ гребцовъ. На нѣкоторыхъ много-много, что синій длинный халатъ — и больше ничего: ни панталонъ, ни кофть, ни сандалій. О шапкахъ я не упоминаю, потому что здѣсь эта часть одежды не существуетъ. На югѣ, въ Китаѣ, я видѣлъ, носятъ еще зимнія маленькія шапочки, а лѣтомъ немногіе ходятъ въ остроконечныхъ малайскихъ соломенныхъ шапкахъ, похожихъ на крышку отъ суповой миски, а здѣсь ни одного японца не видно съ покрытой головой. Они даже рѣдко прикрываютъ ее и вѣеромъ, какъ китайцы. Ѣдетъ иногда лодка съ нѣсколькими человѣками: любо смотрѣть, какъ солнце жарить ихъ прямо въ головы: лучи играютъ на бритыхъ, гладкихъ лбахъ, точно на позолоченныхъ маковкахъ какой-нибудь башни, и на каждой головѣ горитъ огненная точка. Какъ бы, кажется, не умереть, или, по крайней мѣрѣ, не сойти съ ума, отъ такой прогулки, подъ солнечными лучами, а имъ ничего, да еще подъ здѣшними лучами, которые, какъ мѣдныя спицы, вонзаются въ голову!

Баба обѣщала доставить намъ большое удобство: мытьё бѣлья въ голландской факторіи. Наконецъ, японцы уѣхали.

Кто-то изъ нихъ кликнулъ меня и схватилъ за руку. «А, Баба, Adieu!»—«Adieu!» повторилъ и онъ.

Дни мелькали за днями: вотъ уже вторая половина августа. Японцы одолѣли насъ. Ѣздить каждый день раза по два, то съ провизіей, то съ вопросомъ, или съ отвѣтомъ. Ужъ этотъ мнѣ крайній Востокъ: пока, кромѣ крайней скуки, толку нѣтъ! Разглядываешь, отъ нечего дѣлать, ихъ лица и не знаешь, что подумать о ихъ происхожденіи. Какъ имъ ни противно быть въ родствѣ съ китайцами, какъ ни противорѣчатъ этому родству нѣкоторые рѣзкія отличія однихъ отъ другихъ, но всякій разъ, какъ поглядишь на окладъ и черты ихъ лицъ, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою. Тѣ же продолговатыя, смугло-желтыя лица, такое же образованіе челюстей, губъ, выдавшіеся лбы и виски, нѣсколько приплюснутый носъ, черные и каріе, средней величины, глаза. Я не говорю уже о нравственномъ сходствѣ: оно еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. Вѣроятно, и тѣ, и другіе вышли изъ одной колыбели, Средней Азіи, и конечно составляли одно племя, которое въ незапамятныя времена распространилось по юго-восточной части материка и потомъ перешло на всѣ окрестные острова.

Татарскій проливъ и племенная, нерѣдка въ исторіи многихъ, имѣющихъ одинъ корень народовъ, вражда, могли раздѣлить навсегда два племени, изъ которыхъ въ одно, китайское, подмѣшались, пожалуй, и маньчжуры, а въ другое, японское—малайцы, которыхъ будто бы японцы, говоритъ Кемпферъ, застали въ Нипонѣ и вытѣснили вонъ. Въ языкѣ ихъ, по словамъ знающихъ по-китайски, есть нѣкоторое сходство съ китайскимъ. И опять могло случиться, что первобытный, общій языкъ того и другого народа — у китайцевъ такъ и остался китайскимъ, а у японцевъ могъ смѣшаться съ языкомъ quasi-малайцевъ, или тѣхъ островитянъ, которыхъ они застали на Нипонѣ, Кіузіу и другихъ островахъ, и которые могли быть, пожалуй, и курильцы.

Чѣмъ это не мнѣніе, скажите на милость? Я знаю, что я не понравился бы за это японцамъ, до того, что они не прочь бы посадить меня и въ клѣтку, благо я теперь въ Японіи. Они сами производятъ себя отъ небесныхъ духовъ, а потомъ соглашаются лучше происходить съ сѣвера, отъ курильцевъ, лишь не отъ китайцевъ. Но я готовъ отстаивать свое мнѣніе, теперь особенно, когда я только что разстался съ китайцами, когда черты лицъ ихъ такъ живы въ моей памяти, и когда я вижу другія, имъ подобныя. Чѣмъ же это не мнѣніе? Вѣдь Кемпферъ выводитъ же японцевъ прямо—откуда бы вы думали? отъ вавилонскаго столпотворенія! Онъ ведетъ ихъ толпой, или *колоніей*, какъ онъ называетъ, изъ-за Каспійскаго моря, черезъ всю Азію въ Китай, и оттуда въ Японію, прямо, такъ, какъ они есть, съ готовымъ языкомъ, нравами, обычаями, чуть не съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ были завязаны вотъ эти пынѣшнія ихъ кофты, съ гербами, и юбки. Замѣчу еще, что здѣсь, кромѣ различія, которое кладутъ, между простымъ и непрымъ народомъ, образъ жизни, пища, воспитаніе и занятія, есть еще другое, рѣзкое, несомнѣнно племенное различіе. Когда всматриваешься пристально въ лица старшихъ чиновниковъ и ихъ свиты, и многихъ другихъ, толпящихся на окружающихъ насъ лодкахъ, невольно придешь къ заключенію, что тутъ сошлись и смѣшались два племени. Простой народъ дѣйствительно имѣетъ въ чертахъ большое сходство съ малайцами, которыхъ мы видѣли на Явѣ и въ Синганурѣ. А такъ какъ у японцевъ строже, нежели гдѣ-нибудь, соблюдается нетерпимость смѣшенія однихъ слоевъ общества съ другими, то и немудрено, что поработившее племя до сихъ поръ остается неслитымъ съ поработленнымъ.

Сравните японское воспитаніе съ китайскимъ: оно одинаково. Одна и та же привилегированная, древняя религія Синто, или поклоненіе небеснымъ духамъ, какъ и въ Ки-

таѣ, далѣе буддизмъ. Но и тутъ и тамъ господствуетъ болѣе нравственно-философскій, нежели религіозный духъ, и совершенное равнодушіе и того и другого народа къ религіи. Затѣмъ одинакое трудолюбіе и способности къ ремесламъ, любовь къ земледѣлію, къ торговлѣ, одинакіе вкусы, одинъ и тотъ же родъ пищи, одежда — словомъ, во всемъ найдете подобіе, въ иныхъ случаяхъ до того, что удивляешься, какъ можно допустить мнѣніе о разномысленности этихъ народовъ!

И тѣ и другіе подозрительны, недовѣрчивы; спасаются отъ опасностей за системой замкнутости, какъ за каменной стѣной; у обонхъ одна и та же цивилизація, подъ вліяніемъ которой оба народа, какъ два брата въ семьѣ, росли, развивались, созрѣвали и состарѣлись. Если бы эта цивилизація была заимствована японцами отъ китайцевъ, только по соседству, какъ отъ чужого племени, то отчего же маньчжуры, и другіе народы кругомъ, остаются до сихъ поръ чуждыми этой цивилизаціи, хотя они еще ближе къ Китаю, чѣмъ Японія.

Нѣтъ, пусть японцы хоть сейчасъ посадятъ меня въ кѣтку, а я, съ упрямствомъ Галилея, буду утверждать, что они — отрѣзанные ломти китайской семьи, ея дѣти, ушедшія на острова и, по географическому своему положенію, запершія тамъ до нашего прихода. И самыя острова эти, если вѣрить геологамъ, должны составлять часть, оторвавшуюся нѣкогда отъ материка...

Вамъ, можетъ-быть, покажется странно, что я вхожу въ подробности о дѣлѣ, которое, въ глазахъ многихъ, привыкшихъ считать безусловно Китай и Японію за одно, не подлежитъ сомнѣнію. Вы, конечно, того же мнѣнія, какъ и эти многіе, какъ и я, какъ и всѣ вѣроятно, словомъ — *tout le monde*. Только японцы оскорбляются, когда иностранцы, по *невѣжеству* и *варварству*, какъ говорятъ они, смѣшиваютъ ихъ съ китайцами. Извративъ этотъ вопросъ только

потому, что я... въ Японіи теперь. А кто сюда попадетъ, тотъ неминуемо коснется и вопроса о сходствѣ японцевъ съ китайцами. Это здѣсь капитальный вопросъ. Я только слѣдую примѣру другихъ. Что дѣлать: отъ скуки влялся въ педантизмъ!

Зато избавляю себя и васъ отъ дальнѣйшихъ воззрѣній и догадокъ: разсмотрите эти вопросы на досугѣ, въ кабинетѣ, съ помощью ученыхъ источниковъ. Буду просто рассказывать, что вижу и слышу.

Говоря объ источникахъ, упомяну однакожь объ одномъ, чуть ли не самомъ любопытномъ. Уставъ отъ Кемпфера, я напалъ на одну старую книжку, въ библиотекѣ моего сосѣда по каютѣ, тоже о Японіи или о *Японъ*, какъ говоритъ заглавіе, и *о винѣ гонимія на христіанъ*, сочиненія Карона и Гагенара, переведенныя чрезъ Степана Коровина, Синбирнина, и Ивана Горлицкаго. Къ сожалѣнію, конецъ страницы, съ обозначеніемъ года изданія, оторванъ. За этой книгой я отдыхалъ отъ подробныхъ, и подчасъ утомительныхъ описаній почтеннаго Кемпфера и другихъ авторитетовъ. Что за краткость, что за добродушіе! какой языкъ! Не могу не подѣлиться съ вами ученымъ наслажденіемъ и выпишу на выдержку, съ дипломатическою точностью, два-три мѣста о Японіи и о японцахъ.

. . . . «островъ Ябадін, о которомъ сказуетъ Птоломей, есть оной, его же нынѣ нарицають островомъ Нифонъ».

. . . . «имперія Японская нынѣ обрѣтается сочинена изъ многихъ острововъ, изъ которыхъ нѣкія могутъ быти и не острова, но полуострова».

«Компанія Голландская во Индіи восточной пребываша тогда въ такомъ великомъ благоденствіи, по истинѣ весьма великомъ..»

. . . . «Чтожь бы то такое ни было, воспитаніе ли, или какъ то естественно, что жены тамъ (въ Японіи) добры, жестоко вѣрны и очень стыдливы».

. . . . «Много имѣютъ Японцы благосклонности къ отцамъ и къ матерямъ и такъ умствуютъ, что тотъ, который въ этомъ поползнется, того уже боги показнятъ».

. . . . «Доходы вельможъ бываютъ отъ разнаго произношенія страны, которою кто владѣетъ. У иныхъ земля много производитъ жита, нѣныи вынимаютъ много золота и серебра, а прочія мѣди, олова, свинца...»

И этимъ языкомъ и тономъ написана вся эта любопытная книга, вѣроятно современница Телемахиды!

Я лѣнился записывать имена всѣхъ прѣѣзжавшихъ къ намъ *гокейсовъ* и *толковъ*. Баба ѣздила почти постоянно и всякій разъ привозила съ собой какого-нибудь новаго банюса, вѣроятно, пріятеля, желавшаго посмотреть большое судно, четырехъ-аршинныя пушки, ядра, съ человѣческую голову величиной, послушать музыку и посмотреть ученье, военныя тревоги, бѣганье по вантамъ и маневры съ парусами. Однажды, при нихъ, заставили матросовъ маршировать: японцы сѣли на ютѣ на пяткахъ и съ восторгомъ смотрѣли, какъ четыреста человѣкъ стройно перекидывали въ рукахъ ружья, точно перья, потомъ шли, нога въ ногу, подъ музыку, будто одна одушевленная масса. При нихъ катались и на шлюпкахъ, которыя, какъ птицы, съ распущенными крыльями, скользили по водѣ, опрокинувшись почти совсѣмъ на бокъ.

Японцы тихо, съ улыбкой удовольствія и удивленія, общались другъ другу замѣчанія на своемъ звучномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, и особенно одинъ изъ переводчиковъ, *Нарабайоси 2-й* (ихъ два брата, двоюродные, иначе *Гейстра*), молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, говорящій немного по-английски, со вздохомъ сознался, что все видѣнное у насъ приводитъ его въ восторгъ, что онъ хотѣлъ бы быть европейцемъ, русскимъ, путешествовать и заглянуть куда-нибудь, хоть бы на Бонинъ-Сима...

Бѣдный, доживешь ли ты, когда твои соотечественники,

волей или неволей, пустять другихъ къ себѣ, или повезуть своихъ въ другія мѣста? Ты, конечно, будешь изъ первыхъ. Этотъ Нарабайоси 2-й очень скромнень, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ лицѣ и манерахъ, какой замѣтенъ у нѣкоторыхъ изъ японцевъ, нѣтъ также самоувѣренности многихъ, которые совершенно довольны своею участью и ни о чемъ больше не думаютъ. Видно, что у него бродитъ что-то въ головѣ, сознание и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его... И онъ не одинъ такой. Въ этихъ людяхъ будущность Японіи—и нашъ успѣхъ.

Красивыхъ лицъ я почти не видалъ, а оригинальныхъ много, большая часть, почти всѣ. Вошь, посмотрите, они стоятъ въ кучѣ на палубѣ, около шпигля, а не то заберутся на вахтенную скамью. Зачесанныя снизу косы придаютъ головѣ видъ груши, кофты напоминаютъ надѣтыя въ рукава кацавейки, или мантильи съ широкими рукавами, да лѣе халаты и туфли. Одно лицо толстое, мясистое, другое длинное, худощавое, птичье; брови дугой, и такой взглядъ, который самъ докладываетъ о глупости головы; третій рябой—рябыхъ много—никакъ не можетъ спрятать верхнихъ зубовъ. Одинъ смотритъ, поднимая брови, какъ матросы, купаясь, одинъ за другимъ бросаются съ русленой прямо въ море и на нѣсколько мгновений исчезаютъ въ водѣ; другой присѣлъ надъ люкомъ и не сводитъ глазъ съ того, что дѣлается въ каютъ-компани; третій, сидя на стулѣ, уставилъ глаза въ пушку и не можетъ отъ старости свести губъ. Стоять на ногахъ они неуклюже, опустившись корпусомъ на колѣнки, и большею частью смотрятъ сонно, вяло: видно, что ихъ ничто не волнуетъ, что нѣтъ, въ этой массѣ людей, постоянной идеи и цѣли, какая должна быть въ мыслящей толгѣ, что они ѣдятъ, спятъ и больше ничего не дѣлаютъ, что привыкли къ этой жизни и любятъ ее. Это все свита.

Баніосы тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, Бабы-Гарад-

займона, Самбро. не лучше: одинъ скажетъ свой вопросъ или отвѣтъ, и потомъ сонно зѣваетъ по сторонамъ, пока переводчикъ передаетъ. Развѣ ученье, внезапный шумъ на палубѣ, или что-нибудь подобное, разбудить ихъ вниманіе: они вытаращатъ глаза, наострятъ уши, а потомъ опять впадаютъ въ апатію. И музыка перестала шевелить ихъ. Нѣтъ оживленнаго взгляда, смѣлаго выраженія, живого любопытства, бойкости—всего, чѣмъ такъ сознательно владѣеть европеецъ.

Одинъ только, кромѣ Нарабайоси 2-го, о которомъ я уже говорилъ, обратилъ на себя мое вниманіе, еще одинъ — и тѣмъ онъ былъ замѣтнѣе. Я не знаю его имени: онъ принадлежалъ къ свитѣ и не входилъ съ баніосами въ каюту, куда, по тѣсотѣ и жару, впускались немногія, только необходимыя лица. Онъ высокъ ростомъ, строенъ и держалъ себя прямо. Совѣстно ли ему было, что онъ не былъ допущенъ въ каюту, или просто онъ признавалъ въ себѣ другое какое-нибудь достоинство, кромѣ чести быть японскимъ чиновникомъ, и понималъ, что окружаетъ его—не знаю, но онъ стоялъ на палубѣ гордо, въ красивой, небрежной позѣ. Лицо у него было европейское, черты правильныя, губы тонкія, челюсти не выдавались впередъ, какъ у другихъ японцевъ. Незамѣтно чуже было въ выраженіи лица ни тупого самодовольствія, ни комической важности, или наивной, ограниченной веселости, какъ у многихъ изъ нихъ. Напротивъ, въ глазахъ, кажется, мелькало сознаніе о своемъ *японствѣ* и о томъ, что ему недостаетъ, чего бы онъ хотѣлъ. Видите ли, и японецъ можетъ быть интересенъ, но какъ рѣдко! Если онъ пріѣдетъ еще разъ, непременно познакомлюсь съ нимъ, узнаю его имя, зазову въ каюту и какъ-нибудь дознаюсь, что онъ такое. Я даже думаю, не инкогнито ли онъ тутъ, не изъ любопытства ли замѣнился въ свиту и пріѣхалъ посмотреть, что мы за люди.

Вечеромъ въ тотъ дені, т. е. когда японцы приняли

письмо. они, по общанію, пріѣхали сказать, что «отдали письмо», въ чемъ мы, впрочемъ, нисколько не сомнѣвались.

Дня черезъ три, пріѣхали опять *гокейнсы*, т. е. одинъ Баба и другой, по обыкновенію, новый, смотрѣть фрегатъ. Они пожелали видѣть адмирала, объявивъ, что привезли отвѣтъ губернатора на письма отъ адмирала и изъ Петербурга. Баніосы передали, что его превосходительство *«увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ»* и что поставлено все исполнить. Принять адмирала онъ, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро.

Время между тѣмъ тянулось и наконецъ дотянулось до 9-го сентября. Ждали отвѣта изъ Едо, занимались и скучали, не занимались — и тоже скучали. Развлеченій почти никакихъ. То наши поѣдутъ на корветъ, то съ корвета пріѣдутъ къ намъ — обѣдать, пить чай. Готовятъ какую-то пьесу для театра. Японцы посѣщаютъ насъ, но пока рѣже. Вскорѣ, однакожь, они стали посѣщать насъ чаще, и вотъ почему. Въ началѣ пріѣзда мы просили прислать намъ провизіи, разумѣется, за деньги, и сказали, что иначе не возьмемъ. Въ отвѣтъ на это японцы заплѣли свою пѣсню, то есть, что надо послать въ Едо, въ верховный совѣтъ, тотъ доложить Сіогуну, Сіогунъ Микадо, и потому отвѣта скоро получить — *унмогликъ!* невозможно. Губернаторъ прислалъ только небольшое количество живности и зелени, прося принять это въ подарокъ. Ему сказали, что возьмутъ съ условіемъ, если и онъ приметъ отвѣтный подарокъ, *контр-презентъ*, какъ они называютъ.

Наши, взятыя изъ Китая и на Бонинъ-Сима, утки и куры, частію состарѣлись, не столько отъ времени, сколько отъ качки, пушечныхъ выстрѣловъ и другихъ дорожныхъ и морскихъ безпокойствъ; а частію просто были съѣдены. Надо было послать транспортъ въ Китай за быками и жив-

ностью, а шкуну, съ особыми приказаніями, на сѣверъ, къ берегамъ Сибири. Объ этомъ объявили губернатору, затѣмъ, чтобъ онъ далъ приказаніе своимъ, при возвращеніи нашихъ судовъ, впустить ихъ безпрепятственно на рейдъ. Онъ ужасно встревожился, опасаясь, вѣроятно, не за подкрѣпленіемъ ли идутъ суда, и поспѣшно прислалъ сказать, чтобы мы не посылали транспорта, что свѣжую провизію мы можемъ покупать отъ голландцевъ, а они будутъ получать отъ японцевъ.

Мы обрадовались, и адмиралъ принялъ предложеніе, а транспортъ все-таки послалъ, потому что быковъ у японцевъ бить запрещено, какъ полезный рабочей скотъ, и они мяса не ѣдятъ, а все рыбу и птицъ, поэтому мы говядины достать въ Японіи не могли. Да притомъ надо было послать бумаги и письма, черезъ Гонъ-Конгъ и Остъ-Индію, въ Европу. Губернаторъ ужасно опростоволосился. А мы въ выигрышѣ: въ недѣлю два раза дается длинная записка прислать того, другого, третьяго, живности, зелени и т. п. Отъ этого, по середамъ и пятницамъ, куча японцевъ толпится на палубѣ. Вотъ сегодня одна партія пріѣхала сказать, что другая везетъ свинью, и точно привезли. Вчера не преминули сначала дать знать, что привезутъ воды, а потомъ уже привезли. Даже и ту воду, которая слѣдовала на корветъ, они привезли сначала къ намъ на фрегатъ, сказать, что привезли, а потомъ уже на корветъ, который стоитъ сажень на сто пятьдесятъ ближе къ городу. Теперь безпрестанно слышишь щелканье соломенныхъ подошвъ, потомъ визгъ свиньи, которую танцать на трапъ, тамъ глухое паденіе мѣшка съ рѣдкой, съ капустой; вонъ корзинку яицъ тащатъ, потомъ фруктовъ, грушъ, большихъ, крѣпкихъ и годныхъ только для комюта, и *какисовъ* или *какофингъ*.

Мы воспользовались этимъ случаемъ и стали помѣщать въ реестрахъ разныя вещи: трубки японскія, рабочіе лаки-

рованые ящики съ инкрустаціей и т. п. Но вмѣсто десяти, двадцати штукъ, они вдругъ привезутъ три, четыре. На мою долю досталось однакожь кое-что: ящикъ, трубка и другія мелочи. Хотѣлось бы выписать по нѣскольку штукъ на каждого, но скупно возять. За ящикъ, побольше, берутъ по 12 таиловъ (таиль—около 3 р. асс.), поменьше—8.

Премахнувшись разъ, японцы стали слишкомъ осторожны: адмиралъ сказалъ, что, въ ожиданіи отвѣта изъ Едо объ отвѣденіи намъ мѣста, надо свезти пока на пустой, лежащій близъ насъ, камень, хронометры, для повѣрки. Объ этомъ вскользь сказали японцамъ: что же они? на другой день на камень воткнули дерево, *чтобъ сдѣлать камень похожимъ на берегъ*, на который мы обѣщали не съѣзжать. Фарсёры!

30-го августа, въ Александровъ день, былъ завтракъ у именинника Б. Ш. на корветѣ. Было очень весело. Между различными развлеченіями, было одно, очень замѣчательное. На палубу явилось человѣкъ восемнадцать мальчиковъ, отъ 12 до 16 лѣтъ. Они стройно и согласно пѣли романсы, хорошия пѣсни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконецъ двое самыхъ маленькихъ плясали по-русски. Ихъ заставляли говорить наизусть басни Крылова. У всѣхъ нерусскія фізіономіи—кто бы это были? Камчадалы! Они учатся въ школь, въ Петропавловскѣ, и готовятся въ лопманскія и штурманскія должности. Вотъ гдѣ зажглась искра просвѣщенія и искусства! Всѣ эти мальчики по праздникамъ ѣздили на фрегатъ и прекрасно хорошо пѣли объѣдню.

Насъ посѣтилъ въ началѣ сентябрю помощникъ здѣшняго оберъ-гофта или директора голландской факторіи, молодой человѣкъ, по имени... забылъ какъ. Самого оберъ-гофта зовутъ Донкеръ Курпіусъ. Онъ происходитъ изъ старой голландской фамиліи. Съ помощникомъ пріѣхала куча японскихъ переводчиковъ: они не отходили отъ него ни на шагъ.

Съ нимъ заговорили по-французски, но онъ просилъ говорить не иначе, какъ по-голландски, опасаясь японцевъ. Жалкое положеніе — сидѣть въ тюрьмѣ, Богъ знаетъ изъ чего! Этотъ молодой человѣкъ уже девять лѣтъ здѣсь. Онъ сказалъ, что на другой день явится самъ оберъ-гофтъ, съ визитомъ. Но тотъ ни на другой, ни на третій день не являлся, потомъ даль знать, что нездоровъ. Наконецъ, когда, по возвращеніи нашего транспорта изъ Китая, адмиралъ послалъ оберъ-гофту половину быка, какъ рѣдкость здѣсь, онъ благодарилъ коротенькою записочкой, въ которой выражалось большое удовольствіе, что адмиралъ понялъ настоящую причину его мнимой невѣжливости.

2-го сентября, ночью часа въ два, задулъ жесточайшій вѣтеръ: порывы съ горъ, изъ ущелій, были страшные. Въ три часа ночи, несмотря на луну, ничего не стало видно, только блистала неяркая молнія, но безъ грома, или его не слышать было за вѣтромъ.

Трудно, живучи на берегу, представить себѣ такой вѣтеръ! Гулъ отъ него, шумъ снастей, командный крикъ — просто адъ! Я въ свое окошечко видѣлъ блуждающій свѣтъ фонарей, слышалъ, точно подземный грохотъ, стукъ травимой цѣпи и глухое, тяжелое паденіе другого якоря. Разсвѣло. Я вышелъ на палубу; жарко; дышать густымъ, влажнымъ и теплымъ воздухомъ было тяжело до тоски. Я перешелъ въ капитанскую каюту, сѣлъ тамъ на окно и смотрѣлъ на море: оно напоминало выдержанный нами въ китайскомъ морѣ ураганъ. Отдали третій якорь. Весь рейдъ былъ какъ одинъ огромный водоворотъ. Вода крутилась и кипѣла, вѣтеръ съ воемъ мчалъ ее въ видѣ пыли, сѣкъ волны, которыя, какъ стадо преслѣдуемыхъ животныхъ, метались на прибрежные каменья, потомъ на берегъ, затопляя на мгновеніе хижины, батареи, плетни и палисады. Японскія лодки, притаясь подъ берегомъ, качались какъ скорлупки.

Часовъ въ семь утра мгновенно стихло, наступила отлич-

ная погода. Слѣдующая и вчерашняя ночи были такъ хороши, что не уступали тропическимъ. Какіе нѣжные тоны — сначала розоваго, потомъ фіолетоваго, вечерняго неба! какая граціозная, игривая группировка облаковъ! Луна бѣла, прозрачна, и какой мягкой свѣтъ льетъ она на все!

Но скучно и жарко: безконечное наше лѣто, начавшееся съ января, у береговъ Мадеры, тянется до сихъ поръ, какъ кошмаръ. Пройдетъ ли оно? Сегодня хотя и прохладно, но надолго ли? «Дайте срокъ: ужъ задуетъ отъ тропиковъ, будетъ вамъ прохлада!» пророчески, какъ Сибила, ворчитъ дѣдъ. Дни идутъ однообразно. Встаютъ матросы въ четыре часа (они ложатся въ восемь) и начинается мытье палубы, съ пескомъ и камнями. Это дѣлается надъ моею головой. Проснешься, слушаешь и опять заснешь, да вѣдъ какъ сладко, подъ это треніе камня и песку о доски, какъ подъ дробный стукъ дождя въ деревянную кровлю! Отъ шести до семи съ половиной встаютъ и офицеры и идутъ къ поднятію флага, потомъ пьютъ чай, потомъ — кто куда. Начинается ученье, тревоги, движеніе парусами. Я, если хороша погода, иду на ютъ и люблюсь окрестностями, смотрю въ трубу на холмы, разглядываю деревни, хижины, движушіяся фигуры людей, вглядываюсь внутрь хижинъ, черезъ широкія двери и окна, безъ рамъ и стеколъ, разсматриваю провзажающія лодки, съ группами японцевъ: потомъ сажусь за работу и работаю до обѣда. Обѣдаютъ отъ часу до половины третьяго, потомъ сонъ, потомъ прогулка, одни и тѣ же битые и перебитые разговоры. А тамъ чай, прогулка по палубѣ, при звукахъ музыки нашего оркестра, затѣмъ картина вечерней зари и великолѣпно сияющихъ, точно бенгальскими огнями, въ здѣшнемъ рѣдкомъ и прозрачномъ воздухѣ, звѣздъ. Ходишь вечеромъ посидѣть, то къ тому, то къ другому; улягутся наконецъ всѣ, идти больше не къ кому, идешь къ себѣ и садишься вновь за работу.

Пріѣздъ японцевъ не разъ прерываетъ наши дневныя

занятія. Заслышишь шелканье ихъ туфель по налубѣ, оставишь перо, возьмешь фуражку и пойдешь смотрѣть, зачѣмъ пріѣхали. Вотъ такъ пріѣхали они 5-го сентября. Мнѣ нездоровилось: я, ослабѣвшій, заснулъ до обѣда. Оаддеевъ будить: «поди, в. в., японцы здѣсь: пріѣхалъ новый, такой толстой». Я засталъ его уже у адмирала, съ другими японцами. У него круглое, полное и смуглое лицо, безъ румянца, какъ у всѣхъ у нихъ, съ выдавшимися до-нельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти невольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою. Онъ очень проворенъ и суетливъ; зовутъ его *Кичибе*. Онъ пріѣхалъ поговорить о церемоніалѣ, съ какимъ нужно принять посланника и бумагу въ верховный совѣтъ. А! значитъ полученъ отвѣтъ изъ Едо, хотя они и говорятъ, что нѣтъ: лгутъ, иначе не смѣли бы разсуждать о церемоніалѣ, не зная, примутъ ли насъ. Мнѣ поручено составить проектъ церемоніала, т.-е. какъ поѣдетъ адмиралъ въ городъ, какая свита будетъ сопровождать его, какая встрѣча должна быть приготовлена и т. п. Это очень важное дѣло здѣсь.

6-го. Такъ и есть, отвѣтъ полученъ. Сегодня явился опять новый старшій переводчикъ *Кичибе* и сказалъ, что будто сейчасъ получили отвѣтъ. У меня бумага о церемоніалѣ была готова, когда меня позвали въ адмиральскую каюту, гдѣ были японцы. К. Н. Посыеть сталъ имъ передавать изустно, по-голландски, статьи церемоніала. Кичибе улыбался, кряхтѣлъ, едва сидѣлъ отъ нетерпѣнія на стулѣ, выслушивая его слова. Онъ ссылался на нашего посланника Резанова, говоря, что у него было гораздо меньше свиты. Ему отвѣчали, что это намъ не примѣръ, что нынѣшнее посольство предпринято въ большихъ размѣрахъ, оттого и свиты больше. Адмиралъ потому болѣе настаивалъ на этомъ, что всѣмъ офицерамъ хотѣлось быть на берегу.

Не предвидя возможности посылать къ вамъ писемъ изъ Нагасаки, я пересталъ писать ихъ и началъ вести дневникъ.

Но случай послать письмо представляется, и я вырываю нѣсколько листовъ изъ дневника, чѣмъ и заключу это письмо. Сообщу вамъ, между прочимъ, о нашемъ свиданіи съ нагасакскимъ губернаторомъ, какъ оно записано у меня подъ 9-мъ сентября.

«Что это, откуда я? гдѣ былъ, что видѣлъ и слышалъ? Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи одной ночи, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или это такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнуть разъ въ воображеніи, поражаютъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?»

Вы, конечно, бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а если бъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ — не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность?—«Гдѣ-нибудь на островахъ, у Излера?» возразите вы. Да, на островахъ, конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно Кампи Сама, нагасакскаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него.

Не подумайте, чтобъ тамъ поразила насъ какая-нибудь нелѣпая пестрота, отъ которой глазамъ больно, груди яркихъ тканей, драгоценныхъ камней, ковровъ, арабески— все, что называютъ восточною роскошью — нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ, все просто, скромно, даже бѣдно, но все странно, ново! что шагъ, то небывалое для насъ.

Еще 5-го, 6-го и 7-го сентября, ежедневно ѣздили къ намъ гокейссы договариваться о церемоніалѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ, въ Европѣ, хлопчете въ эту минуту о томъ, *быть или не быть*, а мы цѣлые дни бились надъ вопросами: *сидѣть или не сидѣть, стоять или не стоять*, потомъ *какъ и на чемъ сидѣть* и т. п. Японцы предложили сидѣть по-своему, на полу, на пяткахъ. Станьте на колѣни

и потому сядьте на пятки—вот это и значить сидѣть по-японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пяти минутъ не просидите, а японцы сидятъ по нѣскольку часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ такъ сидѣть; а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по-нашему, на креслахъ? Но японцы тоже не умѣютъ сидѣть по-нашему, а кажется, чего проще? съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните, какъ угощали другъ друга *Журавль и Листикъ*—это буквально одно и то же.

На другой день рано утромъ явились японцы, среди дня опять японцы и къ вечеру они же. То и дѣло приѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка, съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвращаютъ уже о прибытіи *гокейнсовъ*. Зачѣмъ еще? «Да все о церемоніалѣ».—«Опять?»—«Мнѣніе губернатора привезли».—«Ну?»—«Губернаторъ проситъ, нельзя ли на полу-то вамъ посидѣть?..» началъ со смѣхомъ и ужимками Кичибе.

Онъ, воротясь изъ Едо, куда былъ посланъ, кажется, присутствовать при переговорахъ съ американцами, замѣнилъ Льоду и Садагору, какъ старшій.

«Ахъ, ты, Боже мой! вѣдь сказали, что не сядемъ, не умѣемъ, и платья у насъ не такъ сшиты, и тяжело намъ сидѣть на пяткахъ...» — «Да вы сядьте хоть не на пятки, просто, только прогяните ноги куда-нибудь въ сторону...» — «Не оставитъ ли ихъ на фрегатѣ?» ворчали у насъ и, наконецъ, разсердились. Мы объявили, что привеземъ свои кресла и стулья и сядемъ на нихъ, а губернаторъ пусть сидитъ, на чемъ и какъ хочетъ.

Кичибе, Льода и Садагора—все поникли головой, но потомъ согласились. Все это говорили они въ капитанской каютѣ. Адмиралъ объявилъ имъ утромъ свой отвѣтъ, и узнавъ, что они вечеромъ приѣхали опять съ пустяками, съ объясненіями о томъ, какъ сидѣть, уже ихъ не принялъ, а

поручилъ разговаривать съ ними намъ. «Да вотъ еще», просили они: «губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ просить принять завтракъ». — «Съ удовольствіемъ», приказалъ сказать адмиралъ. «Послѣ разговора о дѣлахъ», продолжалъ Кичибе: «губернаторъ пойдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату», прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь: «да и... позавтракаете». — «Одни?» спросили его: «вы никакъ съ ума сошли? У насъ, въ Европѣ, этого не дѣлается». — «По-японски это весьма употребительно», сказали они, «мы такъ всегда...»

Но, кажется, глупы: они хотѣли подражать адмиралу, который велѣлъ приготовить, въ первое свиданіе съ японцами на фрегатѣ, завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ. Боже мой! сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился; у него по вискамъ лились потоки испарины. Льода кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ ослабился. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ и къ другимъ вопросамъ, напримѣръ, къ тому, въ чьихъ шляпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ: опять упрашиванья съ ихъ стороны, отказъ съ нашей. У нихъ вытянулись лица.

Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, если бъ онѣ не вели за собой довольно важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьезныхъ вопросахъ и, пожалуй, повести къ нѣкоторой заносчивости въ сношеніяхъ съ нами. Оттого адмиралъ и придерживался постоянно принятой имъ въ обращеніи съ ними системы: кротости, вѣжливости и твердости, какъ въ мелочныхъ, такъ

и въ важныхъ дѣлахъ. По мелочамъ этимъ, которыми начались наши сношенія, японцамъ предстояло составить себѣ о насъ понятіе, а намъ установить тонъ, который долженъ былъ господствовать въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Поэтому, обстоятельство это гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.

У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобъ смягчить отказы, и придумали сшить легкіе полотняные, или коленкоровые башмаки, чтобъ надѣть ихъ, сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это — восточный обычай скидать обувь: и японцамъ, конечно, должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, пьютъ и лежатъ. Пошла суматоха: надо было въ сутки сшить, разумѣется, на живую нитку, башмаки. Всѣхъ заняли, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя по тому, какъ плохо были сшиты мои башмаки, я подозреваю, что ихъ шилъ самъ Фаддеевъ, хотя онъ и обѣщаль дать шить паруснику. Нѣкоторые изъ насъ подумывали-было ѣхать въ калошахъ, чтобъ было что снять при входѣ въ комнату, но, для однообразія, послѣдовали общему примѣру. Впрочемъ, я, пожалуй, не прочь бы и сапоги снять, даже сѣсть на полъ, лишь бы присутствовать при церемоніи.

Вечеромъ, видимъ, опять ѣдутъ японцы. — «Который это разъ? зачѣмъ?» — «Да все о церемоніалѣ». — «Что еще?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли вамъ угоститься безъ него: такъ выходитъ хорошо по-японски», говоритъ Кичибе. — «А по-русски не выходитъ», отвѣчаютъ ему. Начались поклонны и упрасиванья. — «Ну, хорошо, скажите имъ», приказаль объявить адмиралъ, узнавъ, зачѣмъ они пріѣхали: «что, пожалуй, они могутъ подать чай, такъ какъ это ихъ обычай; но чтобъ о завтракѣ и помину не было».

Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе. Видно, ему приказано отъ губернатора непременно устроить, чтобъ

мы приняли завтракъ: губернатору, конечно, предписано отъ Горочью, а этому отъ Сіюгуна.—«Еще губернаторъ», началъ Кичибе: «просить насчетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...»—«Нельзя», коротко и сухо отвѣчено ему.

Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ мы требовали для всѣхъ офицеровъ непременно. И обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожиданія, никакого возраженія; вѣроятно, всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ея. Уѣхали.

На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на этомъ, конечно, затѣмъ, чтобъ показать народу, что мы *не ѣдемъ сами, а насъ везутъ*, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ.

Потомъ переводчики попросили изложить по-голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней; но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на югѣ обѣдать, и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ не ѣдятъ мяса, а они ѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли принести съ лодокъ и свой обѣдъ, между прочимъ, рыбу, жареную, *прессованную* и разрѣзанную правильными кусочками. К. Н. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правда ли: онъ въ дѣлѣ гастрономіи такой снисходительный.

Они уѣхали, сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9-го числа, что *рентмейстеръ*, первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскіе секретаря пріѣдутъ

извѣстить насъ, когда губернаторъ будетъ готовъ принять. Мы назначили имъ въ 10-ть часовъ утра. Тутъ они пустились въ договоры, какъ примемъ, гдѣ посадимъ чиновниковъ. «На креслахъ, на диванѣ, на полу: пусть сядутъ, какъ хотятъ, направо, налево, пусть влѣзутъ хоть на столъ», сказано имъ. — «Нельзя ли нарисовать, какъ они будутъ сидѣть?» сказала Кичибе.

Ну, сдѣлайте милость, скажите, что дѣлать съ такимъ народомъ? А надо говорить о дѣлѣ. Дай Богъ терпѣніе! Вотъ что значить запереться отъ всѣхъ: незамѣтно въ дѣтство впадешь.

Настало вождедѣнное утро. Мы цѣлый мѣсяцъ здѣсь: знаемъ подробно японскихъ свиней, оленей, даже раковъ, не говоря о самихъ японцахъ, а о Японіи еще ничего сказать не могли. — «Ѳаддеевъ! весь парадный костюмъ мнѣ приготовить: и ты побѣдешь; одѣнься». Всѣ нарядились въ парадныя платья. Я спросилъ бѣлый жилетъ, смотрю — онъ уже не бѣлый, а желтый. Шелковые галстуки, лайковые перчатки — всѣ были въ какихъ-то, чрезвычайно ровныхъ, круглыхъ, и очень недурныхъ пятнахъ, разныхъ видовъ. смотря по цвѣту, напримѣръ, на бѣлыхъ перчаткахъ были зеленоватыя пятна, на палевыхъ оранжевыя, на коричневыхъ массака, и такъ далѣе: все отъ морской сырости. — «Что жъ ты не провѣтривалъ?» строго замѣтилъ я Ѳаддееву: «видишь, ни одной родной пары нѣтъ?» — «Да это такъ нарочно сдѣлано», отвѣчалъ онъ, пораженный круглой, правильной формой пятенъ. — «А галстуки тоже нарочно съ пятнами?» Ѳаддеевъ стороной посмотрѣлъ на галстуки. — «И они въ пятнахъ», сказалъ онъ про себя: «что за чудо!»

Но о перчаткахъ нечего было и хлопотать: мы съ апрѣля, то-есть съ мыса Доброй Надежды, и не пробовали надѣвать ихъ: напрасный трудъ, не надѣнешь въ этомъ жару, а и надѣнешь, такъ будешь не радъ — не скинешь послѣ.

Въ 10-мъ часу пріѣхали, сначала опшер-баціосы, потомъ

и секретари. Мнѣ и К. Н. П-ту поручено было ихъ встрѣтить на шканцахъ и проводить къ адмиралу. Около фрегата собралось болѣе ста японскихъ лодокъ, съ голымъ народонаселеніемъ. Славно: пестроты нѣтъ, всѣ въ одномъ и томъ же костюмѣ, съ большимъ вкусомъ! Мы съ П. ждали у грот-мачты, скоро ли появятся гости и что за секретари въ Японіи, похожи ли на нашихъ?

Вотъ идутъ по трапу и ступаютъ на палубу, одинъ за другимъ, и старые и молодые японцы, и обѣ одной, и о двухъ шпагахъ, въ черныхъ и сѣрыхъ кофтахъ, съ особенно тщательно причесанными затылками, съ особенно чисто выбритыми лбами и бородой, словомъ, молодець къ молодцу: длинносице и круглолицыя, самыя смуглыя, и изжелта, и носѣтлѣе, подслѣповатыя и съ выпученными глазами, то до нельзя гладкіе, то до невозможности рябые. А что за челюсти, что за зубы! И все это лѣзло, лѣзло на палубу... Да будетъ ли конецъ? Показались переводчики, а за ними и секретари. — «Которые же секретари? гдѣ?» спрашивали мы. — «Да вотъ!..»

Весь этотъ людъ, то-есть свита, всѣ до одного вдругъ, какъ по командѣ, положили руки на колѣни и поклонились низко, и долго оставались въ такомъ положеніи, какъ будто хотятъ играть въ чехарду. — «Это-то секретари?» На трапъ шли, переваливаясь съ ноги на ногу, два старика, лѣтъ 70-ти каждый, плѣшивые, съ сѣдыми жиденькими косичками, въ богатыхъ штофныхъ юбкахъ, съ широкой бархатной по подолу обшивкой, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, и какъ всѣ прочіе, въ соломенныхъ сандаляхъ. Они едва подыали вѣки на насъ, на все, что было кругомъ, и тотчасъ же опустили. Грянула музыка — опять они подняли вѣки и опять опустили. Потомъ тихо поплелись, шаркая подошвами, куда мы повели ихъ, не глядя по сторонамъ. Оппер-баніосы тутъ же поступили въ ихъ свиту и шли за ними. И они, въ свою очередь, *ажиали*, когда тѣ обращали

къ нимъ рѣчь. Сначала ихъ привели въ капитанскую каюту и посадили, по вчерашнему рисунку, на два кресла. Прочіе не смѣли сѣсть. Секретари объявили, что желали бы видѣть адмирала.

Такъ же сонно, не глядя ни на что́ вокругъ, спустились они въ адмиральскую каюту. Тамъ, чтобъ почтить ихъ до нельзя, подложили имъ на кресла, въ отличіе отъ свиты, по сафьянной подушкѣ, такъ что ноги у нихъ не доставали до полу. Чего кажется почетнѣе? Имъ принесли чаю и наливки. Чай они хлебнули, а отъ наливки отказались, сказавъ, что имъ некогда, что они пріѣхали только отъ губернатора объявить, что его превосходительство ожидаетъ русскихъ. Они просили насъ не тотчасъ ѣхать вслѣдъ за ними, чтобъ успѣть пріѣхать во-время и встрѣтить насъ.—«Наши лодки такъ скоро, какъ ваши, ходить не могутъ», прибавили они. Баніосы остались, чтобъ ѣхать съ нами.

9-го сентября. День рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Когда, послѣ молебна, мы стали садиться на шлюпки, въ эту минуту, по свистку, взвились кверху по снастямъ свернутые флаги, и люди побѣжали по реямъ, лишь только русскій флагъ появился на адмиральскомъ катерѣ. Едва катеръ тронулся съ мѣста, флаги всѣхъ націй мгновенно развернулись на обоихъ судахъ и ярко зашестрѣли на солнцѣ. Вмѣстѣ съ гимномъ *Боже, Царя храни*, грянуло троекратное ура. Всѣ бывшіе на шлюпкахъ японцы, человекъ до пяти-сотъ, на минуту оцѣпенѣли, потомъ, въ свою очередь, единодушно огласили воздухъ крикомъ изумленія и восторга.

Впереди шла адмиральская гичка: К. Н. П.—тъ ѣхалъ въ ней, чтобъ установить на берегу почетный караулъ. Сзади ѣхалъ катеръ съ карауломъ, потомъ другой, съ музыкантами и служителями, далѣе шлюпка съ офицерами, за ней катеръ, гдѣ былъ адмиралъ со свитой. Сзади шель еще вельботъ; тамъ сидѣлъ одинъ изъ офицеровъ. Впереди,

сзади, по бокамъ, торопились во множествѣ японскія шлюпки — одни, чтобъ идти рядомъ, другія хотѣли обогнать. Ъхали медленно, около часа; музыка играла все время. По батареямъ, пристанямъ, холмамъ — вездѣ толпились кучи бритыхъ головъ, разноцвѣтныхъ, больше синихъ халатовъ. Люди, какъ утки, плавали вокругъ, по близко къ намъ не подходили.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на великолѣпные берега пролива, мимо которыхъ ѣхали. Я опять не могъ защищаться отъ досады, глядя на мѣста, гдѣ природа сдѣлала съ своей стороны все, чтобъ дать человѣку случай приложить и свою творческую руку и надѣлать чудесъ, и гдѣ человѣкъ ничего не сдѣлалъ. Вонъ тотъ холмъ, какъ онъ ни зеленъ, ни приютенъ, но ему чего-то недостасть: онъ долженъ бы быть увѣчанъ бѣлой колоннадой, съ портикомъ, или виллой, съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рывинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю, да пристань, у которой шли бы пароходы и гомозились люди. Тутъ, на высокой горѣ, стоять бы монастырю, съ башнями, куполами и золотымъ, далеко сіяющимъ изъ-за кедровъ, крестомъ. Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда, съ лѣсомъ мачтъ...

«А что, если бъ у японцевъ взять Нагасаки?» сказалъ я вслухъ, увлеченный мечтами. Нѣкоторые засмѣялись. — «Они пользоваться не умѣютъ», продолжалъ я: «что бы было здѣсь, если бъ этимъ портомъ владѣли другіе? Посмотрите, какія мѣста! Весь восточный океанъ оживился бы торговлей...»

Я хотѣлъ развивать свою мысль о томъ, какъ Японія связалась бы торговыми путями, черезъ Китай и Корею, съ Европой и Сибирью; но мы подъѣзжали къ берегу. — «Гдѣ же городъ?» — «Да вотъ онъ», говорятъ. — «Весь тутъ? за мысомъ ничего нѣтъ? такъ только-то?»

Мы не вѣрили глазамъ, глядя на тѣсную кучу сѣрыхъ, невзрачныхъ, одноэтажныхъ домовъ. Налѣво, гдѣ я предлагалъ продолженіе города, ничего не было: пустой берегъ, маленькія деревушки, да отдѣльныя, вѣроятно, рыбачьи хижины. По мысамъ, которыми замыкается проливъ, все тѣ же дрянныя батареи, да какія-то низенькія и длинныя зданія, въ родѣ казармъ. Къ берегамъ жмутся неуклюжія большія лодки. И все завѣшено: и дома, и лодки, и улицы, а народъ, которому бы очень не мѣшало завѣситься, ходитъ ужъ черезчуръ нараспашку.

Я начитался о многолюдствѣ японскихъ городовъ и теперь понять не могъ, гдѣ же помѣщается тутъ до шестидесяти тысячъ жителей, какъ говорить, кажется, Тунбергъ?— «Сколько жителей въ Нагасаки?» спросилъ я однажды Баба-Городзаймона, черезъ переводчика, разумѣется. Онъ повторилъ вопросъ по-японски и посмотрѣлъ на другого баниоса, тотъ на третьяго, этотъ на ондер-баниоса, а ондер-баниосъ на переводчика. И такъ вопросъ и взглядъ дошли опять до Бабы, но безъ отвѣта. — «Иногда бываетъ меньше, сказалъ наконецъ Садагора, а въ другой разъ больше». Вотъ вамъ и отвѣтъ! Они всего боятся; все имъ запрещено: проврутса во вздоръ—и за то бѣда. Я спросилъ однажды, какъ зовутъ Сіогуна.— «Не знаемъ», говорятъ. Впрочемъ у нихъ имя государя дѣйствительно почти тайна, или по крайней мѣрѣ они, изъ благоговѣнія, не произносятъ его; по смерти его ему даютъ другое имя. У нихъ вообще есть обычай мѣнять имена по нѣскольку разъ въ жизни, въ разныя эпохи, напримѣръ, при женитьбѣ и тому подобныхъ обстоятельствахъ.

Мы все ближе и ближе подходили къ городу: вездѣ, на высотахъ, и по берегу, и на лодкахъ, тьмы людей. Вотъ наконецъ и голландская факторія. Нѣсколько голландцевъ сидятъ на балконѣ. Мигъ показалось, что одинъ изъ нихъ поклонился намъ, когда мы поровнялись съ ними. Но вотъ

лаши переднія шлюпки пристали, а адмиральскій катеръ, въ которомъ былъ и я, держался на веслахъ, ожидая, пока тамъ все установится.

Берегъ! берегъ! Наконецъ мы ступили на японскую землю. Мы вышли на каменную пристань. Ну, берегъ не очень занимательный: хоть и не выходить!

На пристань вела довольно высокая, изъ дикаго камня, лѣстница. Набережная плотно убита была пескомъ: это широкая площадка. Дома были завѣшены сплошной, синей и бѣлой холстиной. Карауль построился въ двѣ шеренги по правую сторону пристани, офицеры по лѣвую. Сзади толпился тощей кучкой народъ, мелкій, большею частью, некрасивый и голый. Видно было, что на набережную пустили весьма немногихъ: прочіе глядѣли съ крышъ, изъ-за занавѣсокъ, проверяя въ нихъ отверстія, съ террасъ, съ горъ—отовсюду. Въ толпѣ суетился какой-то старикъ, съ злымъ лицомъ, тоже не очень одѣтый. Онъ унималъ народъ, не давалъ лѣзть впередъ, чему, кромѣ убѣдительныхъ словъ, не мало способствовала ему предлинная жердь, которая была у него въ рукахъ.

Едва адмиралъ ступилъ на берегъ, музыка заиграла, карауль и офицеры отдали честь. А гдѣ же встрѣча, кто жъ приметъ: одни переводчики? Нѣтъ, это шутки! Вѣрно спросить, узнать и вытребовать.

Переводчики засуетились, забѣгали, а мы пока осматривали носилки или «норимоны», по-японски, которыя, по уговору, ожидали насъ на берегу. Ихъ было двѣнадцать, или еще, кажется, больше, по числу офицеровъ. Я думаю, ихъ собрали со всего города. Онѣ замѣняютъ въ Японіи наши кареты. Носилки, довольно красивыя на взглядъ, обиты разными матеріями, украшены значками и кистями. Но въ нихъ сѣсть было нельзя: или ногъ, или головы, дѣвать некуда. Не для пытокъ ли заведены у нихъ эти экипажи? подумаешь, гляди на нихъ. Полунагіе носильщики, на тел-

стой жерди, продѣтой вверху, несутъ поримоны на плечахъ. Все это крайне неловко, не то что въ Китаѣ. Въ Гон-Конгѣ меня носили въ препокойныхъ и удобныхъ носилкахъ, въ родѣ нашихъ качелей, на которыхъ простой народъ качается на Святой недѣлѣ. Въ нихъ сидишь, какъ въ креслахъ. Кромѣ носилокъ, была тутъ, говорятъ, еще и лошадь. Я не замѣтилъ лошади и не знаю, зачѣмъ она была. Въ этой суматохѣ простительно и слона не замѣтить. Кое-кто изъ нашихъ попробовали-было влѣзть въ эти клѣтки, т.-е. носилки, но тотчасъ же выскочили и поили кѣшккомъ.

Наконецъ, явился какой-то старикъ, съ сонными глазами, хорошо одѣтый; за нимъ свита. Онъ сталъ неподвижно передъ нами и смотрѣлъ на насъ вяло. Не знаю, торжественность ли они выражаютъ этимъ апатическимъ взглядомъ, но только сначала, безъ привычки, трудно безъ смѣху глядѣть на эти фигуры, въ юбкахъ, съ косичками и голыми колѣнками.

Я стоялъ сзади, въ свитѣ адмирала, въ хвостѣ нашей колонны. Вдругъ впереди раздалась команда: *маршъ впередъ!* музыка грянула, и весь отрядъ тронулся съ мѣста. Слышались мѣрные и дробные шаги идущихъ въ ногу матросовъ. Отошли не болѣе ста сажень по песчаной набережной и стали подниматься на другую каменную лѣстницу. По сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другого, японскіе... Ужели это солдаты? Посмотрите, что это такое: взятые на подборъ, поменьше ростомъ, японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, потому что самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а, можетъ-быть, были одни чехлы безъ ружей. Здѣсь все можетъ быть, чего въ другихъ мѣстахъ не бываетъ.

Мы еще были внизу, а колонна змѣилась уже по лѣст-

ницѣ, штыки сверкали на солнцѣ, музыка уходила впередъ и играла все глуше и глуше. Скомандовали: *львое плечо впередъ!* колонна сжалась, точно змѣй, въ кольцо, потомъ растянулась и взяла направо: музыка заиграла еще глуше, какъ будто вошла подъ сводъ, и вдругъ смолкла.

Надъ головой у насъ голубое, чудесное небо, вдали террасы горъ, кругомъ странная улица, съ непохожими на наши домами, и людьми тоже.

Мы завернули за колонной направо, прошли ворота и очутились на чистомъ, мощеномъ дворѣ, передъ широкимъ, деревяннымъ крыльцомъ, безъ дверей.

Прежде всего бросается въ глаза необыкновенная опрятность двора, деревянной, крытой циновками лѣстницы, наконецъ, и самихъ японцевъ. Въ этомъ имъ надо отдать справедливость. Всѣ они отличаются чистотой и опрятностью, какъ въ своей собственной персонѣ, такъ и въ платьѣ. Какъ бы въ этой густой косѣ не присутствовать разнымъ запахамъ, на этихъ халатахъ не быть пятнамъ? Нѣтъ ничего. Не говорю уже о чиновникахъ: тѣ и опрятно и со вкусомъ одѣты; но взглянешь и на нищаго, видишь наготу, или разорванный халатъ, а пятенъ, грязи нѣтъ. Тогда какъ у китайцевъ, напримѣръ, чего не натерпишься, стоя въ толпѣ! Одинъ запахъ сандалнаго дерева чего стоить! отъ дыханія, наптаннаго чеснокомъ, кажется, муха умретъ на лету. Отъ японцевъ никакого запаха. Глядишь на голову: черезъ косу сквозитъ бритый, но чистый черепъ; голыя руки далеко видны въ широкомъ рукавѣ: смуглы, правда, но все-таки чисты. Манеры у нихъ приличны; въ обращеніи они вѣжливы — словомъ всѣмъ бы порядочные люди, да нельзя съ ними дѣла имѣть: медлятъ, хитрятъ, обманываютъ, а потомъ откажутъ. Бить ихъ жаль. Они такой порядокъ устроили у себя, что если бъ и захотѣли не отказать, или вообще сдѣлать что-нибудь такое, чего не было прежде, даже и хорошее, такъ не могутъ, по крайней мѣрѣ добровольно.

Напримѣръ: вотъ они рѣшили, лѣтъ двѣсти слишкомъ назадъ, что европейцы вредны и что съ ними никакого дѣла имѣть нельзя, и теперь сами не могутъ измѣнить этого. А ужь, конечно, они убѣдились, особенно въ новое время, что если бѣ пустить иностранцевъ, такъ отъ нихъ многому бы можно научиться: жить получше, быть посвѣдущѣ во всемъ, сильнѣе, богаче.

Правительство знаетъ это, но, по старой памяти, боится, что христіанская вѣра вредна для ихъ законовъ и властей. Пусть бы оно рѣшило теперь, что это вздоръ, и что необходимо опять сдружиться съ чужестранцами. Да какъ? Кто начнетъ и предложитъ? Члены верховнаго совѣта?—Сіогунъ велитъ имъ распороть себѣ брюхо. Сіогунъ?—Верховный совѣтъ предложить ему уступить мѣсто другому. Микадо не предложитъ, а если бѣ и вздумать, такъ Сіогунъ не сошьетъ ему новаго халата и дастъ два дня сряду обѣдать на одной и той же посудѣ.

Извѣстно, что этотъ Микадо (настоящій, законный государь, отодвинутый, узурпаторами-намѣстниками, или Сіогунами, на задній планъ) не можетъ, ни надѣть два раза одного платья, ни дважды обѣдать на одной посудѣ. Все это каждый день мѣняется, и Сіогунъ аккуратно поставляетъ ему обновки, но простыя, подешевле.

Японцы такъ хорошо устроили у себя внутреннее управленіе, что Совѣтъ не можетъ сдѣлать ничего безъ Сіогуна. Сіогунъ безъ Совѣта, и оба вмѣстѣ безъ удѣльныхъ князей. И такъ система ихъ держится и будетъ держаться на своихъ искусственныхъ основаніяхъ до тѣхъ поръ, пока не помогутъ имъ ниспровергнуть ее... американцы, или хоть.. мы!

А теперь они еще пока боятся и подумаютъ выглянуть на свѣтъ Божій изъ-подъ этого колпака, которымъ такъ плотно сами накрыли себя. Какъ они испуганы и огорчены нашимъ внезапнымъ появленіемъ у ихъ береговъ! Четыре большія судна, огромныя пушки, множество людей и твер-

дый, небывалый тонъ въ предложеніяхъ, самостоятельность въ поступкахъ! Что жъ это такое?

Какъ они засуетились, когда попросили ихъ убрать подалѣе караульныя лодки отъ нашихъ судовъ, когда вдругъ вздумали и послали одно изъ судовъ въ Китай, другое на сѣверъ, безъ позволенія губернатора, который привыкъ, чтобъ судно не качнулось на японскихъ водахъ безъ спроса, чтобъ даже шлюпки европейцевъ не ѣздили по гавани! Теперь имъ холодно объявляютъ, чего хотять и чего не хотять. Они думаютъ противиться, иногда вдругъ заговорить попрежнему, *требуютъ*, а сами глазами умоляютъ не отказать, чтобъ имъ не досталось свыше. Имъ поставится всякая наша вина въ вину. Узнавъ, что завтра наше судно идетъ въ море, они бѣгутъ къ губернатору и торопятся привезти разрѣшеніе. Мы хохочемъ. Они объявили, что съ батарей будутъ палить, завидя суда въ морѣ, и этимъ намекнули, что у нихъ есть пушки, которыя даже палятъ. Палите, отвѣчаемъ съ улыбкой. Просятъ не ѣздить далеко по рейду—мы ничего не отвѣчаемъ и ѣдемъ. А губернаторъ все еще поднимаетъ носъ: дѣлаетъ запросы, хочетъ настаивать, да вдругъ и спустится, уступить.

Давно ли сарказмомъ отвѣчали японцы на совѣтъ голландскаго короля отворить ворота европейцамъ? Имъ приводили въ примѣръ китайцевъ, сказавъ, что тѣ пускали европейцевъ только въ одинъ портъ, и вотъ чтò изъ этого вышло: открытіе пяти портовъ, торговые трактаты, отминая стѣсеній и т. п. «Этого бы не случилось съ китайцами, отвѣчали японцы, если бъ они не пускали и въ одинъ портъ».

А вотъ теперь иностранцы постучались и въ ихъ завѣтные ворота, съ двухъ сторонъ. Пришелъ и ихъ чередъ практически рѣшать вопросъ: *пускать*, или *не пускать* европейцевъ, а это все равно для японцевъ, что быть или не быть. Пустить—гости опять принесутъ свою вѣру, свои идеи, обычаи, уставы, товары и пороки. Не пускать... но

ихъ и теперь четыре судна, а, пожалуй, придетъ и десять, все съ длинными пушками. А у нихъ самихъ не длинныя, и безъ станковъ, или на соломенныхъ станкахъ. Есть еще ружья съ фитилями, сабли, даже по двѣ за поясомъ у каждаго, и отличныя... да что съ этими игрушками сдѣлаешь?

Пустить или не пустить—легко сказать! Пустить—когда имъ было такъ тихо, покойно, хорошо—и спать, и ѣсть. Не пустить... а какъ гости сами пойдутъ, да такъ, что губернаторъ не успѣетъ прислать и позволенія? Съ кѣмъ посоветоваться? у кого спросить? Губернаторъ не смѣетъ рѣшить. Онъ поплетъ спросить въ верховный совѣтъ, совѣтъ доложить Сіогуну, Сіогунъ—Микадо. Этотъ, прямой и непосредственный родственникъ неба, братъ, сынъ, или племянникъ луны, могъ бы, кажется, рѣшить, но онъ сидитъ со своими двѣнадцатью супругами и пѣсколькими стами ихъ помощницъ, сочиняетъ стихи, играетъ на лютнѣ и кушаетъ каждый день на новой посудѣ. Губернатору велятъ на всякій случай прогнать, истребить иностранцевъ, или, по крайней мѣрѣ, ни за что не пускать въ Едо. Губернатору лучше бы, если бъ мы, минуя Нагасаки, прямо въ Едо пришли: онъ отслужилъ свой годъ и сдавъ должность другому, прибывшему на смѣну, готовился отправиться самъ въ Едо, домой, къ семейству, которое удерживается тамъ правительствомъ и служить порукой за мужа и отца, чтобъ онъ не нашалилъ какъ-нибудь на границѣ. А пока мы здѣсь, онъ не можетъ ѣхать, даже когда пріѣдетъ другой губернаторъ. И вотъ губернаторъ начинаетъ спроваживать гостей—нейдутъ; чуть онъ громко заговорить, или не исполняетъ просьбъ, не шлетъ свѣжей провизіи, мѣшаетъ шлюпкамъ кататься—ему грозятъ идти въ Едо; если не присылаютъ, по вызову, чиновниковъ—ему говорятъ, что сейчасъ поѣдутъ сами искать ихъ въ Нагасаки, и чиновники ѣдутъ. «Будьте вы прокляты!» думаетъ вѣроятно онъ, и чиновники

то же, конечно, думаютъ; только переводчикъ Кичибе ничего не думаетъ: ему все равно, возьмутъ ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, показывать свои фортепіано изо рту, *хикаетъ*, и передъ губернаторомъ, и передъ нами.

Но что же дѣлать имъ? и пустить нельзя, и не пустить мудро. Они пробуютъ хитрить: то скажутъ, что мы съѣли всѣхъ свиней въ Нагасаки, и скоро не будетъ свѣжей провизіи; продаютъ утку по талеру за штуку, думая этимъ надѣсть. Ничего не беретъ! Талеры платятъ и ѣдятъ дорогихъ утокъ, все равно какъ дешевыхъ. Какъ поступить? Свысока ли, какъ прежде, или какъ требуетъ время и обстоятельства? Они, въ недоумѣніи, пробуютъ и то, и другое. Они видятъ, что ихъ система замкнутости и отчужденія, въ которой одной они искали спасенія, ихъ ничему не научила, а только остановила ихъ ростъ. Она, какъ школьная затѣя, мгновенно рушилась при появленіи учителя. Они одни, безъ помощи; имъ ничего больше не остается, какъ удариться въ слезы и сказать: «виноваты, мы дѣти!» и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ.

Кто же будутъ эти старшіе? Тутъ хитрые, неутомные промышленники, американцы, здѣсь горсть русскихъ: русскій штыкъ, хотя еще мирный, безобидный, гостемъ пока, но сверкнулъ уже при лучахъ японскаго солнца, на японскомъ берегу раздалось *впередъ!* *Avis au Japon!*

Если не намъ, то американцамъ, если не американцамъ, то слѣдующимъ за ними — кому бы ни было, но скоро суждено опять влить въ жилы Японіи тѣ здоровые соки, которые она самоубійственно выпустила, вмѣстѣ съ собственной кровью, изъ своего тѣла, и одряхлѣла въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства.

Я не разъ упомянулъ о *разтѣзываніи брюха*. Кажется, теперь этотъ обычай употребляется рѣже. Послѣ нашего прихода, когда правительство убѣдится, что и ему самому,

не только подданнымъ, придется измѣнить многое у себя, конечно, будутъ пороть брюхо еще рѣже. А вотъ пока что говоритъ объ этомъ обычай мой ученый источникъ, изъ котораго я привелъ нѣкоторыя мѣста въ началѣ этого письма.

«Какимъ же образомъ тое отиравается, какъ себѣ чрево распарывать, такимъ: собираютъ своихъ родителей и вмѣстѣ идутъ въ пагодъ, посреди того пагода постилаютъ циновки и ковры, на тѣхъ садятся и пиршествуютъ, на прощаніи ядятъ иждивительно и сладко, а пьютъ много. И какъ уже пирь окончится, тотъ, который долженъ умереть, встаетъ и разрѣзывается накрестъ, такъ что его внутрення вся вонь выходятъ. Которыя жъ смѣяе, то, по такомъ дѣйствіи, и глотку себѣ перерѣзываютъ. Думаю, что разныхъ образцовъ, какъ себѣ чрево распарывать, между ими болѣ до пять-десяти восходитъ».

Кажется, иностранцамъ, если только уступить правительство, съ японскимъ народомъ собственно не будетъ большихъ хлопотъ. Онъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ поглядываетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, пьетъ жадно водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ на лету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ. Къ намъ подъѣхала недавно лодка: въ ней были два гребца, а на носу небрежно лежалъ хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати. Видно, что онъ выпросился погулять, посмотреть корабль и другихъ людей. Гребцы, по обыкновенію, хватали все, что имъ ни бросали, но не ѣли, а подавали ему: онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и пряталъ. Имъ

спустили на веревкѣ бутылку вина, водки, дали сухарей, конфетъ—все брали. Да и высшій классъ, кажется, тяготился отчужденіемъ отъ міра и своей сонной и бесплодной жизнью. Кто-то изъ переводчиковъ проговорился намъ, что, въ прїѣздъ Резанова, въ ихъ верховномъ совѣтѣ только двое, изъ семи или восьми членовъ, подали голосъ въ пользу сношеній съ европейцами, а теперь только два голоса говорятъ противъ этого. Кликни только кличъ — и японцы толпой вырвутся изъ востокъ своей тюрьмы. Они общезнательны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпионы, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же, безъ всякихъ трактатовъ, завалены бы были всевозможными товарами, безъ помощи Сіогуна, который всѣ барыши беретъ себѣ, пужды нѣтъ, что Японія, по словамъ властей, страна бѣдная и торговать будто бы ей печѣмъ.

Сколько у нихъ жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости! Куча способностей, дарованій — все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; на примѣръ, тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ спрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Едо голландскіе путешественники рассказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобъ заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое

лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по рассказамъ, этого нѣтъ. Рѣшительно японцы—французы, китайцы—нѣмцы здѣшнихъ мѣстъ.

Но пока имъ не растолковано, и особенно не доказано, что имъ хотѣтъ добра, а не зла, они боятся перемѣнъ, хотя и желаютъ, не довѣряютъ чужимъ и ведутъ себя, какъ дѣти. Они теперь мечутся, мѣряютъ орудія, когда они на нихъ наведены, хотѣтъ въ одну минуту выучиться строить батареи, лить пушки, ядра, и даже — стрѣлять. Они не понимаютъ, что Россія не была бы Россіей, Англія — Англіей, въ торговлѣ, войнѣ и во всемъ, если бъ каждую заперли на замокъ. Не дѣти ли, когда думали, что имъ довольно только не хотѣтъ, такъ ихъ и не тронуть, не пойдутъ къ нимъ даже и тогда, если они, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и брошенныхъ на ихъ берега иностранцевъ, будутъ сажать въ плѣнъ, куческія суда гонять прочь, а военныя учтиво просить уйти и не приходить? Они думали, что и все такъ будетъ, что не доберутся до нихъ, не захотятъ, или не смогутъ.

Вотъ они теперь ссылаются на свои законы, обычаи, полагая, что этого довольно, что все это будетъ уважено безусловно, несмотря на то, что сами они не хотѣли знать и слышать о чужихъ законахъ и обычаяхъ. За настойчивостью кроется страхъ, что мы не послушаемъ, не исполнимъ ихъ капризовъ. Имъ хочется отказать въ требованіяхъ, но хочется и узнать, что имъ за это будетъ: въ самомъ ли дѣлѣ будутъ драться и больно ли? Ужели не пощадятъ ихъ? Кажется, нѣтъ — и пожалуй припомнить все: пролитую кровь христіанъ, оскорбленіе посланниковъ, тюрьмы плѣнныхъ, грубости, надменность, чванство. Еще дѣла не начались, а на Лю-Чу, въ прихожей у порога, и въ Китаѣ также, стоитъ нетерпѣливо, какъ у долго не отирающихся дверей, толпа миссіонеровъ: они ждутъ не дождутся, когда настанетъ пора возстановить дерзко-поверженный крестъ...

А нечего дѣлать японцамъ противъ кораблей: у нихъ, кромѣ лодокъ, ничего нѣтъ. У этихъ лодокъ, какъ и у китайскихъ джонокъ, паруса изъ цыновокъ, очень мало изъ холста, да еще открытая корма: оттого они и ходятъ только у береговъ. Кемпферъ говоритъ, что въ его время, Сіогуны запретили строить суда иначе, чтобъ они не ѣздили въ чужія земли. «Нечего, дескать, имъ тамъ дѣлать».

Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава-Бунгоно-Ками-Сама, нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми цыновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ петерпѣнія: ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, поговорить, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывать рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкорovýchъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Оаддеевымъ, едва натащили. Я не узналъ Оаддеева: весь въ красномъ, въ ливреѣ, съ стоячимъ воротникомъ, на вытяжкѣ, а лицо на сторону — неподражаемъ! Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны, заклеенная, вмѣсто стеколя, бумагой, оконная рама доходила до полу, съ другой, подвижныя бумажныя, разрисованныя и весьма не дурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ.

Въ глубинѣ заль сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностью. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышать ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли онѣ наконецъ? И сколько

ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ; вотъ двѣ массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ посажены въ маленькомъ проходѣ, какъ фарфоровыя куклы; далѣе тянутся опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые, и старыя, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ сорокъ лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они устали глаза въ стѣну, или въ полъ, и, кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ лицо глупѣе. Всѣ, болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ; многіе, конечно, неумышленно.

Общій видъ картины былъ оригиналенъ. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдругъ чей-то шопотъ. Гляжу—на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? «Еще за три комнаты оставилъ», говорятъ мнѣ. Я увлекся и не замѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ, коленкоровыя башмаки лежали на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть такъ же смирно, и безъ насъ, какъ при насъ; онѣ и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ, входимъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ: справа стоялъ, въ нишѣ, золоченый, большой лукъ: знакъ ли это губернаторскаго сама, или такъ, украшеніе — я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими циновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидящихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать.

Въ одно время съ нами показался въ залу и «Овосава-Бунгоно-Ками-Сама», высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ вы-

раженіемъ въ лицѣ. Овосава — это имя, Бунго-но — нѣчто въ родѣ фамиліи, которая, кажется, дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, не что иное, какъ грамматическая форма. *Ками* — почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ*; *Сама* — господинъ, титулъ, прибавляемый сзади имени всѣхъ чиновныхъ лицъ.

Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги — проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ: они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялилъ ихъ на ноги. «Не хорошо», прошепталъ Б. и засмѣялся слышнымъ только мнѣ да ему смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я, вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. «Не хорошо», прошепталъ я, въ свою очередь.

А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и указывая на стоявшій на столикѣ, маленькій лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда.

Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ, отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя.

Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, уже не было ничего: сиданія фигуры убрались вонъ. Тамъ стояли привезенные съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому не достало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что я пришелъ въ *отдыхальню* безъ башмаковъ: они остались въ приемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ, я положилъ ихъ въ ящикъ и дѣло тамъ и осталось.

За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомыя лица — переводчики: они ринулись на полъ и въ три ряда усѣлись по-своему. Мы завели съ ними разговоръ. «У васъ стеколь нѣтъ вовсе въ рамахъ?» спросилъ К. Н. П. «Нѣтъ», былъ отвѣтъ. «У васъ всё дома въ одинъ этажъ, или бываютъ въ два этажа?» спрашивалъ П. «Бываютъ въ два», отвѣчалъ Кичибе и поглядѣлъ на Льоду. «И въ три», сказалъ тотъ и поглядѣлъ на Садагору. — «Бываютъ тоже и въ пять», сказалъ Садагора. Мы засмѣялись. «Часто у васъ бываютъ землетрясенія?» спросилъ П. «Да, бываютъ», отвѣчалъ Садагора, глядя на Льоду. «Какъ часто: въ десять, или двадцать лѣтъ?» «Да, и въ десять, и въ двадцать лѣтъ бываютъ», сказалъ Льода, поглядывая на Кичибе и на Садагору. «Горы разсѣдаются и дома падаютъ», прибавилъ Садагора. И въ этомъ тонѣ продолжался весь разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей; каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣнiемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскiй. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару.

Опять появились слуги: каждый несъ лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всё эти штуки: набивать трубку, закуривать углемъ, вытряхивать пепель: а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощенiе *Лисицы* и *Журавля*.

Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкой эти наперстки, въ которые не помѣстится щепотки нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется, я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайно мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пачкѣ, съ перваго взгляда, похожъ на кучку какой-то темно-красной пыли.

Кичибе суетился: то побѣжить въ приѣмную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. «Хорошо, можно», отвѣчали ему, и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобъ они больше одной рюмки вина не пили.

Только-что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфеты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка; далѣе, рыбка изъ дряннаго сахара, крашенная и намазанная какимъ-то масломъ; наконецъ, мелкія, сухія конфеты: обсахаренные плоды, и между прочимъ, морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, недурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно «съѣсть и обсахаренную подошву», то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многого не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороху включительно, что и доказали китайцы и японцы выдумавъ и то, и другое.

Наконецъ, не знаю въ который разъ, вбѣжавшій Кичибе объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, то-есть, если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ

самомъ дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ приемную залу и начался разговоръ.

Прежде всего сѣли на перенесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе, на четверть аршина отъ пола. Кичибѣ и Лёда, оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибѣ. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣль, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Лёда лежалъ все время такъ, и только исподлобья бросалъ такіе же пронзительные взгляды то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибѣ, а Лёда присутствовалъ только для повѣрки перевода, и, наконецъ, для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора.

Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированнаго ящика бумагу и началъ читать чуть слышнымъ голосомъ, но внятно. Только-что онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или, вѣрнѣе, палъ на колѣни, съ поклономъ принявъ бумагу, подошелъ къ Кичибѣ, опять палъ на колѣни, безъ поклона подавъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жесткій, какъ карканье вороны, голосъ Кичибѣ: онъ по-голландски передалъ содержаніе бумаги намъ. Смѣяться онъ не смѣлъ, по втягивалъ воздухъ въ себя; гримасамъ и всхлипывающимъ не было конца.

Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только-было, на вопросъ адмирала, и разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же

Порядкомъ прочелъ ее; тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что «письмо будетъ принято, но что скорого отвѣта на него быть не можетъ».

Оно покажется не логично, не прочитавши письма, сказать, что скорого отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики и помнить, что это крайній Востокъ Я выше сказала, что они народъ не закоренѣлый безъ надежды и упрямый: напротивъ, логичный, разсуждающій и способный къ принятію другихъ убѣжденій, если найдетъ ихъ нужными. Это справедливо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны по опыту; тамъ же, напротивъ, гдѣ для нихъ все ново, они медлятъ, высматриваютъ, выжидаютъ, хитрятъ. Не правы ли они до нѣкоторой степени? Отъ европейцевъ добра видѣли они пока мало, а зла много: оттого и самое отчужденіе ихъ логично. Португальскіе миссіонеры привезли имъ религію, которую многіе японцы довѣрчиво приняли и исповѣдывали. Но ученики Лойолы привезли туда и свои страстишки: гордость, любовь къ власти, къ золоту, къ серебру, даже къ превосходной японской мѣди, которую вывозили въ неслыханныхъ количествахъ, и вообще всякую любовь, кромѣ христіанской. Вамъ извѣстно, что было слѣдствіемъ этого: варроломеевскія ночи и отчужденіе отъ свѣта.

Но если вспомнить, что дѣлалось въ эпоху младенчества нашихъ старыхъ государствъ, какъ встрѣчали всякую новизну, которой не понимали, всякое открытіе, какъ жгли алхимиковъ, преслѣдовали физиковъ и астрономовъ, то едва ли японцы не болѣе своихъ просвѣтителей заслуживаютъ снисхожденія въ упрямомъ желаніи отдѣлаться отъ иноземцевъ. Удивительно ли послѣ этого, что осторожность и боязнь повторенія старыхъ золъ, отдалили ихъ отъ насъ, помѣшали имъ вырасти, и что у нихъ осталась только ихъ природная

смышленость, да нѣсколько опытовъ, давшихъ имъ фальшивое понятіе обо всемъ, что носить названіе образованности?

Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкой фізіономій, на смысленныя, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственнаго движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прятался огонь, хотя они и смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ какъ можно глупѣе, и оттого тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе прочихъ, такъ это, можетъ-быть, потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупъ. Одно лицо забавнѣе другого.

Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймонъ, напримѣръ, его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣядохнуть, и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмъ-нибудь глазами: ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики, не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ.

Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ я не замѣтилъ страха, или подобострастія: это дѣлается у нихъ какъ-то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и оттого это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль, представленный для насъ. Должно-быть, и японцы въ другое время не си-

дять точно одурѣлые, или какъ фигуры воскового кабинета, не дѣлають такихъ глупыхъ лицъ и не валяются по полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и мало ли что думалось!

Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и маптілій отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго: все смѣсь, нѣжные, смягченные тоны того, другого, или третьяго. Не вѣрьте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетъ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ низшаго класса, въ большинствѣ, во-первыхъ, бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частью, синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостью и вкусомъ въ выборѣ ихъ.

Пробѣгая глазами только по платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вмѣсто крайняго востока какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта въ туалетѣ— какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штюфныхъ, и то неяркихъ юбокъ, у стариковъ; у прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта *Adelaide, vert de gris, vert de pomme*. словомъ, всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, *couleurs fantastique*, были тутъ.

Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, *ren- sée*, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его по-

кроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ снига и рукава гладкіе: послѣдніе, у кисти руки, широки; все выѣтъ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія-то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вице-мундирамъ. Скажите, думалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?

Обычай сидѣть на пяткахъ происходитъ у нихъ будто бы, какъ я читалъ гдѣ-то, оттого, что восточные народы считаютъ неприличнымъ показывать ноги, особенно передъ высшими лицами. Не думаю: по крайней мѣрѣ, сиди на нашихъ стульяхъ, они безъ церемоніи выказываютъ голыя ноги выше, нежели нужно, и нисколько этимъ не смущаются. Пусть они не считаютъ насъ за старшихъ, но они воздерживались бы отъ этого по привычкѣ, если бъ она у нихъ была. Вся разница въ восточной манерѣ сидѣть отъ нашей произошла, кажется, отъ простой и самой естественной причины. Въ Европѣ не жарко: мы ищемъ свѣта и строимъ дома съ большими окнами, сидимъ на возвышеніяхъ, чтобъ быть ближе къ свѣту; намъ нужны стулья и столы. Въ Азіи, напротивъ, прячутся отъ солнца: отъ этого окошекъ почти нѣтъ. Зачѣмъ же имъ въ полупотемкахъ громоздиться на какихъ-то хитро-придуманныхъ подставкахъ, когда сама природа указываетъ возможность сѣсть тамъ, гдѣ стоишь? А если приходится сидѣть, обѣдать, бесѣдовать, заниматься дѣломъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ ходишь, то, разумѣется, пожелаешь, чтобъ ноги были у всѣхъ чисты. Отъ этого на востокѣ, при входѣ, и надо снять туфли или сандалии. Самые земные поклоны у нихъ происходятъ отъ обычая сидѣть на пяткахъ. Стоять передъ старшимъ или передъ гостемъ, по ихъ обычаю, неучтиво: они, встрѣчая гостя, сейчасъ опускаются на полъ, а сидя на полу какъ же можно иначе поклониться почтительно, какъ не до земли?

Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя по-лусурово, но съ любопытствомъ, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе! Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство.

Но это длилось недолго. Вдругъ, когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между причинами, разстояніе, адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: «а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какую-нибудь недѣлю. Какъ онъ думаетъ?» Какая вдругъ перемена съ губернаторомъ: что съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мина? Его японское превосходительство смутился. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, говорилъ тихо и долго. «Хи, хи, хи!» слышалось только изъ Кичибе, который, какъ громада какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шляпку, лежалъ на полу, судорожно подергиваясь отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго *хи*. Губернаторъ говорилъ, что «японскому глазу больно видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки; что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами» и т. п.

Послѣ «дѣловаго» разговора начались взаимныя учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяць не сходили

съ фрегата, и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорятъ, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Я сказала выше, что Овосавѣ оставалось всего какихъ-нибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда мы пріѣхали. Событіе это, т.-е. нашъ приходъ, такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствіе обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Не правда ли, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

Послѣ разнѣна учтивостей, губернаторъ всталъ и хотѣлъ было уходить, но адмиралъ предложилъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другого времени, опасаясь, конечно, всякихъ вопросовъ, на которые безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ, что отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба Городзаймонъ. «Здравствуй Баба!» сказалъ я, ужъ не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой. Тутъ мы видѣли его чуть ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ объятія супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

Проходя черезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили покушать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно сервированный столъ, установленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, съ мадерой, бордо, и чего-чего тамъ не было! И все на европейскій ладъ. Вѣроятно, столъ, посуда и вина, а можетъ-быть и кушанья, взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ

повторить свое неизбежное условіе, то-есть, чтобъ губернаторъ участвовалъ въ завтракъ. Кичибѣ, кланяясь, разводилъ руками, давился судорожнымъ смѣхомъ, и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не отставали отъ него, улыбались, присѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, карауль отдалъ честь полномочному, и мы въ прежнемъ порядкѣ двинулись къ пристани.

На пристани, вдругъ вижу въ рукахъ у Оаддеева, и у прочихъ нашихъ слугъ, тѣ самые ящики съ конфетами, которые ставили передъ нами.—«Что это у тебя?» спросилъ я.—«Коробки какія-то». — «Гдѣ ты взялъ?» — «Китаецъ далъ... то бишь, японецъ». — «Зачѣмъ?» — «Не могу знать». — «Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?» — «Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ». — «Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?» — «По-своему». — «А ты понялъ?» — «Понялъ, ваше высокоблагородіе. Чего не понять? говоритъ, да даетъ коробки, такъ значитъ: отнеси господамъ».

Вонъ этотъ ящикъ стоитъ и теперь у меня на комодѣ. Хотя разрушительная десница Оаддеева уже коснулась его, но онъ можетъ доѣхать, пожалуй, до Россіи. Въ немъ лежить пока табакъ, японскій же.

— Чего вамъ дали?—спросили мы музыкантовъ на пристани.

— По рюмкѣ воды, — угрюмо отвѣчало нѣсколько господовъ.

— Не-уже-ли?—спросилъ кто-то.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Что жъ вы?

— Вышли.

— Зачѣмъ же?

— Мы думали, что это... не вода.

— Да можетъ-быть вода-то хорошая?—спросилъ я.

— Нешто: лучше морской,—отвѣчалъ одинъ.

— Это полезно для здоровья,—замѣтилъ я.

Трезвые артисты кинули на меня нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Матросы долго не давали прохода музыкантамъ, напоминая имъ японское угощеніе.

Едва мы тронулись въ обратный путь, японскія лодки опять бросились за нами съ крикомъ «оссильянь», взапуски, стараясь перегнать насъ, и опять напрасно.

Д Н Е В Н И К Ъ

съ 15 сентября по 11 ноября.

15 и 16 сентября. Вчера пріѣзжали япошцы, вызванные нами: два оппер-бапіоса. Ихъ побранили за то, что лодки японскія осмѣливаются становиться близко; сказали, что будемъ насильно отбуксировывать ихъ дальше и ѣздить кататься за линію лодокъ. Нашъ транспортъ облѣпили лодки, съ разспросами, гдѣ онъ былъ, да долго ли, и т. п. Мало этого: переводчики пріѣхали еще къ намъ, вызвали П-та изъ-за обѣда узнать, правду ли объявили имъ. Онъ разсердился и сказалъ, чтобъ они объ этомъ впередъ не спрашивали, что они во зло употребляютъ наше снисхожденіе. Сегодня были японцы съ отвѣтомъ отъ губернатора, что если мы желаемъ, то можемъ стать на внутренній рейдъ, но не очень близко къ берегу, потому что будто бы помѣшаемъ движенію японскихъ лодокъ на пристани. Говорятъ, сегодня пріѣхалъ новый губернаторъ на смѣну *Овосава Бунгоно*. Новаго зовутъ *Мизно Чикогоно Ками Сама*. У насъ былъ еще новый, пріѣхавшій изъ Едо же, переводчикъ, *Эйноске*. Я спалъ и не видалъ никого. Пріѣзжіе и вида не показываютъ, что американцы были у нихъ въ Едо. Они думаютъ, что мы и не знаемъ объ этомъ; что вообще въ Европѣ, какъ у нихъ, можно утаить, что, напримѣръ, цѣлая эскадра идетъ куда-нибудь, или что одно государство можетъ не знать,

что другое воюеть съ третьимъ. Адмиралъ хочетъ посылать транспортъ опять въ Шанхай, узнать: война или миръ въ Европѣ?

А тепло, хорошо; дѣдъ два раза лукаво заглядывалъ въ мою каюту.—«У васъ опять тепло», говорилъ онъ утромъ: «а то-было засвѣжѣло». А у меня жарко до духоты.—«Отлично, тепло!» говоритъ онъ обыкновенно, войдя ко мнѣ и отирая потъ съ подбородка. Въ самомъ дѣлѣ 21° по Реом. тепла въ тѣни.

17-го. Весь день и вчера всю ночь писали бумаги въ Петербургъ: не до посѣтителей было, между тѣмъ они прѣзжали опять предложить намъ встать на внутренній рейдъ. Имъ сказано, что хотимъ стать дальше, нежели они указали. Они поѣхали предупредить губернатора и завтра хотѣли быть съ отвѣтомъ. О берегѣ все еще ни слова: ожидаютъ, не уйдемъ ли. Вѣроятно, губернатору вѣрно не отводить мѣста, пока въ Едо не прочтутъ письма изъ Россіи и не узнаютъ, въ чемъ дѣло, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, и на берегъ выходить не понадобится.

18, 19, 20-го.—Прѣехали *гокейнсы* и переводчики: одинъ гокейнсъ—новый, съ глупымъ лицомъ, прѣхавшій съ другимъ губернаторомъ изъ Едо. Я познакомился съ новымъ переводчикомъ Эйноске. Онъ говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые знаютъ англійскій языкъ. Эйноске учится немного и по-французски. Онъ сказалъ, что у него много книгъ, большею частью голландскихъ; есть и французскія. По-голландски онъ, по словамъ II-та, знаетъ хорошо. Они привезли приглашеніе стать на рейдъ, гдѣ мы хотѣли; даже усердно приглашали, настаивали, чтобъ фрегатъ со второго рейда перешелъ въ проходъ, ведущій на ближайшій къ Нагасаки рейдъ. Адмиралъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобъ суда наши растянулись и чтобъ корветъ сталъ при входѣ на внутренній рейдъ, шкуна и транспортъ помѣ-

стились въ самомъ проходѣ, а фрегатъ остался бы на второмъ рейдѣ, который нужно было удержать за собой. Иначе, лишь только фрегатъ вошелъ бы въ проходъ, японцы выстроили бы линію изъ своихъ лодокъ позади его и загородили бы намъ второй рейдъ, на которомъ нельзя было бы кататься на шлюпкахъ; а они этого и добивались. Но мы поняли и не согласились. А какъ упрашивали они, утверждая, что они хлопочутъ только изъ того, чтобъ намъ было покойнѣе! — «Вы у насъ гости», говорилъ Эйноске: «представьте, что пошелъ въ саду дождь и старшему гостю (разумѣя фрегатъ) предлагаютъ зонтикъ, а онъ отказывается...» — «Чтобъ уступить его младшимъ (мелкимъ судамъ)», прибавилъ П-тъ.

Японскія лодки вздумали мѣшать нашимъ ѣздить подале, и даже махали, чтобъ тѣ воротились. Сейчасъ подняли красный флагъ, которымъ у насъ вызываютъ гокейисовъ: имъ объявили, чтобъ этого не было; что если ихъ лодки будутъ подходить близко, то ихъ отведутъ силой подале. Вообще ихъ приняли сухо, а адмиралъ вовсе не принялъ, хотя они желали видѣть его. Онъ приказалъ объявить имъ, что «и такъ много дѣлаетъ снисхожденія, исполняя ихъ обычаи: не ѣздить на берегъ; пришли въ Нагасаки, а не въ Едо, тогда какъ могли бы сдѣлать это, а они не цѣнятъ ничего этого, и потому кататься будемъ».

19 числа перетянулись на новое мѣсто. Для буксировки двухъ судовъ, въ случаѣ нужды, пришло 180 лодокъ. Онѣ вилоть стали къ фрегату: гребцы, по обыкновенію, голые; немногіе были въ простыхъ, грубыхъ, синихъ полухалатахъ. Много маленькихъ дѣвчонокъ (эти всѣ одѣты чинно), но женщины ни одной. Мы изъ оконъ бросали имъ хлѣбъ, деньги, роздали по чаркѣ рому: они все хватили съ жадностью. Ихъ много налѣзло на пушки, въ порта. Крикъ, гамъ!

Корветъ перетянулся, потомъ транспортъ, а тамъ и мы,

но безъ помощи японцевъ, а сами, на парусахъ. Теперь ближе къ берегу. Я цѣлый день смотрѣлъ въ трубу на дома, деревья. Все хижины, да дрянныя батареи, съ пушками на развалившихся станкахъ. Видѣлъ я внутренность хижинъ: онѣ безъ оконъ, только со входами; видѣлъ голыхъ мужчинъ, и женщинъ, тоже голыхъ сверху до пояса: у нихъ надѣта синяя простая юбка—и только. На порогахъ, какъ вездѣ, бѣгаютъ и играютъ ребятишки; слышу лай собакъ, но рѣдко.

21-го. Сегодня жарко, а вечеромъ поднялся крѣпкій вѣтеръ; отдали другой якорь. Японцевъ не было: свѣжо, да и не зачѣмъ; притомъ въ послѣдній разъ холодно растались.

Вечеромъ была славная картина: заходящее солнце вдругъ ударило на дальній холмъ, выглядывавшій изъ-за двухъ ближайшихъ горъ, у подошвы которыхъ лежитъ Нагасаки. Блѣдная зелень ярко блеснула на минуту, лучи покинули ее и освѣтили гору, потомъ пали на городъ, а гора уже потемнѣла; лучи заглядывали въ каждую впадину, ласкали крутизны, которыя, вслѣдъ за тѣмъ, темнѣли, потомъ облили блескомъ разомъ три небольшие холма, налѣво отъ Нагасаки, и наконецъ по всему берегу хлынулъ свѣтъ, какъ золото. Маленькія бухты, хижины, батареи, кусты, густоросшія по окраинамъ скаль, какъ исполнскіе букеты, вдругъ озарились — все было картина, поэзія, все, кромѣ батарей и японцевъ. Съ этими никакіе лучи не сдѣлали бы ничего.

14-го. Ничего не было, и даже никого: японцы, очевидно, сердятся за нашу настойчивость кататься по рейду, несмотря на караульныя лодки, а можетъ-быть и за холодный пріемъ.

25-го сентябрю — ровно годъ, какъ на «Палладѣ» подняли флагъ и она вышла на кронштадтскій рейдъ: значить походъ начался. У насъ праздникъ, молебень и большой обѣдъ. Вызвали японцевъ: пріѣхалъ *Хавигари - Матаса*,

старшій изъ бапіосовъ, только-что прибывшій изъ Едо съ новымъ губернаторомъ.

Японцевъ опять погладили по головѣ: позвали въ адмиральскую каюту, угостили наливкой и чаемъ и спросили о мѣстѣ на берегу. Они сказали, что черезъ день или два надѣются получить отвѣтъ изъ Едо. Имъ объявили, что мы не прочь ввести и фрегатъ въ проходъ, если только они снимутъ цѣпь лодокъ, заграждающихъ входъ туда. Они сначала сослались, по обыкновенію, на свои законы, потомъ сказали, что люди, нанимаясь въ караулъ на лодкахъ, списываютъ себѣ этимъ пропитаніе. П-тъ, по приказанію адмирала, отвѣчалъ, что вѣдь законы ихъ не вѣчны, а всего существуютъ лѣтъ двѣсти, то-есть, стѣснительные законы относительно иностранцевъ, и что пора ихъ отмѣнить, уступая обстоятельствамъ. Эйноске очень умно и основательно отвѣчалъ: — «Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т.-е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ), нѣтъ сомнѣній, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе», прибавилъ онъ: «начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки, всего лѣтъ десять, и потому не было надобности мѣнять».

Вотъ какъ поговариваютъ нынче японцы! А давно ли они не боялись скрутить руки и ноги пріѣзжимъ гостямъ? давно ли называли европейскія правительства дерзкими за то, что тѣ смѣли писать къ нимъ?

У насъ все еще веселятся по поводу годовщины выхода въ море. Музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Матросы тоже пировали, получивъ отъ начальства по лишней чаркѣ. Были забавныя сцены. Въ кают-компанію пришелъ къ старшему офицеру писарь, съ жалобой на музыканта Макарова, что онъ *изломалъ ему спину*. — «И больно?» спросилъ его. — «Точно такъ-съ», отвѣчалъ онъ съ той улыбкой человѣка лѣ-веселъ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе:

«писать вовсе не могу», прибавил онъ, съ влажными глазами и съ той же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху, будто писать. — «Да видно Макаровъ пьянъ?» — «Точно такъ-съ». Позвали Макарова. Тотъ былъ трезвѣе его и хранилъ важную и угрюмую мину. — «За что ты прибилъ его?» былъ вопросъ. — «Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь...» сказалъ онъ. — «Точно такъ-съ, въ грудь», подтвердилъ писарь. — «За что жъ ты его?» — «Съ кулакомъ къ рожкѣ лѣзь!» отвѣчалъ Макаровъ. — «Ты лѣзь?» — «Точно такъ-съ, лѣзь», отвѣчалъ писарь. Всѣ хохотали. Прогнали обонхъ и велѣли помириться.

Вечеромъ другая комедія: стали бить зарю: вдругъ тотъ, кто играетъ на рожкѣ, заигралъ совсѣмъ другое. Вахтенный офицеръ строго остановилъ его. Когда все кончили, онъ подошелъ къ нему. Матросъ былъ не очень боекъ отъ природы, что показывало и лицо его. — «Что ты заигралъ?» спросилъ офицеръ. Молчаніе. — «Что ты заигралъ?» — «Ошибся!» отвѣчалъ тотъ: «забылъ». — «А ѣсть не забываешь?» — «Никакъ нѣтъ-съ». — «Сколько разъ въ день?» — «Два раза». — «Когда?» — «За обѣдомъ и за ужиномъ». — «А за завтракомъ». — «И за завтракомъ». — «Стало-быть, сколько же разъ?» — «Два раза». — «Какъ два раза: обѣдъ?» — «Точно такъ». — «Ужинъ?» — «Ужинъ». — «И завтракъ?» — «Точно такъ-съ». — «Сколько же разъ?» — «Два раза...» — «А за завтракомъ?» — «Это не ѣда, это кашница».

27-го. Ни одного японца не было. Утро ясное и свѣжее, вѣтерокъ; не болѣе 15 или 16^о тепла. Наши гонялись на шлюпкахъ и заѣзжали далеко къ неудовольствію японцевъ. Ихъ маленькія лодки отдѣлились отъ большихъ и пошли, не знаю зачѣмъ, за нашими катерами. Было свѣжо, катера дѣлали длинныя и короткія галсы, вдругъ поворачивали, лавировали и обрѣзали одинъ другого, т. е. пересѣкали, гоняясь, другъ другу путь. Тѣ остановились и не знали, что имъ дѣлать. Я стоялъ на ютѣ, и одна японская лодка, про-

ходя мимо, показала на нашихъ. Я отвѣчалъ жестомъ, что они далеко будутъ кататься.

Наши и корветные офицеры играли *Женитьбу* Гоголя и *Тяжбу*. Сцена была на шканцахъ корвета. *Тяжба* — на нагасакскомъ рейдѣ! Я зналъ о приготовленіяхъ; шли репетиціи, Б. К. дирижировалъ всѣмъ: мнѣ не хотѣлось ѣхать: я думалъ, что черезчуръ будетъ жалко видѣть. Однако ничего, вышло недурно, М. З. хоть куда: у него природный юморъ, да онъ еще насмотрѣлся на лучшихъ нашихъ комическихкихъ актеровъ. Смѣшонъ Л. свахой. Все это было чрезвычайно забавно, по оригинальности, самой неловкости актеровъ. Бдучи съ корвета, я видѣлъ одну изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ живописи и не вѣришь: луну надъ гладкой водой, силуэтъ тихо качающагося фрегата, кругомъ темные, сияющіе холмы, и огни на лодкахъ и горахъ. Я вспомнилъ картины Айвазовскаго.

28 и 29-го. Японцы пріѣзжали отъ губернатора сказать, что онъ не можетъ совсѣмъ снять лодокъ въ проходѣ: это вчера, а сегодня, т.-е. 29-го, объявили, что губернаторъ желалъ бы совсѣмъ закрыть проѣздъ по срединѣ, а открыть съ боковъ, у берега, отвѣдя по одной лодкѣ. Адмиралъ приказалъ сказать, что если это сдѣлаютъ, такъ онъ велитъ своимъ шлюпкамъ отвести насильно лодки, которыя осмѣлятся заставить собою средній проходъ къ корвету. Переводчики, увидѣвъ, что съ ними не шутятъ, тотчасъ убрались и чаю не пили.

Вчера привезли свѣжей и отличной рыбы, похожей на форель, и огромной (одной стало на тридцать человѣкъ), и десятка три пронсовъ (раковъ, въ родѣ шримсовъ, только ббльшаго размѣра), превкусныхъ. Погода, какъ лѣтняя, въ полдень 17 градусовъ въ тѣни, но по ночамъ холодно.

Мой дневникъ похожъ на журналъ заключеннаго — не правда ли? Что дѣлать! Здѣсь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасная, человѣкъ смысленъ, ловокъ, силенъ,

но пока еще не умѣетъ жить нормально и разумно. Странно покажется, что мы здѣсь не умираемъ со скуки, не сходя съ фрегата; некогда скучать: работа есть у всѣхъ. Адмиралъ не можетъ видѣть празднаго человѣка; чуть увидитъ кого-нибудь безъ дѣла, сейчасъ что-нибудь и предложить: то бумагу написать, а казалось, можно бы *morgen, morgen, nur nicht heute*, кому посоветуетъ прочесть какую-нибудь книгу; самъ даже возьметъ на себя трудъ выбрать ее въ своей библиотекѣ и укажетъ, что прочесть, или перевести изъ нея.

30-го. Ничего замѣчательнаго. Требовали баніосовъ, но они не явились: разсердились, вѣроятно, на насъ за то, что мы погрозили отбуксировать ихъ лодки прочь, какъ только они вздумаютъ мѣшать намъ, и вообще съ ними стали дѣйствовать порѣшительнѣе. Они привезли провизію и, между прочимъ, большихъ круглыхъ раковъ, видомъ похожихъ на науковъ. Но эти раки мнѣ не понравились: клешней у нихъ нѣтъ, и шеп тоже, именно нѣтъ того, что хорошо въ ракахъ; ноги недурны, но крѣпки; въ срединѣ рака много всякой дряни, но есть и бѣлое мясо, которымъ наполненъ низъ всей чашки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ Покрова. Послѣ службы я ходилъ по юту и нечаянно наткнулся на разговоръ м. Б. съ сигнальщикомъ Θεодоровымъ, тѣмъ самымъ, который ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ. Этотъ Θεодоровъ отличался крайней простотой.—«Смотри въ трубу на луну», говорилъ ему Б., ходившій по юту: «и какъ скоро увидишь тамъ трехъ, четырехъ человѣкъ, скажи мнѣ». — «Слушаю-съ». Онъ сталъ смотрѣть и долго смотрѣть. — «Что же ты ничего не говоришь?»—«Да тамъ всего только двое, ваше благородіе». — «Что жъ они дѣлаютъ?» — «Ничего-съ». — «Ну, смотри». — «Что жъ это за люди?» спросилъ Б. Тотъ молчалъ. — «Говори же!»—«Каннъ и Авель», отвѣчалъ онъ. — «Вотъ еще

замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту Венера, а ту Юпитеръ». — «Слушаю-съ». — «И если что-нибудь съ ними случится, донеси». — «Слушаю-съ». И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону. Черезъ минуту и спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Англїи. Онъ молчалъ. — «Говори же!» — «На Надеждѣ» (мысль Доброй Надежды). — «А до этого?» — «Забылъ». — «Вспомни!» Онъ молчалъ. — «Гдѣ же?» Молчалъ. «Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься». Молчаніе. — «Какія же есть вина?» — «Пѣнное». — «Ну, а французскія?» — «Ренское». — «А мадера?» — «Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были», добавилъ онъ. — «А что же звѣзды?» вдругъ спросилъ Б. Θεодоровъ безпокойно оглянувшись: хватъ — одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ. «Гдѣ же?» — «Только одна осталась». — «А гдѣ другая?» — «Не могу знать». — «А какъ ее зовутъ?» Молчаніе. — «Ну, какъ?» — «Мадера», подумавъ, отвѣчалъ Θ. — «А другую?» — «Питеръ», сказалъ онъ. И это было намъ развлеченіемъ, за немѣнѣемъ другихъ.

Октября 1-го. Праздникъ у насъ и въ природѣ праздникъ. Вспомните наши ясно прохладные, осенніе дни, когда, гдѣ-нибудь въ роцѣ, или длинной аллеѣ сада, гуляешь по устланнѣмъ увядшими листьями дорожкамъ; когда въ тѣни такъ свѣжо, а чуть выйдешь на солнышко, вдругъ освѣтитъ и огрѣетъ оно какъ лѣтомъ, даже станетъ жарко; но лишь распахнешься, отъ сѣвера понесется такой пронзительный и прїятный вѣтерокъ, что надо закрыться. А небо синее, все свѣтло, парядно. Здѣсь тоже, хоть и 32° широты, а погода какъ у насъ. Только вечернее небо, передъ захожденіемъ и восхожденіемъ солнца, великолѣпно и непохоже на наше. Вотъ и сегодня то же: блѣднозеленый, чудесный, фантастическій колоритъ, въ которомъ есть что-то грустное; чрезъ минуту зеленый цвѣтъ перешелъ въ фіолетовый; въ вышинѣ несутся клочки бурныхъ и палевыхъ облаковъ, и на-

конецъ весь горизонтъ облить пурпуромъ и золотомъ — послѣдніе слѣды солнца; очень похоже на тропики.

Японцевъ, кажется, не было... ахъ, виновать — были, были: съ рыбой и раками. Баніосы все не ѣдутъ: они боятся показаться, думая, какъ бы имъ не досталось за то, что не разгоняютъ лодокъ; а, можетъ-быть, они, видя нашу кротость, небрежничалотъ и не ѣдутъ. Но стоить только сказать, что мы сейчасъ сами пойдемъ на шляпкахъ въ Нагасаки — тотчасъ явится, плѣтъ сомнѣнія. Если поугать ихъ и потребовать губернатора — и тотъ пріѣдетъ. Но тогда понадобилось бы измѣнить уже навсегда принятый адмираломъ образъ дѣйствія, т.-е. кротость и вѣжливость.

Иногда, однакожъ, не мѣшало бы пугнуть ихъ порядкомъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, часу въ восьмомъ вечера, была какая-то процессія. Одну большую лодку тащили на буксирѣ двадцать небольшихъ, съ фонарями; шествіе сопровождалось неистовыми криками; лодки шли съ острововъ къ городу; наши К. Н. П. и Н. Н. (бывшій у насъ) поѣхали на двухъ шляюнкахъ къ корвету, въ проходъ; въ шляюнку П. пустили подьномъ, а въ Н. хотѣли плеснуть водой, да не попали — грубая выходка простого народа! П-ть сейчасъ же поворотилъ и приблизился къ лодкѣ; тамъ было человекъ 20: все присмирѣли, спрятавшись на дно лодки.

2-го и 3-го. Такъ и есть: страхъ сильно можетъ дѣйствовать. Вчера, второго октября, послали записку къ японцамъ, съ извѣщеніемъ, что если не явятся баніосы, то одинъ изъ офицеровъ посланъ будетъ за ними въ городъ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ переводчикъ сказать, что баніосы завтра будутъ въ 12 часовъ.

Явились въ 11 часовъ трое: Ойе-Саброски, другой, бывшій изъ Кюдо, и третій, новый. Они извинились, что не ѣхали долго, сваливая все на переводчика, который будто не такъ растолковалъ, и сказали, что этого впередъ ужъ не случится. Вчера отвезли насильно двѣ ихъ лодки дальше

отъ фрегата; самъ я не видалъ этого, но, говорятъ, забавно было смотрѣть, какъ они замахали руками, когда наши катера подошли, приподняли ихъ якорь и оттащили далеко. Баніосы ни слова объ этомъ. Имъ сказали о брошенномъ полѣнѣ со шляпки и о другихъ глупостяхъ: они извинялись, отговариваясь, что не знали объ этомъ. Вчерашняя процессія — шествіе лодокъ — просто визитъ управляющаго князя Физенскаго голландцамъ, а не религіозный праздникъ, какъ мы думали. О берегѣ сказали, что ежедневно ждутъ отвѣта.

Сегодня суббота: по обыкновенію, привезли провизію и помѣшали опять служить всенощную. Кромѣ зелени всякаго рода, рыбы и гомаровъ, привезли, между прочимъ, маленькаго живого оленя, или лапъ, за немѣнѣемъ свиней; говорятъ, что больше нѣтъ; остались поросята, но тѣ нужны для приплода.

Съ баніосами были переводчики *Люда* и *Сюла*. Я вслушивался въ японскій языкъ и нашелъ, что онъ очень звученъ. Въ немъ гласныя преобладаютъ, особенно въ окончаніяхъ. Нѣтъ ничего грубаго, гортаннаго, какъ въ прочихъ восточныхъ языкахъ. А баніосы сказали, что русскій языкъ похожъ будто на китайскій — спасибо! Мы заказали привезти много вещей, вѣровъ, лакированныхъ ящиковъ и тому подобнаго. Не знаемъ, привезутъ ли.

4-го. Воскресенье: началось, по обыкновенію, обѣдней, потомъ пріѣзжали переводчики сказать, что исполнять наше желаніе и отведутъ лодки дальше, но только просили, чтобъ мы сами этого не дѣлали. Мы объявили имъ наканунѣ, что видно губернаторскія приказанія не исполняются, такъ мы, пожалуй, возьмемъ на себя трудъ помочь его превосходительству и будемъ отбуксировывать. Вечеръ у насъ былъ замѣчательный. Когда стемнѣло, мы видимъ вдругъ въ проливѣ, ведущемъ къ городу, какъ будто двѣ звѣзды плывутъ къ намъ; но это не японскіе огни — нѣтъ, что-то яркое,

живое, вспыхивающее. Мы стали смотрѣть въ ночную трубу, но все потухло; видимъ только: плывуть двѣ лодки; онѣ подплыли къ кормѣ, и вдругъ раздалось мелодическое пѣніе... Серенада! это корветскіе офицеры, съ маленькими камчадалами, пѣвчими, затѣяли серенаду изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсень. Долго плавали они при лунномъ свѣтѣ около фрегата и жгли фальшфейеры; мы стояли на ютѣ и молча слушали. Адмиралъ поблагодарилъ, когда они кончили, и позвалъ офицеровъ пить чай. Маленькихъ пѣвчихъ напоили тоже чаемъ. Японская лодка, завидѣвъ яркіе огни, отдѣлилась отъ прочихъ и подошла, но не близко: не смѣла и, вѣроятно, заслушалась новыхъ сиренъ, потому что остановилась и долго колыбалась на одномъ мѣстѣ.

5-го. Сегодня дождь, но теплый, почти лѣтній, такъ что даже котъ Васька не уходилъ съ юта, а только сѣлъ подъ гикъ. Мы видѣли, что двѣ лодки, съ значками и пиками, развозили по караульнымъ лодкамъ приказанія, послѣ чего эти отходили и становились гораздо дальше. Адмиралъ не приказалъ уже больше и упоминать о лодкахъ. Только, если послѣднія станутъ преслѣдовать наши, велѣно брать ихъ на буксиръ и таскать съ собой.

6-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го. Зарѣзали лань и ѣли во всѣхъ видахъ: въ котлетахъ, въ жаркомъ — отлично! точно лучшая говядина, только нѣжнѣе и мягче. П. А. Т. косится на лань: онъ не можетъ ѣсть раковъ и зайцевъ и т. п., «не показано», говорить: «да и противно». Про лань говорить, что это «собака». За десертомъ подавали новый фруктъ здѣшній, по-голландски называемый *kakies*, красно-желтый, мягкій, сладкій и прохладительный, въ родѣ сливы, но это не слива, а родъ фиги или *смоквы*, какъ называетъ О. А., привезенной будто бы сюда еще португальцами и называющейся у нихъ *како-фиа*. О. А. говорить, что и въ Китаѣ такихъ плодовъ много... Но не до лани и не до плодовъ теперь: много новаго и важнаго.

7-го октября былъ ровно годъ, какъ мы вышли изъ Кронштадта. Этотъ день прошелъ скромно. Я живо вспомнилъ, какъ, годъ назадъ, я въ первый разъ вступилъ на море и зажилъ новою жизнью, какъ, изъ покойной комнаты и постели, перешелъ въ койку и на колеблющуюся подъ ногами палубу, какъ неблагоклонно встрѣтило насъ море, засвѣталь вѣтеръ, заходили волны; вспомнилъ снѣгъ и дождь, зубную боль—и прощанье съ друзьями...

Я видѣлъ, наконецъ, японскихъ дамъ: тѣ же юбки, какъ и у мужчинъ, закрывающія горло кофты, только не бритая голова, и у тѣхъ, которыя попорядочнѣе, сзади булавка поддерживаетъ косу. Всѣ онѣ смуглянки, и куда не хороши собой! Говорятъ, онѣ нескромно ведутъ себя—не знаю, не видалъ и не хочу чернить репутаціи японскихъ женщинъ. Ихъ нынче много ѣздитъ около фрегата: все некрасивыя, чернозубыя: большею частью, смотрятъ смѣло и смѣются; а тѣ изъ нихъ, которыя лучше собой и повариднѣе одѣты, прикрываются вѣромъ.

Но это все не важное: гдѣ же важное? А вотъ: 9-го октября, послѣ обѣда, сказали, что ѣдутъ гокейнсы. И это не важность: мы привыкли. Вахтенный офицеръ посылаетъ сказать обыкновенно К. Н. П-ту. Гокейнсовъ повели въ капитанскую каюту. Я былъ тамъ.—«А! Ойе-Саброски! Кичибѣ!» встрѣтилъ я ихъ, весело подавая руки; но они молча, едва отвѣчая на поклонъ, брали руку. Что это значить? Они, такіе ласковые и учтивые, особенно Саброски: онѣ шутники и хохотуны, а тутъ... Да что это у всѣхъ такая торжественная мина; никто не улыбается?—«Боленъ, что ли, Саброски?» спросилъ я. Нѣтъ... Что жъ онѣ такой скучный, да и всѣ? Отвѣта не было. Только Кичибѣ постоянно показывалъ верхніе зубы и суетился, но обыкновенно: то побѣжить впередъ баніосовъ, то воротится и крикнетъ, и нехотя улыбается. И Эйноске тутъ. У этого черты лица правильныя, взглядъ смѣлый, не то, что у тѣхъ.

Изъ разговоровъ, изъ обнаруживаемой по-временамъ зависти, съ какою глядятъ на насъ и на все европейское, Эйноске, Съюза, Нарабайоси 2-й, видно, что они чувствуютъ и сознаютъ свое положеніе, грустятъ и представляютъ нѣмую, покорную оппозицію: это *jeune Japon*. Садагора — нянька, приставленная къ голландцамъ и гроза ихъ, Ёдода, напротивъ, принадлежитъ, кажется, къ разряду застарѣлыхъ и закосявлыхъ японцевъ. Они похожи на тѣхъ загрубѣвшихъ въ преданіяхъ слугъ, которые придерживаются старинны; ихъ ничѣмъ не переломаешь. Они находятъ все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ. Садагора — старый, грубый щипецъ, Ёдода, напротивъ, льстивый, кланяющійся плутъ. Кичибе составляетъ *juste milieu* между тѣмъ и другимъ; онъ по-свѣжѣ ихъ: у него нѣтъ застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, но ему не угнаться и за новыми. Онъ просто служитъ за жалованье, кому и какъ хотите. Есть еще Ясиро, Кичибе-сынъ, и много под-ростковъ, все кандидаты въ переводчики. У нихъ наследственныя должности: сынъ по большей части занимаетъ мѣсто отца.

Баніосы объявили, что они желаютъ поговорить съ адмираломъ. Мы съ П-мъ давай ломать голову, о чемъ? «Вѣрно о мѣстѣ», говорилъ онъ. «Но нерадостное, должно быть!» прибавилъ я. Я сказалъ адмиралу о ихъ желаніи. Онъ велѣлъ пустить ихъ къ себѣ. Всѣ сѣли; воцарилось молчаніе. Саброски повѣсилъ голову совѣмъ на грудь; другой баніосъ, подслѣповатый, громоздкій старикъ, съ толстымъ лицомъ, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на все, и по-временамъ зѣвалъ; третій, маленькій, совѣмъ исчезалъ между ними, стараясь поддѣлаться подъ мину и позу своихъ сосѣдей. Эйноске задумчиво молчалъ. Одинъ Кичибе гоголемъ сидѣлъ и ждалъ, когда ему велѣтъ говорить. Мы ждали, что будетъ.

Наконецъ Саброски, вздохнувъ глубоко и принцуривъ

глаза, началъ говорить такъ тихо, какъ духъ, какъ-будто у него не было ни губъ, ни языка, ни горла; онъ говорилъ вздохами; кончилъ, испустивъ продолжительный вздохъ. Кичибе, съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven* — умеръ!

Мы окаменѣли на минуту, потомъ — ничего. «Скажите», замѣтилъ адмиралъ чиновникамъ, «что я вполне раздѣляю ихъ печаль». Баніосы поклонились, нѣкоторые опять вздохнули, Ойе вновь заговорилъ шопотомъ. Хи! хи! хи! слышалось только отъ Кичибе, какъ предсмертная икота. Потомъ онъ, потянувъ воздухъ въ себя, началъ переводить, по обычаю, разстановисто, съ спирающимся хохотомъ въ горлѣ—знакъ, что передаетъ какой-нибудь отказъ, и этимъ хохотомъ смягчаетъ его, золотитъ шлюлю. «Изъ Едо... по этому печальному случаю... получить скоро отвѣтъ, хо, хо, хо—унмогликъ, «невозможно!» досказалъ онъ наконецъ такъ, какъ будто изъ него выдавили послѣднія слова.

На это приказано отвѣчать, что возраженіе приплюютъ письменное. «Всѣ заняты похоронами покойнаго и воспеваемъ на престолъ новаго Сіогуна», продолжалъ Кичибе переводить, «все это требуетъ церемоній» и т. п. Вѣрно было спросить: скоро ли отвѣдутъ намъ мѣсто на берегу? Долго говорилъ Саброски отвѣтъ. Кичибе, выслушавъ его, сказалъ, что «изъ Едо объ этомъ...» тутъ горло ему совсѣмъ заперло смѣхомъ... «не получено никакого разрѣшенія».—«Однакожь могли получить три раза», строго замѣтили ему, «отчего же нѣтъ отвѣта?» Кичибе перевелъ вопросъ, потомъ, выслушавъ возраженіе, началъ: «Изъ Едо не получено объ этомъ никакого—хо, хо, хо,—разрѣшенія».—«Это мы слышали», переводилъ К. М. П.: «но будетъ ли разрѣшеніе и скоро ли? намъ надо повѣрять хронометры. Вы не цѣните нашей вѣжливости и вниманія: другіе давно

бы съѣхали сами. Теперь мы видимъ, что Нагасаки просто западня, въ которую заманиваютъ ипострапцевъ, чтобъ водить и обманывать. Отъ столицы далеко, переговоры наскучатъ, гости утомятся и уйдутъ—вотъ ваша цѣль! Но объ этомъ узнаеть вся Европа и ни одно судно не пойдетъ сюда, а въ Едо—будьте увѣрены»... Кичибе опять передалъ и опять началъ свое: «Изъ Едо... не получено—хо, хо, хо!.. никакого...»

Хоть кого изъ терпѣнія выведутъ! «Спросите губернатора: намѣренъ ли онъ дать намъ мѣсто, или нѣтъ? Чтобъ завтра былъ отвѣтъ!» были послѣднія слова, которыми и кончилось засѣданіе.

Потомъ имъ подали чаю и наливки. Они выпили по рюмкѣ, подняли головы, оставили печальный тонъ, заговорили весело, зѣвали кругомъ на стѣны, на картины, на мебель; всеѣмъ развеселились; печали ни слѣда, такъ что мы стали догадываться, не хитрятъ ли они, не выдумали ли, если не все, такъ эпоху событія. По ихъ словамъ, Сіогунъ умеръ 14 августа, а мы пришли 10-го. Можетъ-быть, онъ умеръ и въ прошломъ году, а они сказали, что теперь, въ надеждѣ, не уйдемъ ли. Повѣрить ихъ трудно: они, можетъ-быть, и отъ своихъ скрываютъ такой случай, по крайней мѣрѣ, долго. Мы не знали, что и подумать, толковали и догадывались. Адмиралъ приказалъ написать губернатору, что мы подождемъ отвѣта изъ Едо на письмо изъ Россіи, которое, какъ они сами говорятъ, разошлось въ пути съ извѣстіемъ о смерти Сіогуна. Верховный совѣтъ не зналъ, въ чемъ дѣло, и потому отвѣта дать не могъ. Но какъ же такое извѣстіе могло идти болѣе двухъ мѣсяцевъ изъ Едо до Нагасаки, тогда какъ въ три недѣли можно съѣздить взадъ и впередъ? Нечисто! Ясно, что Сіогунъ или умеръ позже, или они знали раньше, да безъ надобности не объявили намъ объ этомъ, или, наконецъ, вовсе не умеръ. Послѣднее, однакожъ, невѣроятно: народъ, уважающій такъ глубоко своихъ госуда-

рей, не употребить такого предлога для побужденія, и то не навѣрное, иностранцевъ къ отплытію. Адмиралъ, между прочимъ, приказалъ прибавить въ письмѣ, что «это событіе случилось до полученія первыхъ нашихъ бумагъ и не помѣшало имъ распорядиться принятіемъ ихъ, также опредѣлить церемоніаль свиданія російскаго полномочнаго съ губернаторомъ и т. п., стало-быть не помѣшаетъ и дальнѣйшимъ распоряженіямъ, такъ какъ ходъ государственныхъ дѣлъ въ такой большой имперіи остановиться не можетъ, несмотря ни на какія обстоятельства. Поэтому мы подождемъ отвѣта изъ Горочью, и вообще не покинемъ японскихъ береговъ безъ окончательнаго рѣшенія дѣла, которое насъ сюда привело».

Такъ японцамъ не удалось и это крайнее средство, то есть, объявленіе о смерти Сіюгуна, чтобъ заставить адмирала измѣнить намѣреніе: непременно дождаться отвѣта. Должно-быть въ самомъ дѣлѣ японскому глазу больно видѣть чужія суда у себя въ гостяхъ! А они, безъ сомнѣнія, надѣялись, что лишь только они сдѣлаютъ такое важное возраженіе, адмиралъ уйдетъ, они отвѣтъ примлютъ года черезъ два, конечно, отрицательный, и такъ дѣло затянется на неопредѣленный и продолжительный срокъ.

Черезъ день японцы пріѣхали съ отвѣтомъ отъ губернатора о мѣстѣ на берегу, и опять Кичибе началъ: «Изъ Едо... не получено» и т. п. Адмиралъ не принялъ ихъ. П-ть сказалъ имъ, что онъ передалъ адмиралу отвѣтъ, и не знаетъ, что онъ предприметь, потому что его превосходительство ничего не отвѣчалъ. Это пугаетъ нашихъ милыхъ хозяевъ: они ужъ разъ пріѣзжали за какими-то пустяками, а собственно затѣмъ, чтобъ увѣриться, не затѣваемъ ли мы что-нибудь, не проговоримся ли о своихъ намѣреніяхъ. И точно затѣваемъ: хотимъ сами съѣхать на берегъ съ хронометрами. П-ть ужъ запустилъ объ этомъ слово. Они все отзывались, что губернаторъ распорядиться не можетъ, что ему за

это достанется. «Ну, а если мы сами съѣдемъ, или другіе сдѣлали бы это, тогда не достанется?» спросилъ онъ. «Это будетъ не дружески», былъ отвѣтъ. «А это по-дружески, когда вамъ говорятъ, что намъ необходимо повѣрить хронометры, что безъ этого нельзя въ море идти, а вы не отводите мѣста?» «Изъ Едо... хо, хо, хо... не получено», началъ Кичибе.

Подите съ ними! Они стали ссылаться на свои законы, обычаи. На другое утро пріѣхалъ Кичибе и взялъ отвѣтъ къ губернатору. Только-что онъ отвалилъ, явились и баніосы, а сегодня, 11 числа, они пріѣхали сказать, что письмо отдали, но что изъ Едо не получено и т. п. Потомъ замѣтили, зачѣмъ мы ѣдимъ кругомъ горы Панненберга. — «Такъ хочется», отвѣчали имъ.

На фрегатѣ ничего особеннаго: баніосы ѣздятъ каждый день вывѣдывать о намѣреніяхъ адмирала. Сегодня были двое младшихъ переводчиковъ и двое ондер-баніосовъ: они просили, нельзя ли намъ не кататься слишкомъ далеко, потому что имъ вѣрно слѣдить за нами, а ихъ лодки не угонятся за нашими. «Да зачѣмъ вы слѣдите?» — «Вѣрно», сказалъ высокій старикъ, въ синемъ халатѣ. «Вѣдь вы намъ помѣшать не можете». — «Вѣрно, что дѣлать! *Мы и сами желали бы, чтобъ это скорѣе измѣнилось*», прибавилъ онъ.

У меня, между матросами, есть нѣсколько фаворитовъ, между ними *Дыопинъ*, широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ. Онъ широкъ не въ однихъ только плечахъ. Его называютъ *огневой*, потому что онъ смотритъ, между прочимъ, за огнями; и когда крикнуть гдѣ-нибудь въ углу: *фитиль!* онъ мчится, что есть мочи, по палубѣ подать огня. Специальность его, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ подносъ, краонецъ съ ядрами и картечью, и поставивъ, только ухнеть, а краонецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человѣка, крѣпче и плотнѣе сложеннаго. Я часто разговариваю съ нимъ. «Жарко,

Дьюиниъ», говорю я ему. — «Точно такъ, тепло, хорошо, в. в.», отвѣчаетъ онъ. — А такъ тепло, что приходишь въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться. «Да ты, смотри, не напейся холоднаго послѣ работы», говорю я шутя, «или на сырости не ложись ночью». — «Слушаю, в. в.», отвѣчаетъ онъ серьёзно. «Я подарю тебѣ шерстяные чулки: надѣвай, смотри». И велѣлъ Оаддееву дать ему пару. Дьюиниъ еще въ тропикахъ надѣлъ ихъ и, встрѣтивъ меня, сталъ благодарить. «Благодарю покорнѣйше, в. в.; теперь хорошо, тепло», говорилъ онъ. «Холодно что-то, Дьюиниъ», сказалъ я ему, когда здѣсь вдругъ наступили холода, такъ-что надо было приниматься за байковые сюртуки. — «Точно такъ, в. в., свѣженько, хорошо». — А самъ былъ босикомъ. «Что же ты босикомъ?» спросилъ я. «Лучше: ноги не горять, да и палубы не затопчешь сапогами». Вотъ я на-дняхъ сказалъ ему, что «видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ», прибавилъ я, «десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее». — «Точно такъ, в. в.», отвѣчалъ онъ, «куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!» Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: «Если бъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?» — «А какъ же?» — «По лопарю бы довольно». (*Лопарь* — конецъ толстой веревки).

13-го октября. Новаго ничего. Холодно и ясно; превосходная погода: все такъ свѣтло, празднично. Холмы и воды въ блескѣ; островки и надводные камни въ проливѣ, отъ сильной рефракціи, кажутся совершенно оставшими отъ воды; они какъ будто висятъ на воздухѣ. Зори вечернія (утреннихъ я никогда не вижу) обливаютъ золотомъ весь горизонтъ; зажгутся звѣзды, прежде всего Юпитеръ и Венера. Венера горитъ ярко, какъ большая свѣча. Вчера мы смотрѣли въ трубу на Сатурна: хорошо видѣли и кольца. У

Юпитера видны три спутника; четвертый прячется за планетой.

17, 18 и 19 октября. Ждемъ судовъ нашихъ и начинаемъ тревожиться. Ну, пусть транспортъ медлитъ за противнымъ *NO* муссономъ, лавируя миль по двадцати въ сутки, а шкуна? Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ ушла; а ей сказано, чтобъ долѣе семи недѣль не быть. Дѣлають разные предположенія.

Вчера, 18-го, адмиралъ приказалъ дать знать баніосамъ, чтобъ они продолжали, если хотять, ѣздить и безъ дѣла, а такъ, въ гости, чтобы какъ можно болѣе сблизить ихъ съ нашими понятіями и образомъ жизни. Младшіе переводчики перепутали все и двое ондер-баніосовъ, не бывшихъ ни разу, явились спросить, что намъ нужно, думая, что мы ихъ вызывали за дѣломъ. Сегодня, 19-го, явились опять двое и, между прочимъ, Ойе-Саброски, «съ небольшою просьбой отъ губернатора», сказали они: «завтра, 20-го, поѣдетъ князь Чикузень или Цикузень, отъ одной пристани къ другой въ проливѣ, смотрѣть свои казармы и войска, такъ не можетъ ли корветъ немного отодвинуться въ сторону, потому что князя будутъ сопровождать до ста лодокъ, такъ имъ трудно будетъ проѣхать». Имъ отвѣчали, что гораздо удобнѣе лодкамъ обойти судно, нежели судно, особенно военному, переходить съ мѣста на мѣсто. Такъ они и уѣхали.

Съ Саброски былъ полный, высокій ондер-баніосъ, но съ такимъ неаппонскимъ лицомъ, что хоть сейчасъ въ надворные совѣтники, лишь только юбку долой, а юбка штофная, голубая: славно бы кресло обить! Когда я сталъ заводить ящикъ съ музыкой и открылъ его, онъ смотрѣлъ по-дѣтски, и немного глупо, на движеніе вала.

Послѣ обѣда, говорятъ, проѣжалъ какой-то князь, съ поѣздомъ. Погода была сегодня такъ хороша, тепла, какъ у насъ въ іюль, и такъ ясна, какъ у насъ никогда не бы-

васть. Но по вечерамъ вообще туманно, по ночамъ сыро и очень холодно. Скучновато: новостей нѣтъ и занятія какъ-то идутъ вяло. Почиваемъ, кушаемъ превосходную рыбу ежедневно, въ ухѣ, въ пирогахъ, холодную, жареную; раковъ тоже, съ клешнями, безъ клешней, толстокожихъ, съ усами и безъ оныхъ, круглыхъ и длинныхъ. Ужъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, начинаемъ жаловаться на расстройство желудка отъ этой монашеской пищи. Оаддеевъ учится грамотѣ. Я-было написалъ ему прописи, но онъ избѣгаетъ учиться у меня. Я застаю его за какой-то замасленной бумагой, на которой написаны преуродливые азы. Оаддеевъ копируетъ ихъ усердно и превосходить уродливостью; а съ моихъ не копируетъ.—«Кто написалъ тебѣ?» спросилъ я. — «Аганка», отвѣчаетъ онъ: «онъ взялся выучить меня писать».—«А ты что ему за это?»—«Двѣ чарки водки».

25-го.—Давно я не принимался за свой дневникъ: скучно что-то и болець я. Между тѣмъ много кое-чего бы надо было записать. Во-первыхъ, съ 20 на 21, ночью была жестокая гроза. Наканунѣ и въ тотъ день шелъ дождь, потомъ къ вечеру начала блистать молнія. Все это къ ночи усиливалось. Ночь темная, ни зги не видно, только молнія вдругъ обливала нестерпимымъ блескомъ весь заливъ и горы. Осмотрѣли громовые отводы. Какіе удары! молнія блеснетъ—и долго снуется глухо загремитъ громъ—значить далеко; но чрезъ минуту вдругъ опять блескъ, почти кровавый, и въ то же мгновеніе раздастся ударъ надъ самой палубой. И поминутно, поминутно, какъ будто начинаеть что-то сыпаться съ горъ: сначала въ полтона, потомъ загремитъ нѣлымъ аккордомъ. Смотрѣть больно, слушать утомительно. Началось часовъ съ семи, а кончилось въ 3-мъ часу ночи. Одинъ разъ молнія упала такъ близко, что часовой крикнулъ: *«огонь съ фор-русленей талъ!»* Въ другой разъ попала въ Шанпейбергъ, въ третій—въ воду, близъ кормы. Я видѣлъ

самъ. Недаромъ Кемпферъ, Головинъ и другіе пишутъ, что грозы ужасны въ Японіи. На другой день было очень жарко, парило, потомъ стало прохладно, и до сихъ поръ все хорошая погода.

Наконецъ, 23-го утромъ, запалили японскія пушки. — «А! судно идетъ!» Которое? Мы взволновались. Кто поѣхалъ навстрѣчу, кто влѣзъ на марсы, на салунги—смотреть. Ужъ не англичане ли? Вотъ одолжать! Нѣтъ, это нашъ транспортъ изъ Шанхая, съ письмами, газетами и провизіей.

21-го пріѣхалъ Ойе-Саброски, съ Кичибе и Эйноске. Последній рѣшительно отказался отъ книгъ, которыя предлагали ему, и адмиралъ, и я: боится. Гокейсы сказали, что желали бы говорить съ полномочнымъ. Ихъ повели въ каюту. Они объявили, что наконецъ полученъ отвѣтъ изъ Едо! — Grande nouvelle! Мы обрадовались. — «Что такое? какъ? въ чемъ дѣло?» посыпались вопросы. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали, что позовутъ насъ въ Едо или скажутъ то, другое...

Но вотъ Кичибе потянулъ въ себя воздухъ, улыбнулся самою сладчайшею изъ своихъ улыбокъ—дурной признакъ!— «Изъ Едо...» началъ онъ давиться и кряхтѣть: «присланъ ствѣтъ». — «Ну?» — «Что письма ваши прибыли туда... благополучно», выговорилъ онъ наконецъ, обливаясь потомъ, какъ будто дотанцлъ возъ до мѣста. — «Ну?» — «Что... прибыли... благополучно!..» повторилъ онъ. — «Слышали. Еще что?» — «Еще... только и есть!» — «Это не отвѣтъ», замѣтили мы. Они начали оправдываться, что они не виноваты и т. п. Адмиралъ сказалъ, что онъ надѣется чрезъ нѣсколько дней получить другой отвѣтъ, лучше и толковѣе этого. Потомъ спросили ихъ о мѣстѣ на берегу. — «Изъ Едо...» началъ, кряхтя и улыбаясь, Кичибе: «не получено...» И запѣлъ свою пѣсню. — «Знаемъ. Да что жъ, будетъ ли отвѣтъ? Это видно губернаторъ виноватъ: онъ не хотѣлъ представить объ этомъ?»

Банюсы оправдывались, что нѣтъ, что ни онъ, ни они не виноваты.—«Изъ Едо...» и т. д.

29-го. — Давно ли мы жаловались на жаръ? давно ли нельзя было ѣсть мяса, выпить рюмки вина? А теперь, хоть и совѣстно, а приходится жаловаться на холодъ! Погода ясная, почти лунная, НО муссонъ дуетъ съ рѣзкимъ холодкомъ. Опять всеѣмъ захотѣлось на югъ, все бредятъ Маниллой.

Вчера, 28-го, когда я только-было собрался уснуть послѣ обѣда, мнѣ предложили кататься на шлюпкѣ въ морѣ. Мы этимъ нѣтъ-нѣтъ да и напомнимъ японцамъ, что вода принадлежитъ всеѣмъ и что мѣшать въ этомъ они не могутъ, и такимъ образомъ мы удерживаемъ это право за европейцами. Наши давно дразнить японцевъ, катаясь на шлюпкахъ.

Но знаете ли, что значитъ катанье у моряковъ? Вы думаете, можетъ-быть, что это робкое и лѣнивое ползанье нашихъ яликовъ и лодокъ по соннымъ водамъ прудовъ и озеръ, съ дамами, при звукахъ музыки и т. п.? Нѣтъ: съ такими понятіями о катаньѣ, не совѣтую вамъ принимать приглашенія покататься съ морякомъ: это все равно, если бъ васъ посадили верхомъ на бѣшеную лошадь, да предложили прогуляться. Моряки катаются непременно на парусахъ, стало-быть, въ вѣтеръ, чего многіе не любятъ, да еще въ свѣжій вѣтеръ, т.-е. когда шлюпка лежитъ на боку и когда бѣлоголовыя волны скачутъ выше борта, а иногда и за бортъ.

Вѣтеръ дулъ НО, свѣжій и порывистый: только нашъ катеръ отвалилъ, сейчасъ же окрылился фокомъ, бизанью и кливеромъ, сильно легъ на бокъ и понесся пуще всякой тройки. Едва мы подошли къ проливу, между Паппенбергомъ и Ивосима, какъ вслѣдъ за нами, по обыкновенію, съ разныхъ точекъ бросились японскія казенныя лодки, не стоящія уже кругомъ насъ цѣпью, съ тѣхъ поръ, какъ мы

отбуксировали ихъ прочь, а кроющіяся подъ берегомъ. Лодки бросались не съ тѣмъ, чтобъ помѣшкать намъ—куда имъ! онѣ и не догоняютъ, а чтобъ показать только передъ старшими, что исполняютъ обязанности караульныхъ. Они бросаются, гребутъ, торопятся, и лишь только дойдутъ до крайнихъ мысовъ и скаль, до выхода въ открытое море, какъ спрячутся въ бухтахъ и ждутъ. А когда наши шлюпки пойдутъ назадъ, японцы опять бросятся за ними и толпой ѣдутъ сзади, съ крикомъ, шумомъ, чтобъ показать своимъ въ гавани, что будто и они ходили за нашими въ море. Мы хохочемъ.

Едва нашъ катеръ вышелъ за ворота, на третій рейдъ, японскія лодки прижались къ камнямъ, къ батареямъ, и тамъ остались. Паппенбергъ на минуту отнялъ у насъ вѣтеръ: сдѣлался маленькій штгиль, но лишь только мы миновали гору, катеръ пошелъ чесать. Волненіе было крупное, катеръ высоко забиралъ носомъ, становись, какъ лошадь, на дыбы, и билъ имъ по волнѣ, перескакивая черезъ нее, какъ лошадь же. Куда тутъ японскимъ лодкамъ! Матросы молча сидѣли на днѣ шлюпки, мы на лавкахъ, держась руками за бортъ и сжавшись въ кучу, потому что наклоненное положеніе катера всѣхъ сбивало въ одну сторону.

Но холодно; я пряталъ руки въ рукава или за пазуху, по карманамъ, носы у насъ посинѣли. Мы осмотрѣли, подойдя вплоть къ берегу, прекрасную бухту, которая лежитъ налѣво, какъ только входишь съ моря на первый рейдъ. И прежде не видалъ ея, когда мы входили: тогда я занятъ былъ разсматриваніемъ ближнихъ береговъ, батарей и холмовъ.

А бухта отличная: на берегу видна деревня и рядъ террасъ, обработанныхъ до послѣдней крайности, до самыхъ вершинъ утесовъ и вплоть до крутыхъ обрывовъ къ морю, гдѣ уже одни камни стоймя опускаются въ океанъ

и гдѣ никакая дикая коза не влѣзетъ туда. Нѣтъ вершка необработанной земли, и все въ гору, въ гору. Вездѣ посѣяны рисъ и овощи. Горы изрѣзаны по бокамъ уступами, и чтобъ уступы не обваливались, бока ихъ укрѣплены мелкимъ камнемъ, какъ и весь берегъ, такъ что вода, въ большомъ обиліи необходимая для риса, можетъ стекать по уступамъ, какъ по лѣстницѣ, не разрушая ихъ. Видѣли скотъ, потому множество ребятишекъ; вышло нѣсколько японцевъ изъ хижины и дачъ, и стали въ кучу, глядя, какъ мы, то остановимся, то подѣдемъ къ самому берегу, то удалимся, лавируя взадъ и впередъ. Мы глядѣли на нѣкоторыя бесѣдки и храмы по высотамъ, любовались длиною, идущею параллельно съ берегомъ, кедровою аллею.

Не думайте, чтобъ храмъ былъ въ самомъ дѣлѣ храмъ по нашимъ понятіямъ, въ архитектурномъ отношеніи, что-нибудь господствующее, не только надъ окрестностью, но и надъ домами — нѣтъ, это, по-нашему, изба, побольше другихъ, съ нѣскольکو возвышенною кровлею, или какая-нибудь посѣрѣвшая отъ времени большая бесѣдка въ старомъ заглохшемъ саду. Немудрено, что Кемпферъ насчиталъ такое множество храмовъ: по высотамъ ихъ дѣйствительно много; но ихъ, безъ трубы, не разглядишь, развѣ подѣдешь къ самому берегу, какъ мы сдѣлали въ этой бухтѣ.

Какое бы славное предмѣстіе раскинулось въ ней, если бы она была въ рукахъ европейцевъ! Да это еще будетъ и, можетъ-быть, скоро... Знаете, что на-дняхъ сказалъ *Маттабе*, одинъ изъ ондер-толковъ, привозящій намъ провизію? Его спросили: отчего у нихъ такія лодки, съ этимъ разрѣзомъ на кормѣ, куда могутъ хлестать волны, и съ этимъ неуклюжимъ, высокимъ рулемъ? Онъ сослался на законъ, потомъ сказалъ, что это худо:—«да вѣдь Японія не можетъ долго оставаться въ нынѣшнемъ ея положеніи», прибавилъ

онъ: «скоро надо ожидать переменъ». Каковъ Матабе! а не бойкій, невзрачный человѣкъ, и съ такимъ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ! Оттого, можетъ-быть, онъ и говоритъ такъ.

Глядя вчера на эти обработанные до-нельзя холмы, я вспомнилъ Гон-Конгъ, и особенно торговое заведеніе Джердина и Матисона, занимающее цѣлый уголь. Тамъ тоже горы, да какія! не чета здѣшнимъ: голый камень, а бухта удобна, берега *прилубы*, суда закрыты отъ вѣтровъ. Что же Джердинъ? нанялъ китайцевъ, взялъ да и срылъ гору, построилъ огромное торговое заведеніе, магазины, а еще выше надъ всѣмъ этимъ — великолѣпную виллу, сдѣлалъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что растетъ подъ тропиками. — и живетъ какъ бы жилъ въ Англии, гдѣ-нибудь на о. Вайтѣ. Я не видалъ въ Гон-Конгѣ ни клочка обработанной земли, а вездѣ скрыты горы для улицъ да для дорогъ, для пристаней. Китайцы, — а ихъ тамъ тысячъ тридцать — не боятся умереть съ голоду. Они находятъ выгоды строить европейцамъ дворцы, копать землю, не все для одного посѣва, какъ у себя въ Китаѣ, а работать на судахъ, быть приказчиками и, наконецъ, торговать самимъ. Такъ должно быть, и конечно будетъ, и здѣсь, какъ справедливо предсказываетъ Матабе.

Я иззябъ съ этимъ катаньемъ. Былъ пятый часъ въ исходѣ; осеннее солнце спѣшило спрятаться за горизонтъ, а мы спѣшили воротиться съ моря за-свѣтло, и проѣхали между камнями, оторвавшимися отъ горъ, подъ самыми батареями, гдѣ японцы строятъ домики для каждой пушки. Какъ надѣвался надъ этими домиками палецъ артиллеристъ К. И. Л! Онъ толковалъ, что домикъ мѣшаетъ углу обстрѣла и т. п. Сторожъ-японецъ началъ браниться и кидать въ насъ камни, но они едва падали у ногъ его. Мы хохочемъ. Сзади насъ катеръ — и тому то же, и тамъ хохотъ. Вотъ Пашенбергъ — и опять шилъ у его подошвы.

Катеръ вышелъ изъ вѣтра и сталъ прямо; парусъ началъ хлестать о мачту; матросы взялись за весла, а я въ это время осматривалъ Паппенбергъ. Съ западной его стороны отвалился большой камень, съ кучей маленькихъ; между ними хлещетъ бурунъ; еще подальше отъ Паппенберга есть такая же куча, которую исхлестали, округлили и избородили волны, образовавъ живописную группу, какъ будто великановъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ дѣтьми.

Когда въ Нагасаки будетъ издаваться иллюстрація, непременно нарисуютъ эти камни. И *Паппенбергъ* тоже, и *Крысей*, другой, маленькій, пушистый островокъ. Въ текстѣ скажутъ, что съ Паппенберга нѣкогда бросали католическихъ, *папскихъ* монаховъ, отчего и названъ такъ островъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть откуда бросать: онъ весь кругомъ въ отвѣсныхъ скалахъ, сажень въ десять и болѣе вышины. Только съ восточной стороны, на самой *бахромѣ*, такъ-сказать, берега, японцы протоптали тропинки, да поставили батарею, которую, по обыкновенію, и завѣсили, а вершину усадили рѣдкимъ соснякомъ, отчего вся гора, какъ я писалъ, имѣетъ видъ головы, на которой волосы встали дыбомъ. Вообще японцы любятъ утыкать свои холмы рѣдкими деревьями, отчего они походятъ также и на пасхальные куличи, утыканные фальшивыми розанами. На Крысьемъ островѣ избиты были нѣкогда испанцы и сожжены ихъ корабли съ товарами. На немъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ когда-нибудь хорошенькій павильонъ; для другого чего-нибудь островъ малъ.

Только что мы подъѣхали къ Паппенбергу, какъ за нами бросились назадъ таившіяся подъ берегомъ, ожидавшія насъ, японскія лодки и ѣхали съ крикомъ, но не близко, и такъ всѣ дружно прибыли — онѣ въ свои ущелья и затишья, мы на фрегатъ. Я долго дулъ въ кулаки.

Ноябрь. 1, 2, 3.—То дождь, то ясно, то тепло, даже жарко, какъ сегодня, напримѣръ, то вдругъ холодно, какъ на родинѣ.

Японцы еще третьягодня приѣзжали сказать, что голландское купеческое судно уходитъ наконецъ съ грузомъ въ Батавію (не знаю, сказали ли я, что мы застали его уже здѣсь) и что губернаторъ проситъ—о чемъ бы вы думали? чтобъ мы не ѣздили на судно! А мы велѣли сказать, что дадимъ письма въ Европу, и удивляемся, какъ губернатору могла придти въ голову мысль, мѣшать сношенію двухъ европейскихъ судовъ между собою? Опять переводчики приѣхали, почти ночью, просить, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это за Ковальскими воротами, близъ моря. Имъ не хочется, чтобъ народъ видѣлъ и заключилъ по этому о слабости своего правительства; ему стыдно, что его не слушаются. Сказано, что нѣтъ. Переводчики объявили, что, можетъ-быть, губернаторъ *не позволитъ* пристать къ борту, загородить своими лодками. «Пусть попробуетъ, сказано ему: выйдутъ неприятныя послѣдствія—онъ отвѣтитъ за нихъ».

Радость, радость, праздникъ: шкуна пришла! Сегодня, 3-го числа, палятъ японскія пушки. Съ салинговъ завидѣли шкуну. Часу въ 1-мъ она стала на якорь подлѣ насъ. Сколько повостей!

5-е.—Тоска, несмотря на занятія, несмотря на внѣшнее спокойствіе, на прекрасную погоду. Я вчера къ вечеру уѣхалъ на нашъ транспортъ; туда же поѣхалъ и капитанъ. Я увлекъ и О. А. Мы поужинали; вдругъ является К. Н. П. и говорить, что адмиралъ измѣнилъ рѣшеніе: прощай Манилла, Лю-чу! мы идемъ въ Едо. Толки, споры. Говорятъ, сухарей нѣтъ: какъ идти? Адмиралъ думаетъ оттуда уже послать транспортъ въ Шанхай, за полнымъ грузомъ провизіи, на нѣсколько мѣсяцевъ. Но кромѣ недостатка провизіи, въ Едо мѣшаетъ идти противный ВО муссонъ. Сегодня вызвали баніосовъ; приѣхалъ Ойе-Саброски, Кичибе и Съоза, да еще баніосъ, подъ пару Саброски (баніосы иначе не ѣздятъ, какъ парами). Онъ смотритъ всякій разъ очень тасково на меня своимъ, довольно тупымъ,

простымъ взглядомъ, и напоминаетъ какую-нибудь безусловно-добрую тетку, няньку, или другую женщину-баловницу, отъ которой ума и наставлений не жди, зато варенья, конфетъ и потворства—сколько хочешь.

Всѣ были въ восторгѣ, когда мы объявили, что покидаемъ Нагасаки; только Кичибе былъ ни скучнѣе, ни веселѣе другихъ. Онъ переводилъ вопросы и отвѣты, самъ ничего не спрашивая и не интересуясь ничѣмъ. Онъ какъ-то сказалъ, на вопросъ П—та, почему онъ не учится англійскому языку, что жалѣеть, зачѣмъ выучился и по-голландски. «Отчего?»—«Я люблю», говорить, «*ничего не дѣлать, лежать на боку*».

Но баніосы не обрадовались бы, узнавши, что мы идемъ въ Едо. Имъ объ этомъ не сказали ни слова. Просили только пріѣхать завтра опять, взять бумаги, да подарки губернаторамъ и переводчикамъ, еще прислать, какъ можно больше, воды и провизіи. Они не подозрѣваютъ, что мы собираемся продовольствоваться этой провизіей — на пути къ Едо! Что-то будетъ завтра?

6-го.—Были сегодня баніосы и утромъ, и вечеромъ. Пришла и имъ забота. Губернаторы оба въ тревогѣ. «Отчего вдругъ вздумали идти? Въ какой день идти и... куда?» хотѣлось бы еще спросить, да не рѣшаются: сами чувствуютъ, что не скажутъ. Сегодня ужъ они не были веселы. Съ баніосами былъ старшій изъ нихъ, *Ханварн*. Ихъ позвали къ адмиралу. Они сказали, что губернаторы рѣшили принять бумаги въ Совѣтъ. Потомъ секретарь и баніосы начали предлагать вопросы: «что насъ заставляетъ идти внезапно?»—«Нечего здѣсь больше дѣлать», отвѣчали имъ. «Объяснена ли причина въ письмѣ къ губернатору?»—«Въ этихъ бумагахъ объяснены мои намѣренія», приказалъ сказать адмираль.

О подаркахъ они сказали, что ихъ не могутъ принять ни губернаторы, ни баніосы, ни переводчики: «*уцмогликъ!*»—

«Изъ Кюдо», началъ давиться Кичибе, «на этотъ счетъ не получено... разрѣшенія».—«Ну, не надо. И мы никогда не примемъ», сказали мы, «когда нужно имѣть дѣло съ вами».

Кичибе извивался, какъ змѣй, допрашиваясь, когда идемъ, воротимся ли, упрямивая сказать день, когда выйдемъ и т. п. Но ничего не добился. *Спудингъ* (скоро), *зеръ спудингъ*. отвѣчалъ ему П—тъ. Они просили сказать объ этомъ по крайней мѣрѣ за день до отхода — и того нѣтъ. На нихъ очевидно напала тоска. Наступила ихъ очередь быть игрушкой. Мы мистификовали ихъ, ловко избѣгая отвѣчать на вопросы. Такъ они и уѣхали въ тревогѣ, не добившись ничего, а мы сѣли обѣдать.

Мы педоумѣвали, отчего такъ вдругъ обезпокоились японцы нашимъ отвѣдомъ? почему просятъ сказать за день? Вѣрно у нихъ есть готовый отвѣтъ, да, по своей привычкѣ, медлятъ объявлять. Вечеромъ явились опять и привезли Эйноске, надѣясь, что онъ потолковѣе допросится. Но такъ же бесполезно. Куда? хотѣлось имъ знать. «Куда вѣтеръ понесетъ», отвѣчали съ улыбкой. Наконецъ, сказали, что будемъ гдѣ-нибудь близко, согласно съ тѣмъ, какъ объявилъ адмираль, то-есть, *что не уйдемъ отъ береговъ Японіи, не окончивъ дѣла*. «Но отвѣтъ вы получите въ Нагасаки», замѣтили они. Мы ничего не сказали. Бѣда имъ, да и только! «Вы представьте», сказалъ Эйноске, «наше положеніе: намъ велѣли узнать, а мы воротимся съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхали».—«И мое положеніе представьте себѣ», отвѣчалъ П—тъ: «адмираль мнѣ не говоритъ ни слова больше о своихъ намѣреніяхъ, и я не знаю, что сказать вамъ».—Такъ они и уѣхали.

7-го.—Комедія съ этими японцами, совершенное представленіе на Нагасакскомъ рейдѣ! Только что пробило восемь склянокъ и подняли флагъ, какъ появились переводчики, за ними и оппер-баніосы, Хагивари, Саброски и еще другой, робкій и невзрачный съ виду. Они допрашивали.

не недовольны ли мы чѣмъ-нибудь? потомъ попросили видѣться съ адмираломъ. По обыкновенію, всѣ усѣлись въ его каютѣ и воцарилось глубокое молчаніе.

Хагивари говорилъ долго, минутъ десять: мы думали и конца не будетъ. Кичибе началъ переводить его рѣчь, по своему, коротко и отрывисто, и передать, повидимому, только мысль, но способъ выраженія, подробности, оттѣнки — все пропало. Онъ и ограниченъ, и упрямъ. Если скажутъ что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ, сколько мы могли замѣтить, смягчить въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчить. Адмиралъ недоволенъ и хочетъ просить, чтобъ его устранили отъ переговоровъ. Эйноске, напротивъ, все понимаетъ и старается объяснить до тонкости.

Они начали съ того, что «такъ какъ адмиралъ не соглашается остаться, то губернаторъ не рѣшается удерживать его, но онъ предлагаетъ ему на разсужденіе одно обстоятельство, чтобъ адмиралъ поступилъ сообразно этому, именно: губернатору извѣстно навѣрное, что дней чрезъ десять, и никакъ не болѣе одиннадцати, а, можетъ-быть, и чрезъ семь, придетъ отвѣтъ, который почему-то замедлился въ пути».

На это отвѣчено, что «по трехмѣсячномъ ожиданіи, не важность подождать семь дней: но намъ необходимо имѣть мѣсто на берегу, чтобъ сдѣлать поправки на судахъ, повѣрить хронометры и т. п. Далѣе, если отвѣтъ этотъ подвинетъ дѣло впередъ, то мы останемся, въ противномъ случаѣ уйдемъ... куда намъ надо».

Между тѣмъ мы замѣтили, бывши еще въ каютѣ капитана, что то одинъ, то другой переводчикъ, выходили къ своимъ лодкамъ и возвращались. Баніосы отвѣчали, что «они доведутъ объ этомъ заявленіи адмирала до свѣдѣнія губернатора и...»

Вдругъ у дверей послышался шумъ и голоса. Эйноске всталъ, пошелъ къ дверямъ, поспѣшно воротился и ска-

заль, что пріѣхали еще двое баніоссвъ, но часовой не пускаетъ ихъ. Велѣно впустить. Вошли двое, знакомыя лица, не знаю, какъ ихъ зовутъ. Они поклонились, подошли къ Хагивари и подали ему бумагу. Я смекнулъ, что они пріѣхали съ отвѣтомъ изъ Едо. Хагивари, съ видомъ притворнаго удивленія, прочелъ бумагу, подаль ее Саброски, тотъ прочелъ, передалъ дальше, и такъ она дошла до Кичибе. Они начали ахать, восклицать. Кичибе чуть не подавился совсѣмъ на первомъ словѣ. — «Почта... почта... изъ Едо erhalten, получена!»

Я не могъ выдержать, отвернулся отъ нихъ и кое-какъ справился съ неистовымъ желаніемъ захохотать. Фарсѣры! Какъ хитро: пріѣхали попытаться замедлить, просили десять дней срока, когда уже отвѣтъ былъ прислаць. Бумага состояла, по обыкновенію, всего изъ шести или семи строкъ. «Четверо полномочныхъ, groote herren, важные сановники, — сказано было въ ней, — ѣдутъ изъ Едо, для свиданія и переговоровъ съ адмираломъ».

Вотъ тебѣ разъ! Вотъ тебѣ Едо! У насъ, какъ гора съ плечъ! Идти въ Едо безъ провизіи, стало-быть, на самое короткое время, и уйти!

Спросили, когда будутъ полномочные. «Изъ Едо... не получено... объ этомъ». Ну, пошелъ свое! Хагивари и Саброски начали дѣлать намъ знаки, показывая на бумагу, что вотъ какое чудо случилось: только заговорили о ней, а она и пришла! Тутъ уже никто не выдержалъ, и они сами, и всѣ мы стали смѣяться. Бумага писана была отъ президента Горочью, *Абе-Исе-но-Ками-Сама*, къ обоимъ губернаторамъ, о томъ, что ѣдутъ полномочные, но кто именно, когда они ѣдутъ, выѣхали ли, въ дорогѣ ли — объ этомъ ни слова.

Японцы уѣхали, съ обѣщаніемъ вечеромъ привезти отвѣтъ губернатора о мѣстѣ. — «Стало-быть, о прежнемъ, то-есть объ отъѣздѣ, уже нѣтъ и рѣчи», сказали они, уѣзжая, и

стали отирать себѣ ротъ, какъ будто стирая прежнія слова. А мы начали толковать о предстоящихъ перемѣнахъ въ нашемъ планѣ. И, еще до отъѣзда ихъ, не утерпѣвъ и вышелъ на палубу. Капитанъ распорядился привязкой парусовъ. — «Наирасно», сказала я: «ведите опять отвязывать, не поидемъ».

Послѣ обѣда тотчасъ явились японцы и сказали, что хотя губернаторъ и не имѣетъ разрѣшенія, но беретъ все на себя и отводитъ мѣсто. Къ вечеру опять пріѣхали сказать, не хотимъ ли мы взять бухту *Либаць*, которую занималъ прежній посланникъ нашъ, Резановъ. Адмиралъ отвѣчалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ пошлетъ осмотрѣть мѣсто прежде, нежели приметъ. Поѣхали осматривать П. К. и Г. и возвратились со смѣхомъ и досадою, сказавъ, что мѣсто не годится: голое, песокъ, каменья. Ну, надо терпѣнія съ этимъ народомъ! Вотъ четвертый день все идутъ толки о мѣстѣ.

Мы хотя и убрали паруса, но адмиралъ предполагаетъ идти, только не въ Едо, а въ Шанхай, чтобы узнать тамъ, что дѣлается въ Европѣ, и запастись свѣжею провизіею на нѣсколько мѣсяцевъ. Японцамъ объявили, что мѣсто не годится. Губернаторъ отвѣчалъ, что нѣтъ другого: видно, разсердился. Мы возразили, что вонъ есть тамъ, да тамъ, да вонъ тутъ: мало ли красивыхъ мѣстъ! — «Если не дадутъ — уйдемъ», говорили мы: «присылайте провизію». — «Не могу», отвѣчалъ губернаторъ: «требуйте провизію попрежнему, понемногу, отъ голландцевъ». Онъ надѣялся насъ тѣмъ удержать. — «Ну, мы поидемъ и безъ провизіи», было отвѣчено ему.

10-го. Сегодня вдругъ видимъ, что при входѣ въ бухту *Либаць* толпится кучка народу. Тамъ и баніосы, и переводчики, смотрятъ, разсмѣриваютъ, втыкаютъ колышки: ясно, что готовятъ другое мѣсто, но какое! тоже голое, съ зеленью, правда, но это посѣвы риса и овощей; тутъ негдѣ ступить.

Губернаторъ, узнавъ, что мы отказываемся принять и другое мѣсто, отвѣчалъ, что больше у него нѣтъ никакихъ, что указанное нами принадлежитъ князю Омурѣ, на которое онъ не имѣетъ правъ. Оба губернатора послѣ всего этого успокоились: они объявили намъ, что полномочные назначены, мѣсто отводятъ, слѣдовательно, если мы и за этимъ за всемъ уходимъ, то они ужъ не виноваты.

Адмиралъ просилъ ихъ передать бумаги полномочнымъ, если они прежде насъ будутъ въ Нагасаки. При этомъ приложена была записочка къ губернатору, въ которой адмиралъ извѣщалъ его, что онъ въ «непродолжительномъ времени воротится въ Японію, зайдетъ въ Нагасаки, и если тамъ не будетъ ни полномочныхъ, ни отвѣта на его предложенія, то онъ немедленно пойдетъ въ Едо».

Вашіосы спрашивали, что заключается въ этой записочкѣ, но имъ не сказали, такъ точно, какъ не объявили и губернатору, куда и надолго ли мы идемъ. Мы все думали, что насъ остановятъ, дадутъ мѣсто и скажутъ, что полномочные ѣдутъ: но ничего не было. Губернаторы, догадавшись, что мы идемъ не въ Едо, успокоились. Мы сказали, что уйдемъ сегодня же, если вѣтеръ будетъ хорошъ.

Часа въ три мы снялись съ якоря, пробывъ ровно три мѣсяца въ Нагасаки: 10-го августа пришли и 11-го ноября ушли. Я легъ-было спать, но топотъ людей, укладка якорной цѣпи, разбудили меня. Я вышелъ въ ту минуту, когда мы выходили на первый рейдъ, къ Ковальскимъ, такъ-называемымъ, воротамъ. Недавно я еще катался тутъ. Вонъ и бухта, которую мы осматривали, вонъ Пашенбергъ, все знакомыя рытвины и ложбины на дальнихъ высокихъ горахъ, вонъ Каменосима, Ивосима, вонъ,halbvo, синѣть мысъ Номо, а вонъ и просторъ, безпредѣльность, море!

II.

ШАНХАЙ.

Съдельные острова.—Рыбачья флотилія.—Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ.—Гуцлавъ.—Янсекіянь.—Пожаръ.—Рѣка и мѣстечко Вусунъ.—Военныя джонки и европейскія суда.—Шанхай.—О чаѣ.—Простой народъ.—Таможня.—Американскій консуль.—Рѣзная китайская работа.—Улицы и базары.—Лавки и продавцы.—Фрукты, зелень и дичь.—Харчевни.—Европейскіе магазины.—Буддійская часовня.—Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета.—Окрестности, поля, гулянье англичанъ.—Лагерь и ишургенты.—Таутай Самква.—Осада города продавцами провизіи.—Обращеніе англичанъ съ китайцами.—Торговля опиумомъ.—Значеніе Шанхая.—Претендентъ на богдыханскій престоль.—Успѣхи христіанства въ Китаѣ.—Фермы и земледѣльцы.—Китайскія похороны.—Возвращеніе на фрегатъ.

Съ 11-го ноября 1853 года.

Опять плывущая жизнь, опять движеніе по волѣ вѣтра, или покой, по его же милости! Какъ воетъ онъ теперь и какъ холодно! Я отвыкъ въ три мѣсяца отъ моря, и съ большимъ неудовольствіемъ смотрю, какъ всѣ стали по мѣстамъ, какъ четверо рулевыхъ будто приросли къ штурвалу, ухватясь за рукоятки колеса, какъ матросы ползли на

марсы и какъ фрегатъ распустилъ крылья, а дѣдъ началъ странствовать съ юта къ картѣ, и обратно. Мы пошли по 6 и по 7 узловъ, въ бейдевиндъ. За нами долго слѣдила японская джонка, чтобъ посмотрѣть, куда мы направимся. Я не зналъ, куда дѣться отъ холода и, какъ былъ одѣтый въ байковомъ пальто, легъ на кровать, покрылся ваточнымъ одѣяломъ — и все было холодно. Въ перспективѣ не теплѣе: въ Шанхаѣ бываютъ морозы, несмотря на то, что онъ лежитъ подъ 31 градусомъ сѣверной широты.

Сегодня выхожу на палубу часу въ девятомъ: натѣво, въ туманѣ, какой-то островъ; надъ нимъ, какъ исполинская ширма, стоитъ сизая туча, съ полосами дождя. Пасмурно; дождь мороситъ; въ воздухѣ влажно, пахнетъ немного болотомъ. Предчувствуешь насморкъ. Погода совершенно такая же, какая бываетъ въ Финскомъ заливѣ, или на Невѣ, въ концѣ лѣта, въ сѣренькіе дни. — «Что это за островъ?» спросилъ я. — «*Гото*», говорятъ. — «А это, направо?» — «*Ослиныя уши*», — «Что-о?» «Почему это уши?» думалъ я, глядя на группу совершенно голыхъ, темныхъ каменьевъ: «да еще и ослиныя?» Но, должно-быть, я подумалъ это вслухъ, потому что кто-то подлѣ меня сказалъ: «оттого, что они торчмя высовываются изъ воды — вонъ видите?» — Вижу, да только это похоже и на шапку, и на ворота, и ни на что не похоже, всего менѣе на уши. Вѣдь говорятъ же, что Столовая гора похожа на столъ, а Львиная на льва: такъ почему жъ и эти камни не назвать такъ? А вонъ, правѣе, еще три камня: командиръ нашего транспорта, капитанъ Фуругельмъ, первый замѣтилъ ихъ. Они не показаны на картѣ, и вотъ у насъ отмѣчаютъ ихъ положеніе. Они видны нѣсколько правѣе отъ «Ушей», если идти изъ Японіи, какъ будто на второмъ планѣ картины. Кто предлагалъ назвать ихъ *Камнями Паллады*, кто *Тремя Стражами*, но они остались безъ названія.

Вѣтеръ сталъ свѣжѣть: убрали брамсели, и вскорѣ взяли

рифъ у марселей. Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, если бъ вы знали, особенно по Россіи! Ёдешь не торопясь, безъ срока, по своей надобности, съ хорошими спутниками; качки нѣтъ, хотя и тряско, но то не бѣда. Колокольчикъ заглушаетъ вѣтеръ. Въ холодную ночь спрячешься въ экипажѣ, утопешь въ перины, закроешься одѣяломъ — и знать ничего не хочешь. Утромъ поздно уже, переспавъ два раза срокъ, путешественникъ вдругъ освобождаетъ съ трудомъ голову изъ-подъ спуда подушекъ, вскакиваетъ, съ прической à l'imbécile, и дико озирается по сторонамъ, думая: «что это за деревья, откуда они взялись и зачѣмъ онъ самъ тутъ?» Очнувшись, шаритъ около себя, ища картуза, и видитъ, что въ него, вмѣсто головы, угодила нога, или ощупываетъ его подъ собой, а иногда и вовсе не находитъ. Потомъ пойдутъ вопросы: далеко ли отѣхали, скоро ли пріѣдутъ на станцію, какъ называется вонъ та деревня, что въ оврагѣ? Потомъ станція, чай, легкая утренняя дрожь, Теньеровскія картины; тамъ опять живая и разнообразная декорація лѣсовъ, пашепъ, дальнихъ селъ и деревень, пекущее солнце, оводы, недолгій жаръ, и снова станція, обѣдъ, привѣтливыя лица, да двугривенные; послѣ еще сонъ, наконецъ, знакомый шлагбаумъ, знакомая улица, знакомый домъ, а тамъ она, или онъ, или оно... Ахъ, гдѣ вы, милыя, знакомыя явленія? А здѣсь что такое? одной рукой пишу, другой держусь за переборку; бюро лѣзетъ на меня, я лѣзу на стѣну... До свиданія.

14-го. Вотъ и *Saddle-Islands*, гдѣ мы должны остановиться съ судами, чтобъ нейти въ Шанхай и тамъ не патннуться или на мель, или на англичанъ, если у насъ съ ними война. Мы еще ничего не знаемъ. Да съ большими судами и не дойдешь до Шанхая: рѣка Янсекиянь вся усыяна мелями: надо пароходъ и лоцмановъ. Есть въ Шанхаѣ и пароходъ, «Конфуцій», но онъ беретъ четыреста долларовъ за то, чтобъ ввезти судно въ Шанхай. Что сказать бы

добродѣтельный философъ, если бѣ предвидѣть, что его соименникъ будетъ драть по стольку съ приходящихъ судовъ? проклять бы пришельцовъ, конечно. А кто знаетъ: если бѣ у него были акціи на это предпріятіе, такъ, можетъ-быть, самъ бралъ бы вдвое. Здѣсь неизвѣрно дорогъ уголь: тоннъ стѣбитъ десять фунт. стерл., оттого и пароходъ беретъ дорого за буксиръ.

Saddle-Islands лежатъ миляхъ въ сорока отъ бара или устья Янсекияна, да рѣчкой еще миль сорокъ слишкомъ надо ѣхать, потомъ рѣчкой Восунгъ, Усунъ, или Woosung, какъ пишутъ англичане, а вы выговаривайте какъ хотите. Отецъ А., жившій въ Китаѣ, говоритъ, что надо говорить *Вусунъ*, что у китайцевъ нѣтъ звука г.

Saddle-Islands значить «Сѣдельные острова»: видно ужъ по этому, что тутъ хозяйничали англичане. Во время китайской войны, англійскія военныя суда тоже стояли здѣсь. Я вижу берегъ теперь изъ окна моей каюты: это цѣлая груша островковъ и камней, въ родѣ знаковъ препинанія; они и на картѣ показаны въ видѣ точекъ. Они бесплодны, какъ большая часть острововъ около Китая; вѣтры обнажаютъ берега. Впрочемъ, пишутъ, что здѣсь много устрицъ и—чего бы вы думали? нарцисовъ!

Сію минуту К. Н. П. вызвалъ меня посмотрѣть рыбачій флотъ. Я думалъ, что увижу десятка два рыбачьихъ лодокъ, и не хотѣлъ выходить: вообразите, мы насчитали до пятисотъ. Онѣ все стоятъ въ линію, на разстояніи около трехъ кабельтовыхъ отъ насъ, т.-е. около трехсотъ сажень — это налѣво. А справа видны острова, точно морскія чудовища, выставившія темные, безцвѣтные хребты: ни зелени, ни возвышенностей не видно; впрочемъ до нихъ еще будетъ миль 12. Я все смотрѣлъ на частоголъ китайскихъ лодокъ. Чтѣ они тамъ дѣлаютъ, эти рыбаки, а при случаѣ, можетъ-быть, и пираты, какъ большая часть живущихъ на островахъ китайцевъ? Падъ ими нѣтъ управл. Китайское пра-

вительство слишкомъ слабо, и безъ флота ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Англичанъ и другихъ, кто посильгѣе на морѣ, пираты не трогаютъ, слѣдовательно тѣмъ до нихъ дѣла нѣтъ. Даже говорятъ, что англичане употребляютъ ихъ для разныхъ послугъ. Зато небольшимъ купеческимъ судамъ отъ нихъ бѣда. Ихъ уличить трудно: если они одолбютъ корабль, то утопятъ всѣхъ людей до одного; а не одолбютъ, такъ быстро уйдутъ, и ихъ не сыщешь въ архипелагахъ этихъ морей. Впрочемъ они нападаютъ только тогда, когда надѣются навѣрное одолбѣть. Все затрудненіе поймать ихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ не одно ремесло. Сегодня они купцы, завтра рыболовы, а при всякомъ удобномъ случаѣ — разбойники. Наши моряки любятъ, какъ они ловко управляются на морѣ съ своими красными, бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море — ихъ стихія. Старшаго надъ ними, кажется, никого нѣтъ: сегодня они тамъ, завтра здѣсь, и всегда избѣгутъ всякаго правосудія. Народонаселеніе лѣзетъ изъ Китая врозь, какъ горьхъ изъ переполненнаго мѣшка, и распространяется во всѣ стороны, на всѣ окрестные и дальніе острова, до Явы съ одной стороны, до Калифорніи съ другой. Китайцевъ вездѣ много: они и купцы, и отличные мастеровые, и рабочіе. Я удивляюсь, какъ ихъ еще по-сюпору нѣтъ на мысѣ Доброй Надежды? Этому народу суждено играть большую роль въ торговлѣ, а можетъ-быть, и не въ одной торговлѣ.

Наше двухдневное плаваніе до сихъ поръ было хорошо. Въ среду мы снялись съ якоря, сегодня, въ субботу, уже подходимъ. Всего сдѣлали около 450 миль: это семьсотъ слишкомъ верстъ. Качка была, да не сильная, хотя вчера дулъ свѣжій вѣтеръ, ровный, рѣзкій и холодный. Волненіе небольшое, но злое, постоянное: какъ будто человекъ сердится, бранится горячо, и гнѣву его долго не придвидится конца. Фрегатъ шель. Накренясь на лѣвую сторону, и отъ

напряженія, слегка судорожно вздрагиваль: подъ ногами чувствуешь точно что-нибудь живое, какія-то натянутыя жилы, которыя ежеминутно готовы разорваться отъ усилія. Такъ замѣтно, особенно для ногъ, давленіе воздуха на мачты, паруса и на весь остовъ судна.

Сегодня встаемъ утромъ: теплѣе вчерашняго; идемъ на фордевиндъ, т.-е. вѣтеръ дуетъ прямо съ кормы; ходу пять узловъ и вѣтеръ умѣренный. — «Свистать всѣхъ наверхъ— на якорь становиться!» слышу давеча, и бѣгу на ютъ. Вотъ мы и на якорѣ. Но что за безотрадные скалы, какія дикія мѣста! ни кустика нѣтъ. Говорятъ, есть деревня тутъ: да гдѣ же? не видать ничего, кромѣ скаль.

16-го. Вчера наши уѣхали на шкунѣ въ Шанхай. Я не поѣхаль, надѣясь, что успѣю: мы здѣсь простоишь еще съ мѣсяць. Меня звали, но я не былъ готовъ, да пусть прежде узнаютъ, что за мѣсто этотъ Шанхай, гдѣ тамъ быть и что дѣлать? пускаютъ ли еще въ китайскій городъ? А если придется жить въ европейской факторіи и видѣть только ее, такъ не стоить труда и ѣздить: тѣ же англичане, тотъ же ростбифъ, тѣ же much obliged и thank you. А у китайцевъ суматоха, беспорядокъ. Инсургенты въ городѣ, войска стоятъ лагеремъ вокругъ: нѣтъ надежды увидѣть китайскій театръ, получить приглашеніе на китайскій обѣдъ, попробовать птичьихъ гнѣздъ. Хотъ бы подрались они при насъ между собою! Говорили, будто отсюда восемьдесятъ миль до Шанхаля, а выходитъ сто-пять, это сто-восемьдесятъ-четыре версты.

Наши съѣзжали сегодня на здѣшній берегъ, были въ деревнѣ у китайцевъ, хотѣли кушить рыбы, но тѣ сказали, что и настоящій, и будущій уловъ проданы. Не весело однако здѣсь. Впрочемъ давно не было весело: нашъ путь лежалъ или по англійскимъ портамъ, или у такихъ береговъ, на которые выйти нельзя, какъ въ Японіи, или не зачѣмъ, какъ здѣсь напримѣръ.

Наши однако не унываютъ, ѣздятъ на скалы гулять. Вчера даже съ корвета поѣхали на берегъ пить чай на травѣ, какъ, бывало, въ Россіи, въ березовой рощѣ. Только они взяли съ собой туда дровъ и воды: тамъ нѣту. Не правда ли, есть маленькая натяжка въ этомъ сельскомъ удовольствіи?

Въ морѣ. Пришло время каяться, что я не поѣхалъ въ Шанхай. Безыменная скала, у которой мы стали на якорь, защищаетъ насъ только отъ сѣверныхъ, но отнюдь не отъ южныхъ вѣтровъ. Сегодня вдругъ подулъ южный вѣтеръ, и барометръ сталъ падать. Скорѣй стали сниматься съ якоря и чрезъ часъ были въ морѣ, вдали отъ опасныхъ камней. Отважныя рыбацкія лодки тоже скрылись по бухтамъ. Мы, то лежимъ въ дрейфѣ, то лѣниво полземъ узелъ, два, впередъ, потомъ назадъ, ходимъ ощупью: тьма ужасная; дождь, какъ въ Петербургѣ, уныло и непрерывно льетъ, стуча въ кровлю моей каюты, т.-е. въ югъ. Но въ Петербургѣ есть ярко-освѣщенные залы, музыка, театръ, клубы — о дождѣ забудешь; а здѣсь есть скрипъ снастей, тусклый фонарь на гафель, да одни и тѣ же лица, тѣ же разговоры: зачѣмъ это не поѣхалъ я въ Шанхай!

Сегодня, 19-го, вѣтеръ бѣлкій гналъ насъ назадъ узломъ по девяти. Я не могъ уснуть всю ночь. Часовъ до четырехъ, по обыкновенію, писалъ, и только собрался лечь, какъ начали дѣлать поворотъ на другой галсъ: стали свистать, командовать; бизань-шкотъ и грота-брасъ идутъ чрезъ роульсы, привинченные къ самой крышкѣ моей каюты, и когда потянуть обѣ эти снасти, точно два экипажа ѣдутъ по самому черепу. Вѣтеръ между тѣмъ переѣнился, и мы пошли на свое мѣсто. Насъ догналъ корветъ; ночью жгли фальшфейеры. Часовъ въ восемь мы опять были въ желтыхъ струяхъ Янсекіана. Собственно до настоящаго устья будетъ миль сорокъ отсюда, но вода такъ быстра, что мы за нѣсколько миль еще до этихъ Saddle-Islands встрѣтили уже желтую воду.

Страшно подумать, что съ 5-го августа, т.-е. со дня прихода въ Японію, мы не были на берегу, исключая визита къ нагасакскому губернатору. Это ровно три мѣсяца. И когда сойдемъ, еще не знаю. Придетъ ли за нами шкуна сюда, или нѣтъ; буду ли я въ Шанхаѣ — неизвѣстно. Ходишь по палубѣ, слушаешь, особенно по вечерамъ, почти никогда не умолкающій здѣсь вой вѣтра. Слышишь и какіе-то, будто посторонніе, примѣшивающіеся тутъ же голоса, или мелькнеть въ глаза мгновенный блескъ, не то отдаленнаго пушечнаго выстрѣла, не то блуждающаго по горамъ огонька: или это только такъ, призраки, являющіеся въ тѣ мгновенія, когда въ организмъ есть ослабленіе, разстроенность... Корветъ сегодня, 21-го, только воротился изъ нашей коротенькой экспедиціи или побѣга отъ южнаго вѣтра.

22-го. Я еще не былъ здѣсь на берегу — не хочется, во-первыхъ, лазить по голымъ скаламъ, а во-вторыхъ, не въ чемъ: сапогъ нѣтъ, или, пожалуй, вонъ ихъ цѣлый рядъ, но ни одни нейдутъ на ногу. Кожа всего скорѣе портится въ морѣ; сначала она отсырѣетъ, заплѣсневѣетъ, потомъ сохнетъ въ жаркихъ климатахъ и рвется почти такъ же легко, какъ писчая бумага. Я совѣтую вамъ ѣхать въ дальній вояжъ безъ сапогъ, или въ тѣхъ только, которые будутъ на ногахъ; но возьмите съ собою побольше башмаковъ и ботинокъ... и то не нужно: вездѣ сдѣлаютъ вамъ. Теперь я ношу ботинки китайской работы, сдѣланные въ Гон-Конгѣ... Вотъ что значитъ скука - то: заговоришься а propos des bottes.

23-го. Еще съ утра вчера завидѣли шкуну; думали наша — нѣтъ: черезчуръ высокъ рангоутъ, а лавируетъ къ намъ. Капитанъ, О. Авв. и я, изъ окна капитанской каюты смотрѣли, какъ ее обливало со всѣхъ сторонъ водой, какъ ныряла она; хотѣла поворачивать, не поворачивала, наконецъ поворотила, и часовъ въ пять бросила якорь близъ фрегата. Мы никакъ не ожидали, чтобъ это касалось до насъ. На

шкунѣ были наши К. Н. П. и С. П. Ш.: они привезли изъ Шанхая зелень, живыхъ быковъ, куръ, утокъ, словомъ, свѣжую провизію и новости, но не свѣжія: отъ августа, а теперь ноябрь.

Въ Китаѣ митежъ; въ Россіи готовятся къ войнѣ съ Турціей. Частныхъ писемъ привезли всего два. Меня зовутъ въ Шанхай: опять раздумье беретъ, опять нерѣшительность— да какъ, да что? Холодъ и лѣнь одолѣли совѣмъ, особенно холодъ, и лѣнь тоже особенно. Вчера я спалъ у капитана въ каютѣ; у меня невозможно раздѣться; я пишу, а другую руку спрятавъ за жилетъ: ноги зябнуть.

Вотъ ужъ четвертый день реветъ крѣпкій NW; у насъ травятъ канатъ, шкуну взяли на бакштовъ, то-есть она держится за поданный съ фрегата канатъ, какъ дитя за платье няньки. Это американская шкуна; она, говорятъ, ходила къ южному полюсу, обогнула Горня. Ее зовутъ *Точкой*. Относительно къ океану, она меньше точки, или если точка, то математическая. Нельзя подумать, глядя на нее, чтобъ она была у Горна: большая лодка и всего 12 человекъ на ней, и со шкиперомъ. У ней изорвало вчера паруса, подмочило всю нашу провизію, куръ, утокъ, а одного быка совѣмъ унесло валомъ. Да и путешественники пришли на фрегатъ—точно изъ гостей отъ самого Нептуна.

Такъ и есть, какъ я думалъ: Шанхай запертъ, въ него нельзя попасть: инсургенты не пускаютъ. Они дрались съ войсками—наши видѣли. Надо ѣхать, развѣ потому только, что совѣстно быть въ полтораста верстахъ отъ китайскаго берега и не побывать на немъ. О войнѣ съ Турціей тоже не рѣшено, вмѣстѣ съ этимъ не рѣшено, останемся ли мы здѣсь еще мѣсяцъ, какъ прежде хотѣли, или сейчасъ пойдемъ въ Японію, несмотря на то, что у насъ нѣтъ сухарей.

Янсекиянь и Шанхай. Всѣ, кто хотѣлъ ѣхать, начали собираться, а я, по своему обыкновенію, продолжалъ колебаться, ѣхать или нѣтъ, и рѣшилъ не ѣхать. Утромъ пред-

полагали отправиться въ восемь часовъ. Я всталъ въ шесть и—поѣхалъ. Погода была порядочная, волненіе умѣренное, для фрегата вовсе незамѣтное, но для маленькой шкуны чувствительное. Я осмотрѣлся на шкунѣ: какая перемяна послѣ фрегата! Тамъ не знаешь, что дѣлается на другомъ концѣ, но нѣскольку дней съ инымъ и не увидишься; во всемъ порядокъ, чистота. Здѣсь ѣдешь, какъ въ лодкѣ. Палуба завалена всякой дрянью; отъ мачты и парусовъ негдѣ повернуться; черно, грязно, скользко, ноги прилипаютъ къ палубѣ. Шкиперъ шкуны, англійскій матросъ, служившій прежде на купеческихъ судахъ, нанятъ хозяиномъ шкуны, за 25 долларовъ въ мѣсяць, ходитъ по окрестнымъ мѣстамъ для разныхъ надобностей. На рулѣ сидѣлъ малаецъ, въ чалмѣ; матросы всѣ китайцы.

Насъ было человекъ десять: тѣснота такая, что почти проходу не было. Кромѣ офицеровъ, гг. Посьета, Назимова, Кроуна, Бѣлавенца, Болтина, Овсянникова, кн. Урусова, да насъ троицхъ, не офицеровъ, о. Аввакума, О. А. Гошкевича и меня, ѣхали пятеро нашихъ матросовъ, мастеровыхъ, дѣлать разныя починки на шкунѣ «Востокъ». П., пріѣхавшій на этой шкунѣ, ужъ зналъ, что ни шкиперъ, несмотря на свое званіе матроса, да еще англійскаго, ни команда его, не имѣли почти никакого понятія объ управленіи судномъ. Рулевой, сидя на кожаной скамеечкѣ, правилъ рулемъ, какъ попало. Онъ очень объ этомъ не заботился: безпрестанно качалъ ногой, набивалъ трубку, выкуривалъ, выколачивалъ тутъ же, на палубу, и опять набивалъ. На компасъ онъ и вниманія не обращалъ; да и стекло у компаса такъ занесло пылью, плѣсенью и всякой дрянью, что ничего не видно на немъ.

Шкиперъ немного больше заботился о суднѣ. Это былъ маленькій, худощавый человекъ, въ байковой курткѣ и суконной шапкѣ, похожей на ночной чепчикъ. Онъ вынесъ изодранную карту Чусанскаго архипелага и острововъ Сэддль,

положилъ ее на крышку люка, а самъ сжался отъ холода въ комокъ и сталъ незамѣтень, точно пропалъ съ глазъ долой. Положивъ ногу на ногу и спрятавъ руки въ рукава, онъ жевалъ табакъ и по временамъ открывалъ ротъ... что за ротъ! не обращая ни на что вниманія. Его безпрестанно побуждали офицеры, напоминали ему о вѣтрѣ, о теченіи. Онъ крикнетъ что-нибудь на полу-англійскомъ, полу-китайскомъ языкѣ и опять пропадетъ. Рулевой правилъ наудачу; китайскіе матросы, сѣвъ на носу въ кружокъ, съ неопшанымъ проворствомъ ѣли двумя палочками рисъ.

Наши офицеры, видя, что съ ними не далеко уѣдешь, принялись хозяйничать сами. Одинъ оттолкнулъ рулевого, который давалъ шкунѣ *рыскать*, и началъ править самъ, другой смотрѣлъ на карту. Наши матросы замѣнили китайцевъ, тянули и отдавали по командѣ снасти, сдѣланные изъ травы и скрипѣвшія, какъ ѣдущій по снѣгу обозъ. Вѣтеръ, къ счастью, былъ попутный, теченіе тоже; мы шли узловъ семь слишкомъ. Вотъ уже миновали знаки препинанія, т.-е. Сѣдельные острова. Вдали, налѣво, виденъ былъ, имѣющій форму купола, островокъ Гуцлава, названный такъ въ честь знаменитаго миссіонера Гуцлава.

Какъ ни холодно, ни тѣсно было намъ, но и это путешествіе, съ маленькими лишеніями и неудобствами, имѣло свою занимательность, можетъ-быть, потому, что вносило хоть немного разнообразія въ наши монотонные дни.

Посидѣвъ на палубѣ, мы ушли внизъ и завладѣли каютой шкипера. Она состояла изъ двухъ чуланчиковъ, въ родѣ норъ, и, по чернотѣ и безпорядку, походила въ самомъ дѣлѣ на какой-то лисятникъ. Всего болѣе мучилъ меня запахъ проклятаго растительнаго масла, употребляемаго китайцами въ пищу; запахъ этотъ преслѣдовалъ меня съ Явы: тамъ я почувалъ его въ первый разъ, въ китайской лавчонкѣ, и съ той минуты возненавидѣлъ. Въ Сингапурѣ и въ Гол-Конгѣ онъ смѣшивался съ запахомъ чесноку и сандалнаго

дерева и былъ еще противнѣе: въ Японіи я три мѣсяца его не чувствовалъ, а теперь вотъ опять! Оглядываюсь, чтобъ узнать, откуда пахнетъ—и ничего не вижу: на лавкѣ валяется только дождевая кожаная куртка, вѣроятно, хозяйская. Я отворилъ все шкапчики, поставцы: тамъ чашки, чай—больше ничего нѣтъ, а такъ и разить!

Мы въ крошечной каютѣ сидѣли чуть не на колѣняхъ другъ у друга, а всего шесть человѣкъ, четверо остались наверху. Къ завтраку придутъ и они. Куда дѣнешься? Только стали звать матроса вынуть наши запасы, какъ и остальные стали сходитьсь. Вонъ показались изъ люка чьи-то ноги, долго опускались, наконецъ, появилось и все прочее, послѣ всего лицо. Потомъ другія ноги, и такъ далѣе. Я сначала, какъ заглянулъ съ палубы въ люкъ, не могъ постигнуть, какъ сходить въ каюту: въ трапѣ недоставало двухъ верхнихъ ступеней и потому надо было прежде сѣсть на порогъ или «картинсы», и спускать ноги внизъ, ощупью отыскивая ступеньку, потомъ, держась за веревку, рискнуть прыгнуть такъ, чтобъ попасть ногой прямо на третью ступеньку. Выходить надо было на рукахъ, это значитъ выскакивать, т.-е. упереться локтями о края люка, прыгнуть и стать сначала колѣнями на окраину, а потомъ уже на ноги. Вообще сходить въ каюту надо было съ рискомъ. Однакожъ, къ завтраку и къ ужину все рискнули сойти. Отъ обѣда воздержались: его не было.

Кому не случалось обѣдать на травѣ, за городомъ, или въ дорогѣ? Помните, какъ, изъ кулечковъ, корзины и коробокъ, вынимались ножи, вилки, хлѣбъ, жаренныя пидѣйки, пироги? Миѣ даже показалось, что тутъ подали тѣ же три стакана и двѣ рюмки, которые я будто ужъ видалъ гдѣ-то въ подобныхъ случаяхъ. Вилка тоже, съ переломленнымъ среднимъ зубцомъ, подозрительна: она махнула сюда откуда-нибудь изъ-подъ Москвы, или изъ Нижняго. Вонъ соль въ бумажкѣ; есть у насъ ветчина, да горчицу забыли. Вообще

туть, кажется, отрѣшаются отъ всякихъ правилъ, наблюдаемыхъ въ другое время. Одинъ торопится доѣсть утиное крылышко, чтобъ успѣть взять пирога, который исчезаетъ съ невѣроятною быстротою. А другой, перебирая вилкой остальные куски, ропщетъ, что любимыя его крылышки улетѣли. Кто начинаетъ только завтракать, кто пьетъ чай; а этотъ, ожидая, когда удастся, за толпой, подойти къ столу и взять чего-нибудь посущественнѣе, сосетъ пока попавшійся подъ-руку апельсинъ; а кто-нибудь обогналъ всѣхъ и эгонстически куритъ сигару. Двѣ собаки, привлеченныя запахомъ жаркого, смотрятъ сверху въ люкъ и жадно вырываютъ изъ рукъ поданную кость. Ничего, все было бы сносно, если бъ не отравляющій запахъ китайскаго масла! Мнѣ просто дурно; я ушелъ наверхъ.

Одинъ только О. А. Г. не участвовалъ въ завтракѣ, который, по простотѣ своей, былъ достоинъ троянской эпохи. Онъ занятъ другимъ: томится морской болѣзнью. Онъ лежитъ наверху, закутавшись въ шинель, и чуть пошевелится, собаки, не выдавшія никогда шинели, съ яростью лаютъ.

Но вотъ, наконецъ, выбрался изъ архипелага островковъ и камней, прошли и Гудцавъ. Тутъ, въ открытомъ океанѣ, стало сильно покачивать: вода не разъ плескала на палубу. Пошелъ мелкій дождь. Шкиперъ надѣлъ свою дождевую куртку и — вдругъ около него разлился запахъ противнаго масла. Ахъ, если бъ я прежде зналъ, что это отъ куртки!.. Вода все желтѣе и желтѣе. Вскорѣ вошли за баръ, т.-е. за черту океана, и вошли въ рѣку. Я «выскочилъ» изъ каюты посмотрѣть берега. — «Да гдѣ жъ они?» — «Да береговъ нѣтъ». — «Вѣдь это рѣка?» — «Рѣка». — «Янсекиянтъ?» — «Да, «сынъ океана» по-китайски». — «А берега?..» — «Вонъ, вонъ», говоритъ шкиперъ. Смотрю — ничего нѣтъ.

Наконецъ, показалась полоса съ лѣвой стороны, а съ правой вода — и только: праваго берега не видать вовсе. Лѣвый сталъ обозначаться яснѣе. Онъ такъ низменъ, что

едва возвышается надъ горизонтомъ воды и состоитъ изъ сѣрой глины, весь защищенъ плотинами, изъ-за которыхъ видны кровли, съ загнутыми уголками, и рѣдкія деревья, да борозды полей, и то ужъ ближе къ Шанхаю, а до тѣхъ поръ кругозоръ ограничивается едва замѣтной темной каймой. Вправо остался островокъ. Я спросилъ у шкипера названіе, но онъ пролаялъ мнѣ глухіе звуки, безъ согласныхъ. Пробовалъ я разсмотрѣть на картѣ, но тамъ, кромѣ чертежа острововъ, были какія-то постороннія пятна, покрывающія оба берега. Потомъ ничего не стало видно: сумерки скрыли все, и мы начали пробираться по «сыну океана» ощупью. Два китайца безпрестанно бросали лотъ. Одинъ кричалъ: *three and half*, потомъ *half and four*, и такъ разнообразилъ крикъ все время. Наши слѣдили карту, повѣряя по ней глубину. Глубина безпрестанно измѣнялась, отъ 8 до 3¹/₂ сажень. Какъ только доходило до послѣдней цифры, шкиперъ немного выходилъ изъ алатіи и иногда самъ брался за руль.

Нашимъ мелкимъ судамъ трудно входить сюда, а фрегату невозможно, развѣ съ помощью сильнаго парохода. Фрегатъ сидитъ 23 фута; фарватеръ Янсекіяна и впадающей въ него рѣчки Вусунъ, на которой лежитъ Шанхай, имѣетъ самую большую глубину 24 фута, и при томъ онъ чрезвычайно узокъ. Недалеко оставалось до *Woosung* (Вусуна), мѣстечка при впаденіи рѣчки того же имени въ Янсекіянь.

У Вусуна обыкновенно останавливаются суда съ опіумомъ и отсюда отправляютъ свой товаръ на лодкахъ въ Шанхай, Нанкинъ и другіе города. Становилось все темнѣе; мы шли осторожно. Погода была пасмурная. «Зарево!» сказалъ кто-то. Въ самомъ дѣлѣ, налѣво, надъ горизонтомъ, рѣло багровое пятно и дѣлалось все больше и ярче. Вскорѣ можно было различить пламя и вспыхки—отъ выстрѣловъ. Въ Шанхаѣ — сраженіе и пожаръ, нѣтъ сомнѣнія! Это помогло намъ опредѣлить свое мѣсто.

Наконецъ, при свѣтѣ зари, какъ при огненномъ столпѣ израильтянъ, мы, часовъ въ восемь вечера, завидѣли силуэты судовъ, различили нашъ транспортъ и стали саженихъ въ пятидесяти отъ него на якорь. Китайцы, съ помощью нашихъ матросовъ, проворно убрали паруса и принялись за ристъ, а мы за своихъ утокъ и чай. Нѣкоторые уѣхали па транспортъ. Дремлется. Шкиперъ сошелъ внизъ пить чай и рассказывалъ о своей шкунѣ, откуда она, гдѣ она была. Между прочимъ онъ сказалъ, что вмѣстѣ съ этой шкуной выстроена была и другая, точно такая же, ея «sistership», какъ онъ выразился, но что та погибла въ океанѣ и съ людьми. Потомъ рассказывалъ, какъ эта удѣлѣвшая шкуна отразила нападеніе пиратовъ, потомъ еще что-то. Я, пробуждаясь отъ дремоты, видѣлъ только—то вдаль, то вблизи, какъ въ туманѣ — суконный ночной чепчикъ, худошавое лицо, оловянные глаза, масляную куртку, еще косу входившаго китайца-слуги, да чувствовалъ запахъ противнаго масла. На лавкѣ, однакожь, дремать не удобно; хозяинъ предложилъ размѣститься по нишамъ, и между прочимъ на его постели, которая тутъ же была, въ нишѣ, или, лучше сказать, на полкѣ. Изъ другой комнаты, или вѣрнѣе — чулана, слышалось храпѣнье. Тамъ, на такихъ же полкахъ, уже успѣли расположиться по-двое, да двое на лавкахъ. Это былъ маленькій арсеналъ: вся противоположная двери стѣна убрана была ружьями, пиками и саблями. А утромъ хозяинъ снялъ съ полки пару пистолеговъ, вынесъ ихъ наверхъ и выстрѣлилъ на воздухъ, изъ предосторожности. — «Зачѣмъ это оружіе у васъ?» спросилъ я, указывая на пики, сабли и ружья. — «Это еще старое», сказалъ онъ: «я засталъ его тутъ. Въ здѣшнихъ моряхъ иначе плавать нельзя».

Я какъ былъ въ теплое пальто, такъ и влѣзъ на хозяйскую постель и легъ въ уголокъ, оставляя мѣсто кому-нибудь изъ товарищей, поѣхавшихъ на транспортъ. Не знаю,

что бы вы сказали, глядя, гдѣ и какъ мы улеглись. Вообразите себѣ большой сундукъ, у котораго вынуть одинъ бокъ—это наше ложе, для двоихъ. Я тотчасъ же заснулъ, лишь только легъ. Ночью, слышу, кто-то сильно возится подлѣ меня, повидимому, укладывается спать. Это А. Е. К., возвратившійся съ транспорта. Все замолчало, и мы заснули. Я проснулся потомъ отъ сильной духоты и запаха масла. Ахъ, хоть бы минуту дохнуть свѣжимъ воздухомъ! Я попробовалъ освободиться—нѣтъ возможности: мой сосѣдъ лежитъ, какъ гранитный камень, и не шелохнется, какъ я ни толкать его въ бока: онъ совсѣмъ заперъ мнѣ выходъ. Я думалъ, какъ мнѣ поступить—и заснулъ. Просыпаюсь—утро, свѣтло; мы движемся. Китаецъ ставитъ чашки на столъ; матрость принесъ горячей воды.

Пасмурно и вѣтрено; мороситъ дождь; вѣтеръ сильный. Мы идемъ по рѣкѣ Вусуну; она широка, мѣстами съ нашу Оку. Ясно видимъ оба берега, низменные, закрытые плотинами: за плотинами группируются дома, кое-гдѣ видны кумирни, или вообще зданія, имѣющія особенное назначеніе; они выше и наряднѣе прочихъ. Поля всѣ обработаны; хотя хлѣбъ и овощи сняты, но узоръ правильныхъ нивъ красивъ, какъ разрисованный паркетъ. Есть деревья, но рѣдко, и зелени мало на нихъ; мнѣ казалось, что это ивы. Вдали ничего нѣтъ: ни горы, ни холма, ни бугра—плоская и, казалось, тонкая долина.

Ближе къ Шанхаю рѣка замѣтно оживлялась: безпрестанно встрѣчались джонки, съ своими, краснобурого цвѣта, парусами, изъ какихъ-то древесныхъ волоконъ и коры. Китайскія джонки устройствомъ похожи немного на японскія, только у нихъ нѣтъ разлѣзной кормы. У нѣкоторыхъ китайскихъ лодокъ носъ и корма пустыя, а посрединѣ сдѣланъ навѣсъ и каюта; у другихъ, напротивъ, навѣсъ сдѣланъ на носу. Большія лодки выстроены изъ темножелтаго бамбуковаго корня, покрыты щиповками и очень чисты, удобны и

красивы, отдѣланы какъ мебель, или игрушки. Багры, которыми они управляются, и весла бамбуковыя же. Между прочимъ много идетъ на эти постройки камфарнаго дерева: оно не щепится. Его много въ Китаѣ и въ Японіи, но особенно на Зондскихъ островахъ.

Лодки эти превосходны въ морскомъ отношеніи: на нихъ одна длинная мачта съ длиннымъ парусомъ. Борты лодки, при боковомъ вѣтрѣ, идутъ наравнѣ съ линіей воды и носъ зарывается въ волнахъ, но лодка держится, какъ утка; китаецъ лежитъ и беззаботно смотритъ вокругъ. На этихъ большихъ лодкахъ рыбаки выходятъ въ море, дѣлая значительные переходы. Отъ Шанхая они ходятъ въ Ниппо, съ товарами и пассажирами, а это составляетъ, кажется, сто сорокъ морскихъ миль, т.-е. около двухсотъ пятидесяти верстъ.

Мили за три отъ Шанхая, мы увидѣли цѣлый флотъ купеческихъ трехмачтовыхъ судовъ, которыя тѣснились у обоихъ береговъ Вусуна. Я насчиталъ до двадцати рядовъ, по девяти и десяти судовъ въ каждомъ ряду. Въ иныхъ мѣстахъ стояли на якорѣ американскіе, такъ-называемые «клиппера», т.-е. большія, трехмачтовыя суда, съ острымъ носомъ и кормой, отличающіяся красотою и быстрымъ ходомъ.

Съ полудни начался отливъ: теченіе было намъ противное, вѣтеръ тоже. Крѣпкій NW дулъ прямо въ лобъ. Шкиперъ началъ лавировать. Мы все стояли наверху. Паруса безпрестанно переносили, то на правый, то на лѣвый галсъ. Надо было каждый разъ нагибаться, чтобъ парусомъ не сшибло съ ногъ. Шкуна возьметъ вдругъ направо и лѣзетъ почти на самый берегъ, того и гляди коснется его: но шкиперъ издастъ гортанный звукъ, китайцы, а болѣе наши люди, кидаются къ снастямъ, отдають ихъ, и освобожденные на минуту паруса хлещутъ, бьются о мачты, рвутся изъ рукъ, потомъ ихъ усмиряють, кричатъ: «берегись!» мы на-

гнемся, паруса переносятъ налѣво, и шкуна быстро поворачиваетъ. Минуть черезъ десять начинается то же самое. Мокро, скользко; переходя торопливо со стороны на сторону, того и гляди слетишь въ люкъ. Мы сдѣлали уже около десяти поворотовъ.

Вонъ и Шанхай виденъ. Суда и джонки, прекрасныя европейскія зданія, раззолоченная кумирня, протестантскія церкви, сады—все это толпится еще неясной кучей, безъ всякой перспективы, какъ будто церковь стоитъ на водѣ, а корабль на улицѣ. Нетерпѣнныя наше усилилось: хотѣлось переодѣться, согрѣться, гулять. Идти бы прямо, а мы еще все направо, да налѣво. Вдругъ—о горе! не поворотили въ-время—и шкуну потащило теченіемъ назадъ, прямо на огромную, неуклюжую, пеструю джонку: едва-едва отдѣлались и опять пошли лавировать. Вѣтеръ неистово свищетъ; дождь сѣчетъ лицо.

Наконецъ, слава Богу, вошли почти въ городъ. Вотъ подходимъ къ пристани, къ доку, видимъ уже трубу нашей шкуны; китайскіе янки спуютъ взадъ и впередъ. Въ кучѣ судовъ видны клипера, поодаль стоитъ, закрытый излучиной, маленькій, двадцати-шести пушечный англійскій фрегатъ *Spartan*, еще далѣе французскіе и англійскіе пароходы. На зданіяхъ развѣваются флаги европейскихъ націй, обозначая консульскіе дома.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на все: я искалъ глазами Китая, и шкиперъ искалъ кого-то съ нами вмѣстѣ.—«Берегъ очень близко, не пора ли поворачивать?» съ живостью кто-то сказалъ изъ нашихъ. Шкиперъ схватился за руль, крикнулъ—мы быстро нагнулись, паруса перенесли на другую сторону, но шкуна не поворачивала; вѣтеръ ударилъ сильно—она все стоитъ: мы были на мели.—«Отдай шкоты!» закричали офицеры нашимъ матросамъ. Отдали, и шкуна, располагавшая лечь на бокъ, выпрямилась, но съ мели уже не сходила.

Шкиперъ сложилъ погу на погу, засунулъ руки въ рукава и покойно сѣлъ на лавочку, поглядывая во все стороны. Китайцы проворно убрали паруса, наши матросы ловили разорвавшійся кливеръ, который хлесталъ по бушприту. На насъ, кажется, насмѣшливо смотрѣли прочія суда и джонки. Совершенно то же самое, какъ сломавшаяся среди непроходимой грязи ось: карета передками упирается въ грязь, сломанное колесо лежитъ возлѣ, кучка извозчиковъ равнодушно и тупо глядитъ, то на колесо, то на васъ. Вы сидите, а мимо васъ идутъ и скачутъ: нные усмѣхнутся, глядя, какъ вы уныло выглядываете изъ окна кареты, другіе посмотрятъ съ любопытствомъ, а бѣльшая часть очень равнодушно—и все обгоняютъ. Точно то же и на мели. Надо было достать лодку. Онѣ вдаль ходили взадъ и впередъ, перевозя черезъ рѣку, но на насъ мало обращали вниманія. Выручилъ В. А. Корсаковъ: онъ изъ дока замѣтилъ насъ и тотчасъ же прѣхалъ. Насъ двое отравились съ нимъ, прочіе остались съ вещами, въ ожиданіи, пока мы пришлемъ за ними лодку.

Подъ проливнымъ дождемъ, при рѣзкомъ, холодномъ вѣтрѣ, въ маленькой, крытой китайской лодкѣ, выточенной чисто, какъ игрушка, съ украшениями изъ бамбука, усталой бѣлыми цыновками, ѣхали мы по рѣкѣ Вусуну. Китаецъ правилъ стоя, однимъ весломъ; онъ съ трудомъ выгребалъ противъ вѣтра и теченія. К. показывалъ мнѣ иностранныя суда: французскіе и англійскіе пароходы, потомъ купленный китайцами европейскій бригъ, которымъ командовалъ англійскій шкиперъ, т.-е. дѣйствовалъ только парусами, а въ сраженіяхъ съ инсургентами не участвовалъ. Потомъ ѣхали мы мимо военныхъ джонокъ, назначенныхъ противъ инсурентовъ же. Съ нихъ поднялась пальба: китайскій адмиралъ дѣлалъ ученье. Тутъ я услышалъ, что во вчерашнемъ сраженіи двѣ джонки взорваны на воздухъ. Китайцы дѣйствуютъ, между прочимъ, такъ-называемыми

вонючими горшками (stinkpots). Они съ марсовъ бросаютъ эти горшки, наполненные какими-то особенными горючими составами, на палубу непріятельскихъ судовъ. Вырывающіеся изъ горшковъ газы такъ удушливы, что люди ни минуты не могутъ выдержать и бросаются за бортъ. Китайскіе пираты съ этими же горшками нападаютъ на купеческія, даже на военныя суда.

Чрезъ полчаса мы сидѣли въ чистой комнатѣ отеля, у камина, за столомъ, уставленнымъ, по англійскому обычаю, множествомъ блюдъ. Спутники, уѣхавшіе прежде насъ въ Шанхай, не очень, однакожъ, обрадовались намъ. — «Васъ много наѣхало?» вмѣсто всякаго привѣтствія встрѣтили они насъ. — «Да мы еще не всѣ: черезъ часъ придутъ человѣкъ шесть!» въ свою очередь, не безъ удовольствія, отвѣчали мы. «А что?» — «Куда жъ вы помѣститесь? комната нѣтъ, всѣ разобраны: мы живемъ по-двое и даже по-трое». — «Ничего», отвѣчали мы: «поживемъ и вчетверомъ». — Такъ и случилось. Хозяинъ, съ наружнымъ отчаяніемъ, но съ внутреннимъ удовольствіемъ, твердилъ: — «домъ мой приступомъ взяли» и началъ бѣгать, суетиться. Откуда явились кушетки, диваны, подушки? Номера гостиницы, и безъ того похожіе на бивуаки, стали походять на контору дилижансовъ.

Гостиница наша, Commercial house, походила, какъ и всѣ дома въ Шанхай, на дачу. Большой, двухъэтажный каменный домъ, съ каменной же верандой или галлереей вокругъ, съ большимъ широкимъ крыльцомъ, окруженъ садомъ, изъ тощихъ миртовыхъ, кипарисныхъ деревьевъ, разныхъ кустовъ и т. п. Окна всѣ съ жалюзи: видно, что, при постройкѣ, принимали въ расчетъ болѣе лѣто, нежели зиму. Стѣны тоненькія, не болѣе какъ въ два кирпича; окна большія; вездѣ сквозной вѣтеръ: все неплотно. Домъ трясется, когда одинъ человѣкъ идетъ по комнатѣ; черезъ стѣнки слышешь разговоръ. Но когда мы пріѣхали, было холодно;

мы жались къ камнямъ, а изъ нихъ такъ и валилъ черный, горькій дымъ.

Вообще зима какъ-то не къ лицу здѣшнимъ мѣстамъ, какъ не къ лицу нашей родинѣ лѣто. Небо голубое, съ тропическимъ колоритомъ, такъ и мѣтеть надъ головой; зелень свѣжа; многіе цвѣты ни за что не соглашаются завянуть. И всего продолжается холодъ одинъ какой-нибудь мѣсяць, много — шесть недѣль. Зима не успѣваетъ воцариться и, ничего не сдѣлавъ, уходитъ.

Цѣлый вечеръ просидѣли мы всѣ вмѣстѣ дома, разговаривали о европейскихъ новостяхъ, о вчерашнемъ пожарѣ, о лагерѣ осаждающихъ, о ихъ неудачномъ покушеніи наканунѣ сжечь городъ, объ осажденныхъ инсургентахъ, о правителѣ шанхайскаго округа, таутаѣ Самква, который былъ въ немилости у двора и которому обѣцано прощеніе, если онъ овладѣетъ городомъ. Въ тотъ же вечеръ мы слышали пушечные выстрѣлы, которые повторялись очень часто: это перестрѣлка императорскихъ войскъ съ инсургентами, безвредная для послѣднихъ и безнолезная для первыхъ.

На другой день, $\frac{23 \text{ ноября}}{10 \text{ декабря}}$ утромъ, встали и пошли... обѣдать. Вы не повѣрите? Какъ же иначе назвать? Въ столовой накрытъ столъ челоуѣкъ на двадцать. Передъ однимъ дымится кусокъ ростбифа, передъ другимъ стоитъ яичница съ ветчиной, тамъ сосиски, жареная баранина; послѣ всего ужъ подадутъ вамъ чаю. Это англичане называютъ завтракать. Позавтракаешь — и хоть опять ложиться спать. «Да чай это, или кофе?» спрашиваю китайца, который принесъ мнѣ чашку. «Tea or coffee», бессмысленно повторяетъ онъ. «Tea, tea», забормоталъ потомъ, понявши. «Не можетъ быть: отчего же онъ такой черный?» Попробовалъ — въ самомъ дѣлѣ та же микстура, которую я, подъ видомъ чая, принималъ въ Лондонѣ, потомъ въ Калштатѣ. Тамъ простительно: а въ Китаѣ — такой чай, заваренный и поданный китайцемъ!

Что жъ, нѣту, что ли, въ Шанхаѣ хорошаго чая? Какъ не быть! Здѣсь есть всякій чай, какой только родится въ Китаѣ. Все дѣло въ словѣ *хорошій*. Мы называемъ «хорошимъ» нѣжные, душистые цвѣточные чаи. Не для всякаго носа и языка доступенъ аромать и букетъ этого чая: онъ слишкомъ тонокъ. Эти чаи называются здѣсь *Пекое* (Рекое flower). Англичане хорошимъ чаемъ, да просто чаемъ (у нихъ онъ одинъ) называютъ особый сортъ грубаго, чернаго, или смѣсь его съ зеленымъ, смѣсь очень наркотическую, которая даетъ себя чувствовать потребителю, язвить языкъ и нѣбо во рту, какъ почти все, что англичане ѣдятъ и пьютъ. Они готовы приправлять свои кушанья щетиной, лишь бы чесало горло. И отъ чая требуютъ того же, чего отъ индѣйскихъ сои и перцовъ, т. е. чего-то въ родѣ яда. Они клеветуютъ еще на насъ, что мы пьемъ не чай, а какіе-то цвѣты, въ родѣ жасминовъ.

Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане въ дѣлѣ гастрономіи—не авторитетъ. Замѣчу только, что нѣкоторые любители въ Китаѣ дѣйствительно подбавляютъ себѣ въ чай цвѣты, или какія-нибудь душистыя спеціи; въ Японіи кладутъ иногда гвоздику. Кажется, о. Іоакимъ тоже говоритъ о подобной противозаконной подмѣси, которую допускаютъ китайцы, кладя въ черный чай жасминные, а въ желтый розовые листки. Но это ужъ извращенный вкусъ самихъ китайцевъ, слѣдствіе пресыщенія. Есть и у насъ люди, которые нюхаютъ табакъ съ бергамотомъ или резедой, ѣдятъ селедку съ черносливомъ и т. п. Англичане пьютъ свой черный чай и знать не хотятъ, что чай имѣетъ свои бѣлыя цвѣты.

У насъ употребленіе чая составляетъ самостоятельную, необходимую потребность; у англичанъ, напротивъ, побочную, дополненіе завтрака, почти какъ пищеварительную приправу; оттого имъ все равно, похожъ ли чай на портеръ, на черешашій супъ, лишь бы былъ черенъ, густъ,

щипаль языкъ и не походилъ ни на какой другой чай. Американцы пьютъ одинъ зеленый чай, безъ всякой примѣси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смѣются, что мы пьемъ, подъ названіемъ чая, какой-то приторный напитокъ. Китайцы сами, я видѣлъ, пьютъ простой, грубый чай, т. е. простые китайцы, народъ, а въ Пекинѣ, какъ мнѣ сказывалъ О. А., порядочные люди пьютъ только желтый чай, разумѣется, безъ сахара. Но я—русскій человекъ и принадлежу къ огромному числу потребителей, населяющихъ пространство отъ Кяхты до Финскаго залива— я за пекое: будемъ пить *не съ цвѣтами*, а *цвѣточный* чай, и подождемъ, пока англичане выработаютъ свое чутье и вкусъ до способности наслаждаться чаемъ Pekoe flower, и притомъ заваривать, а не варить его, по своему обычаю, какъ капусту.

Впрочемъ, всѣмъ другимъ націямъ простительно не умѣть наслаждаться хорошимъ чаемъ: надо знать, что значить чашка чаю, когда войдешь, въ трескучій, тридцати-градусный морозъ, въ теплую комнату, и сядешь около самовара, чтобъ оцѣнить достоинство чая. Съ какимъ наслажденіемъ пили мы чай, который привезъ намъ въ Нагасаки капитанъ Фуругельмъ! Ящикъ стоитъ 16 испанскихъ талеровъ; въ немъ около 70 русскихъ фунтовъ; и какой чай! У насъ онъ продается не менѣе 5 руб. сер. за фунтъ.

Послѣ обѣда... виновать, послѣ завтрака, мы вышли на улицу: наша отель стояла на углу, на перекресткѣ. Прямо изъ воротъ тянется улица безъ домовъ, только съ безконечными каменными заборами, изъ-за которыхъ выглядываетъ зелень. Направо такая же улица, налѣво — тоже, и всѣ одинакія. Дома всѣ окружены дворами, и большею частью красивые; архитектура у всѣхъ почти одна и та же: все стиль загородныхъ домовъ. Я пошелъ сначала къ А. по службѣ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него сдѣлать большую прогулку. Улицы нестрѣли народомъ. Рѣдко встрѣтишь евро-

пейца; они всё наперечетъ здѣсь. Все азіятцы, индійцы, кучками ходятъ *парси* или *фарси*, съ индійскаго полуострова или изъ Тибета. Они играютъ здѣсь роль псовъ, питающихся крупичами, падающими отъ трапезы богатыхъ, т. е. промышленяютъ мелочами, которыя европейцы не считаютъ достойными вниманія. Этихъ парси, да чуть ли не тѣхъ самыхъ, мы видѣли уже въ Сингапурѣ. Они ходятъ въ длинномъ платьѣ, похожемъ на костюмы московскихъ грековъ; на головѣ что-то въ родѣ узенькаго кокошника, изъ цвѣтного, лоснящагося ситца, похожаго на клеенку. Они сильно напоминаютъ армянь.

Китайцы—живой и дѣятельный народъ: безъ дѣла почти никого не увидишь. Шумъ, суматоха, движеніе, крики и говоръ. На каждомъ шагу попадаются носильщики. Они бѣглымъ и крупнымъ шагомъ таскаютъ ноши, издавая мѣрные крики и выстукая въ тактъ. Здѣсь народъ не похожъ на тотъ, что мы видѣли въ Гон-Конгѣ и въ Сингапурѣ: онъ смиренъ, скромнъ и очень опрятенъ. Всѣ мужчины и бабы одѣты чисто, и запаховъ разныхъ меньше по улицамъ, нежели въ Гон-Конгѣ, исключая, однакожъ, рынковъ. Несетъ ли, напримѣръ, носильщикъ груду кирпичей, они лежатъ не непосредственно на плечѣ, какъ у нашего каменщика; рубашка, или кафтанъ его, не въ грязи отъ этого. У него на плечахъ лежитъ бамбуковое коромысло, которое держитъ двѣ дощечки, въ видѣ вѣсовъ, и на дощечкахъ лежатъ двѣ кучи красиво сложенныхъ сѣрыхъ кирпичей. Съ нимъ не страшно встрѣтиться. Онъ не толкнетъ васъ, а предупредить мѣрнымъ своимъ крикомъ, и если вы не слышите, или не хотите дать ему дороги, онъ остановится и уступить ее вамъ. Все это чисто, даже картинно: и бамбукъ, и самые кирпичи, костюмъ носильщика, коса его и легко надѣтая шапочка изъ сѣраго тонкаго войлока, отороченная лентой, или бархатомъ. Заглянешь въ яликъ, къ перевозчику: любо посмотреть, тянетъ сѣсть туда. Дерево лакировано — это

бамбуковый корень: навѣсь и лавки покрыты чистыми циновками. Если тутъ и есть какая-нибудь утварь, горшокъ съ похлѣбкой, чашка, то около все чисто; не боишься прикоснуться и выпачкаться.

Между прочимъ, я встрѣтилъ цѣлый рядъ носильщиковъ: каждый несъ по два большихъ ящика съ чаемъ. Я слѣдилъ за ними. Они шли отъ рѣки: тамъ съ лодокъ брали ящики и несли въ купеческіе дома, оставляя за собой дорожку чая, какъ у насъ, таская кули, оставляютъ дорожку муки. Мѣстный колоритъ! Въ амбарахъ ящики эти ушakovываются окончательно, герметически, и идутъ на американскіе клиперы, или англійскія суда.

Мы вышли на набережную; тамъ толпа еще дѣятельнѣе и живописнѣе. Здѣсь сближеніе европейскаго съ крайнимъ востокомъ рѣзко. По берегу стоятъ великолѣпные европейскіе дома, съ колоннадами, балконами, аристократическими подъездами, а швейцары и дворники—въ своихъ кофтахъ, или халатахъ, въ шароварахъ; по улицѣ бродитъ такая же толпа. То идетъ кунаецъ, обритый до-нельзя, съ тщательно-заплетенной косой, въ бѣлой, или сѣрой, маленькой, куполообразной шляпѣ, съ загнутыми полями, въ шелковомъ кафтанѣ, или въ бараньей шубкѣ, въ видѣ кацавейки; то черноработчій, безъ шапки, обвиншій, за недосугомъ чесаться, косу дважды, около вовсе «не лилейнаго чела». Тамъ ихъ стоитъ цѣлая куча, въ ожиданіи найма или работы; они горланягъ на своемъ негармоническомъ языкѣ. Тутъ цырюльникъ, съ небольшимъ деревяннымъ шкапчикомъ, гдѣ лежатъ инструменты его ремесла, раскинулъ свою лавочку, поставилъ скамью, а на ней расположился другой китаецъ и сладострастно жмурится, какъ котъ, въ то время, какъ цырюльникъ брѣшетъ ему голову, лицо, чиститъ уши, дергаетъ волосы и т. п. Тутъ ходячая кухня, дагѣ, у забора, лавочка съ фарфоромъ. Лодочники группой стоятъ у пристани, вблизи своихъ лодокъ, которыя тѣсно жмутся у берега. Идетъ сврс-

пеець — и толпа полегоньку сторонится, уступает мѣсто. На рейдѣ рисуются легкія очертанія военныхъ судовъ, рядомъ стоятъ большія барки, недалеко и военныя китайскія суда, съ тонкими мачтами, которыя смотрять въ разныя стороны. Изъ-за стройной кормы европейскаго купеческаго корабля выглядываетъ писанный рыбіи глазъ китайскаго судна. Все копошится, стужаетъ, нагружаетъ, торопится, говорить, перекликается...

Я смотрѣлъ на противоположный берегъ Вусуна, но онъ низменъ, ровенъ и ничего не представляетъ для глазъ. На той сторонѣ поля, хижины; у береговъ отгорожены мѣста для рыбной ловли — и больше ничего не видать. Едва ли можно сыскать однообразіе и скучиѣ мѣстность. Говорять, многія мѣста кажутся хороши, когда о нихъ вспомнишь послѣ. Шанхай, именно, принадлежитъ къ числу такихъ мѣстъ, которыя покажутся хороши, когда оттуда выѣдешь. Зѣвая на рѣчку, я, между тѣмъ, прозѣвалъ великолѣпные дома многихъ консуловъ, таможню, теперь пустую, занятую постоемъ англійскихъ солдатъ съ военныхъ судовъ. Она была нѣкогда кумирней, и оттого рѣзко отдѣляется отъ прочихъ зданій своею архитектурною пестротою. Я непримѣтно дошелъ до дома американскаго консула. Это послѣдній европейскій домъ съ этой стороны; за нимъ начинается китайскій кварталъ, отдѣляемый отъ европейскаго узенькимъ каналомъ.

Домъ американскаго консула, Каннингама, который въ то же время и представитель здѣсь знаменитаго американскаго торговаго дома Россель и К^о, одинъ изъ лучшихъ въ Шанхаѣ. Постройка такого дома обходится 50 т. долларовъ. Кругомъ его паркъ или, вѣрнѣе, дворъ съ деревьями. Широкая веранда опирается на красивую колоннаду. Лѣтомъ, должно-быть, прохладно: солнце не ударяетъ въ стекла, защищаемыя посредствомъ жалюзи. Въ подъѣздѣ, подъ навѣсомъ балкона, стояла большая пушка, направленная на улицу.

Домъ... но вы знаете, какъ убираются порядочные, т. е. богатые дома: и здѣсь то же, что у насъ. Шелковые драпри до полу, зеркала, какъ озера, вправленные въ стѣны, ковры, бронза. Но не все, однакожь, какъ у насъ: *boiserie*, напимѣръ, массивные шкапы, столы и кровати — здѣшніе, образцы китайскаго искусства, изъ превосходнаго темнаго дерева, съ мозаическими узорами, мелкой, тонкой работы. Если у кого-нибудь изъ васъ есть дѣдовскій домъ, убранный по-старинному, вы найдете тамъ образцы этой мозаической мебели. Кровати особенно изумительно хороши: онѣ обыкновенно двуспальныя, съ занавѣсками, какъ вездѣ въ Англии. И въ домахъ, и въ гостиницахъ, вездѣ васъ положить на двуспальную кровать, будьте вы самый холостой человѣкъ. Дико мнѣ казалось влѣзть подъ катафалкъ англійскихъ постелей, съ пестрыми занавѣсами, и особенно неудобно класть голову на длинную, во всю ширину кровати, и низенькую круглую подушку, располагающую къ апоплексическому удару. Но чего не дѣлаетъ привычка!

Китайцы, какъ извѣстно, отличные рѣзчики на деревѣ, камнѣ, кости. Ни у кого другого, даже у нѣмца, не достанетъ терпѣнія такъ мелко и чисто выработать вещь, или это будетъ стоить Богъ знаетъ какихъ денегъ. Здѣсь, повидимому, руки человѣческія и время ничемъ. Если бъ еще этотъ трудъ и терпѣніе тратились на что-нибудь важное или нужное, а то они тратятся на такіе пустяки, что не знаешь, чему удивляться: работѣ ли китайца, или бесполезности вещи? Напимѣръ, они на корѣ грецкаго, или миндальнаго орѣха, вырѣзываютъ цѣлыя группы фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, процессіи, храмы, дома, бесѣдки, такъ что вы можете различать даже лица. Изъ толстокожаго миндальнаго орѣха они вырѣжутъ вамъ джонку, со всѣми принадлежностями, съ людьми, со всѣмъ; даже вы отличите рисунокъ рогожки; мало этого: сдѣлаютъ дверцы, или окна, которыя отворяются, и тамъ сидитъ человѣческая фигура.

Какихъ бы, кажется, денегъ должно стоить это? а мы, за пять, за шесть долларовъ, покупали цѣлыя связки такихъ орѣховъ, какъ барянки.

Мнѣ приходилось часто бывать въ домѣ г. Каннингама, у котораго остановился адмиралъ, и потому я сдѣлалъ ему обычный визитъ. Китаецъ-слуга, нарядно-одѣтый въ національный костюмъ, сказалъ, что г. Каннингамъ въ своемъ кабинетѣ, и мы отправились туда. Маленькій, бѣлокурый, и невидный изъ себя, г. Каннингамъ встрѣтилъ меня очень ласково, непохоже на англійскую встрѣчу: не стиснулъ мнѣ руки и не выломалъ плеча, здороваясь, а такъ обошелся, какъ обходятся всѣ люди между собою, исключая британцевъ. Въ кабинетѣ—это только такъ, изъ приличія, названо кабинетомъ, а скорѣе можно назвать конторой—ничего не было, кромѣ бюро, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, да двухъ-трехъ превысокихъ табуретовъ и неизбежнаго камина. Каннингамъ пригласилъ меня сѣсть. Я кое-какъ вскарабкался на антигеморoidalное сѣдалище, и г. Каннингамъ тоже; мы съ высотъ свободно обозрѣвали другъ друга.—«На чемъ вы прѣхали?» спросилъ меня г. К. Я только-было собрался отвѣчать, но пошевелилъ нечаянно ногой: круглое сѣдалище, съ винтомъ, повернулось, какъ по маслу, подо мной, и я очутился лицомъ къ стѣнѣ.—«На шкунѣ», отвѣчалъ я въ стѣну, и въ то же время съ досадою подумалъ: «чье это, англійское или американское удобство?» и ногами опять приводилъ себя въ прежнее положеніе.—«Долго останетесь здѣсь?»—«Смотря по обстоятельствамъ», отвѣчалъ я, держа рукой подушку стула, которая опять-было зашевелилась подо мной.—«Сдѣлайте мнѣ честь завтра отобѣдать со мной», сказалъ онъ привѣтливо.—«А теперь идите вонъ», могъ бы прибавить, если бъ захотѣлъ быть чистосердеченъ, и не могъ бы ничѣмъ такъ угодить. Но визитъ кончился и безъ того.

Отъ консула я пошелъ съ Б. К. гулять.—«Ну, покажите

же мнѣ все, что позамѣчательнѣе здѣсь?» просилъ я моего спутника: «вы здѣсь давно живете. Эта куда дорога?» — «Эта?.. не знаю», сказалъ онъ, вопросительно поглядывая на дорогу. — «Гдѣ жъ городъ? гдѣ инсургенты, лагерь?» сыпались мои вопросы. — «Тамъ гдѣ-то, въ той сторонѣ», отвѣчалъ онъ, показавъ пальцемъ въ воздушное пространство. — «А вонъ тамъ, что это видно въ Шанхаѣ?» продолжалъ я: «повыше другихъ зданій, кумирни или дворцы?» — «Кажется...» отвѣчалъ Б. К. — «Гдѣ лавки здѣсь? поведите меня: мнѣ надо кое-что купить». — «Вотъ мы спросимъ», говорилъ Б., и искалъ глазами, кого бы спросить. Я засмѣялся и Б. К. закашлялъ, т.-е. засмѣялся вслѣдъ за мной. «Что жъ вы дѣлали здѣсь десять дней?» сказала я. — «Вы завтра у консула обѣдаете?» спросилъ онъ меня. — «Ужинаю, только немного рано, въ семь часовъ». — «У него будетъ особенно хорошій обѣдъ», задумчиво отвѣчалъ Б. К.: «званный, и обѣдать будутъ, вѣроятно, въ большой столовой. Надѣньте фракъ».

Между тѣмъ мы своротили съ рѣки на каналъ, перенкли маленькій мостикъ и очутились среди пестрой, движущейся толпы, среди говора, разнообразныхъ криковъ, толчковъ, запаховъ, костюмовъ, словомъ, на базарѣ. Здѣсь представлялась мнѣ полная картина китайскаго народонаселенія, безъ всякихъ прикрасъ, въ натурѣ.

Знаете ли, чѣмъ пораженъ былъ мой первый взглядъ? какое было первое впечатлѣнiе? Мнѣ показалось, что я вдругъ очутился на какомъ-нибудь нашемъ московскомъ толкучемъ рынкѣ, или на ярмаркѣ губернскаго города, вдалекѣ отъ Петербурга, гдѣ еще не завелись ни широкія улицы, ни магазины; гдѣ въ одномъ мѣстѣ и торгуютъ, и готовятъ кушанье, гдѣ продаютъ шелковый товаръ въ лавочкѣ, между кипящимъ огромнымъ самоваромъ и кучей кренделей, гдѣ рядомъ помѣщаются лавка съ фруктами и лавка съ лаптями, или хомутами. Разница въ подробностяхъ: у насъ де-

готь и лыко—здѣсь шелкъ и чай; у насъ груды деревянной и фаянсовой посуды—здѣсь фарфоръ. Но китайская просто-народная кухня, обиліемъ блюдъ видомъ, вонью и затѣйливостью, перецеголяла нашу. Чего тутъ ѣсть? Жаль, что нельзя разглядѣть всего: съ души рветъ», какъ говорить Оадеевъ, а есть чего поглядѣть! Море, рѣки, земля, воздухъ—спорятъ здѣсь, кто больше принесъ въ даръ чело-вѣку—и все это бросается въ глаза... это бы еще не бѣда, а то и въ носъ.

Длинные, безконечные, крытые переулки, или, лучше сказать, коридоры, тянутся по всѣмъ направленіямъ и образуютъ совершенный лабиринтъ. Если хотите, это все дома, выстроенные сплошь, съ жильемъ вверху, съ лавками внизу. Навѣсы крышъ едва не касаются съ обѣихъ сторонъ другъ друга, и оттого тамъ постоянно господствуетъ полумракъ. Въ этомъ-то лабиринтѣ вращается огромная толпа. Отъ однихъ купцовъ тѣснота, а съ продавцами, кажется бы, и прохода не должно быть. Между тѣмъ тутъ постоянно приливъ и отливъ народа. Тутъ съ удивительною ловкостью пробираются носильщики, съ самыми громоздкими ношами, съ ящиками чая, съ тюками шелка, съ охапкой хлопчатой бумаги, чуть не со стогъ сѣна. А вонъ пронесли двое покойника, не на плечахъ, какъ у насъ, а на рукахъ; тамъ бѣжитъ *кули* съ письмомъ, здѣсь тапчатъ корзину съ курами. И всѣ бѣгутъ, съ криками, съ налѣвами, чтобы посторонились. Этотъ колотитъ палочкой въ дощечку: значить, про-дастъ полотно; тотъ несетъ живыхъ дикихъ утокъ, и мерт-выхъ, висящихъ черезъ плечо, фазановъ, или наоборотъ. Разносчики кричатъ, какъ и у насъ. Вы только отсторонились отъ одного, а другой слегка трогаетъ за плечо, вы пятитесь, но тамъ торопливо кричитъ третій—вы отскаки-ваете, потому что у него въ обѣихъ рукахъ какія-то кишки, или длинная, волочащаяся по землѣ рыба. — «Куда намъ дѣться? двѣ коровы идутъ», сказалъ Б. К., и мы кинулись

въ лавочку, а коровы прошли дальше. Въ лавочкахъ, у открытыхъ дверей, расположены припасы на показъ: рыбы разныхъ сортовъ и видовъ—вяленая, соленая, сушеная, свѣжая, одна въ видѣ сабли, такъ и называется саблей, другая съ раздвоенной головой, тамъ круглая, здѣсь плоская, далѣ раки, шримсы, морскіе плоды. Дичи неимовѣрное множество, особенно фазановъ и утокъ; они висятъ на дверяхъ, лежатъ кучами на полу.

Вотъ обширная въ глубину лавка, вся наполненная мужиками и бабами тоже. Это харчевня. Ну, такъ и хочется сказать: «здорово, хлѣбъ да соль!» Народъ группами сидитъ за отдѣльными столами, какъ и у насъ. Изъ маленькихъ синихъ чашекъ, безъ ручекъ, пьютъ чай, но не прикусываетъ широкоплечій ямщикъ по крошечкѣ сахаръ, какъ у насъ: сахару нѣтъ и не употребляютъ его съ чаемъ. Зато всѣ курятъ изъ маленькихъ трубокъ, съ длинными, тоненькими чубуками; это опять противно нашему: у насъ курятъ изъ коротенькихъ чубуковъ и предлинныхъ трубокъ. Надъ ними клубится облакомъ паръ отъ небольшихъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ лавки печей и, поклубившись по харчевнѣ, вырывается на улицу, обдастъ неистовымъ, крѣпкимъ запахомъ прохожаго и исчезаетъ—яко дымъ. Чего тутъ нѣтъ! лепешки изъ тѣста лежатъ *au naturel*, потомъ, по востребованію, опускаются въ кипятокъ и подаются чрезъ нѣсколько минутъ готовыя. Рядомъ варится какая-то черная похлебка, едва ли лучше спартанской, съ кусочками свинины, или рыбы. Я видѣлъ даже *пи—дэ*, лѣнвивыя *пи*: въ кипяткѣ варится кочанъ отличной зеленой капусты и кусокъ, кажется, баранины. Есть и оладьи, и жареная свинина, и пирожки.

Много знакомаго увидѣлъ я тутъ, но много и невиданнаго увидѣлъ, и особенно обонялъ. Боже мой, чего не ѣсть человекъ! Конечно, я не скажу вамъ что, видѣлъ я, ѣлъ одинъ китаецъ на рынкѣ, всенародно... Я думалъ прежде,

что много прибавляют путешественники, но теперь на опытъ вижу, что кое-что приходится убавлять. Какихъ соусовъ нѣтъ тутъ! все это варится, жарится, печется, кипитъ, трещитъ, и теплымъ, пахучимъ паромъ разносится повсюду. Напрасно стали бы вы заглушать запахъ чѣмъ-нибудь: ни пачули, ни сами четыре разбойника не помогутъ; особенно два противные запаха преслѣдуютъ: отвратительнаго растительнаго масла, кажется, кунжутнаго, и чесноку.

Отдохнешь у лавки съ плодами: тутъ и для глазъ и для носа хорошо. Съ удивленіемъ взглянете вы на исполинскіе лимоны—апельсины, которые англичане называютъ пампль-муссъ. Они величиной съ голову шести-семилѣтняго ребенка; кожа въ полтора пальца толщины. Ихъ подаютъ къ десерту, но не знаю, зачѣмъ: ѣсть нельзя. Мы попробовали-было, да никуда не годится: ни кислоты лимона нѣтъ, ни сладости апельсина. Говорятъ, они теперь неснѣдые, что, созрѣвши, кожа дѣлается тоньше и плодъ тогда сладокъ: развѣ такъ. Потомъ цѣлыми грудами лежатъ, какъ у насъ какой-нибудь картофель, *мандарины*, родъ мелкихъ, но очень сладкихъ и пахучихъ апельсиновъ. Они еще хороши тѣмъ, что кожа отдѣляется отъ нихъ сразу со всеми волокнами, и вы получаете плодъ облупленный, какъ яйцо, сочный, почти прозрачный. Тутъ былъ и еще плодъ овальный, похожій на померанецъ, поменьше грецкаго орѣха; я забылъ его названіе. Я взялъ попробовать, раскусилъ и выбросилъ: еще хуже пампль-мусса. Китайцы засмѣялись во кругъ, и не даромъ, какъ я узналъ послѣ. Были еще такъ-называемые жужубы, мелкія, сухія фиги, съ одной маленькой косточкой внутри. Онѣ сладки—про нихъ больше нечего сказать; развѣ еще, что они напоминаютъ собой немного вкусъ финиковъ: та же приторная, безхарактерная сладость, такъ же вязнетъ въ зубахъ. Орѣховъ множество: грецкихъ, миндальныхъ, фисташковыхъ и другихъ. Зеленъ

превосходная; особенно свѣжи зеленые, продолговатые кочии капусты, еще длинная и красная морковь, крупный лукъ и т. п.

Мы продолжали пробираться по рядамъ и вышли—среди криковъ и стука рабочихъ, которые, совершенно голые, немилосердно колотили хлопчатую бумагу въ своихъ мастерскихъ—къ магазину американца Фога. Тамъ все есть: готовое платье, посуда, материн, вина, сыръ, сельди, сигары, фарфоръ, серебро. Между съѣстными лавками мы наткнулись на китайскую лавочку, въ родѣ галантерейной. Тутъ продавались всякія мелочи. Я купилъ до тридцати разныхъ фигуръ, изъ мягкаго, разноцвѣтнаго камня *агальматолита* (*agalmatolite, fragodite, pierre à magots ou à sculpture; Bildstein, Speckstein aus China*), попросту называемаго *жировикомъ*. Камень этотъ, кромѣ Китая, находятъ мѣстами въ Венгрии и Саксоніи.

Нѣтъ, я вижу, уголка въ мірѣ, гдѣ бы не запрашивали неслыханную цѣну. Китаецъ запросилъ за каменные издѣлія двадцать два доллара, а уступилъ за восемь. Этой слабости подвержены и просвѣщенные, и полупросвѣщенные народы, и наконецъ дикари. Кто у кого занялъ: мы ли у востока, онъ ли у насъ?

Наконецъ, мы вышли на маленькую, мутную рѣчку, къ деревянному, узенькому, дугообразному мостику. Тутъ стояла небольшая часовня; въ ней идолъ Будды. У подножія нищій собиралъ милостыню. На мосту, въ фуражкѣ, въ матросской рубашкѣ, съ ружьемъ на плечѣ, ходилъ часовой съ англійскаго парохода *Спартанъ*. При сходѣ съ моста сидѣлъ китаецъ, передъ котломъ варнаго риса. Народъ топился у котла. Всякій клалъ нѣсколько *кашей* (мелкихъ мѣдныхъ монетъ) на доску, которою прикрытъ былъ котель. Китаецъ поднималъ тряпицу, доставалъ изъ котла рукой горсть рису, клалъ въ свой фаргукъ; выжималъ воду и, уже сухой, подавалъ покупателю. Непривлекательна китай-

ская кухня, особенно при маслѣ, которое они употребляютъ въ пищу! Коровьяго масла у нихъ нѣтъ: его привозятъ сюда для европейцевъ изъ Англiи, и то, которое подавали въ Шанхаѣ, было несвѣжо. Иногда китайцы употребляютъ свиное сало.

Кстати о монетѣ. Въ Шанхаѣ ходитъ двухъ родовъ монета: испанскіе и американскіе доллары и мѣдная китайская монета. Испанскіе, и именно Карла IV, предпочитаютъ всѣмъ прочимъ и называются, не знаю почему, шанхайскими. На нихъ даже кладется отъ общества шанхайскихъ купцовъ китайская печать, въ знакъ того, что они не фальшивые. По случаю междоусобной войны, банкиры необыкновенно возвысили курсъ на доллары, такъ что долларъ, на наши деньги, вмѣсто обыкновенной цѣны 1 р. 33 к., стоитъ теперь около 2 р. Но это только при полученіи отъ банкировъ, а въ обращеніи онъ въ сущности стоитъ все то же, т. е. вамъ на него не дадутъ товара больше того, что давали прежде. Всѣ бросились мѣнять, т. е. повезли со всѣхъ сторонъ сюда доллары, и брали за нихъ векселя на Лондонъ и другія мѣста, выигрывая по два шиллинга на долларъ. При покупкѣ вещей, за все приходилось платить чуть не вдвое дороже; а здѣсь и безъ того дорого все, что привозится изъ Европы. Бѣда, кому нужно дѣлать большіе запасы: потеря огромная! Прочіе доллары, т. е. испанскіе же, но не Карла IV, а Фердинанда и другихъ, и мексиканскіе тоже, ходятъ по 80-ти центовъ. Кромѣ того, ходятъ полкроны и шиллинги, но ихъ очень мало въ обращеніи. Зато мѣдной монеты, или *кашей*, множество. Она чеканится изъ неочищенной мѣди, чуть не изъ самородка, и очень грязна на видъ; величиной монета съ четвертакъ, на ней грубая китайская надпись, а посредицѣ отверстие, чтобы продѣвать бечевку. Я сначала не вдругъ понялъ, что значатъ эти длинныя связки, которыя китайцы таскаютъ въ рукахъ, чрезъ плечо и на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Я что-то купилъ въ лавочкѣ, центовъ на 30, и вдругъ мнѣ дали сдачи до тысячи монетъ. Ихъ въ долларѣ считаютъ до 1,500 штукъ. Я не зналъ, что дѣлать, но выручили нищѣ: я почти все роздалъ имъ. Остатки, штукъ 50, въ числѣ любопытныхъ вещей, привезу показать вамъ.

— «Однакожъ часть», сказалъ Б.: «пора домой; мнѣ завтракать (онъ жилъ не въ отели), вамъ обѣдать». Мы пошли не прежней дорогой, а по каналу, и повернули въ первую длинную, и довольно узкую улицу, которая вела прямо къ трактиру. На ней тоже купеческіе дома, съ высокими заборами и садиками, тоже бѣжали въ припрыжку носильщики съ ношами. Мы пришли еще рано; наши не все собрались: кто пошелъ по дѣламъ службы, кто фланировать, другіе хотѣли пробраться въ китайскій лагерь.

Черезъ часъ по всему дому раздался звукъ гонга: это повѣстка готовиться идти въ столовую. Черезъ полчаса мы сошли къ столу, около котораго суетились слуги, все китайцы. Особенно весело было смотрѣть на мальчишекъ. На ихъ маленькихъ лицахъ, съ немного заплывшими глазками, выгнутымъ татарскимъ лбомъ и висками, было много смѣливости и плутовства; они живо бѣгали, мѣняли тарелки, подавали хлѣбъ, воду, и еще коверкали, и безъ того исковерканный, англійскій языкъ. Между прочимъ мы увидели тутъ темно-коричневое лицо, въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе. Мнѣ что-то лицо показалось знакомо, да и онъ глядѣлъ на насъ съ пріятливой улыбкой. Я спросилъ его, кто онъ, откуда. «Madrasman», отвѣчалъ онъ: «я васъ знаю, я видѣлъ васъ въ Сингапурѣ». — «Какъ же ты сюда попалъ?» — «Такъ, пріѣхалъ служить». — «Что жъ тамъ дѣлалъ, чѣмъ былъ?» — «Кунецъ». — «О, лжешь, думалъ я, хвастаешь, а еще полудикій сынъ природы!» Я сейчасъ же вспомнилъ его: онъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой по городу, и однажды цѣлую улицу прошелъ рядомъ со мною, прося запомнить нумеръ его кареты и не брать другой. А

Здѣсь онъ былъ буфетчикомъ, раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ—щелчки.

Второй обѣдъ былъ полнѣе перваго. Тутъ, кромѣ супа, была вареная баранина и жареная баранина, вареная говядина и жареная говядина, варенныя куры и жаренныя куры, fowl, потомъ гусь, ветчина, зелень. Это только первая перемяна. Вторая и послѣдняя состояла изъ дичи и пирожнаго. И то, и другое подается вмѣстѣ, мнѣ кажется, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ гости раздѣлились на партіи, одни за пирожное, другіе за жаркое. Пирожное то же самое, что я ѣлъ въ Лондонѣ, въ Портсмутѣ и на мысѣ Доброй Надежды: apple-paу, сладкая яичница и пудингъ съ коришкой.

Послѣ обѣда пришелъ Б. К., и я же повелъ его показывать ему городъ и окрестности. Мы вышли на набережную Вусуна и пошли налѣво, мимо великолѣпнаго дома англійскаго консула, потомъ португальскаго, датскаго и т. д. По дорогѣ встрѣчались, съ мѣрнымъ крикомъ: «а-а! а-а!» носильщики съ чаемъ и щедро сыпали его по улицѣ. Тутъ матросы съ французскихъ судовъ играли въ пристѣнокъ: красивый, рослый и хорошо одѣтый народъ. Мы подошли къ впадающей въ Вусунъ рѣчкѣ и къ перевозу. Множество возвращающагося съ работы простого народа толпилось на пристани, ожидая очереди понасть на паромъ, перевозившій на другую сторону, гдѣ первая кидалась въ глаза куча навоза, грязный берегъ, двѣ-три грязныя хижины, два-три тощія дерева, и за всѣмъ этимъ—вспаханныя поля.

Мимо шетней, огородовъ, чрезъ поля, поросшія кустарниками хлопчатой бумаги и засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, выбрались мы, сначала въ деревушку, ближайшую къ городу. Хижины изъ бамбука, безъ окошекъ, съ одними дверями, лѣпились другъ къ другу. По деревнѣ извивалась грязная канавка, стояли кадки съ навозомъ, для удобренія полей. Некуда было дѣться отъ запаха; мы не рады были.

что зашли. Ноги у насъ ползли по влажной, глинистой почвѣ. На насъ бросились лаять собаки, а на нихъ бросилась старая китаанка унимать. Нѣкоторые китайцы ужинали на порогѣ, проворно перекладывая двумя палочками рисъ изъ чашекъ въ ротъ, и до того набивали его, что не могли отвѣчать на наше привѣтствіе *чинь-чинь* (здравствуй), а только ласково кивали.

Но несмотря на запахъ, на жалкую бѣдность, на грязь, нельзя было не замѣтить ума, порядка, отчетливости, даже въ мелочахъ полевого и деревенскаго хозяйства. Простыми глазами, сразу увидишь, что находишься по преимуществу въ земледѣльческомъ государствѣ и что не даромъ рука богдыхана касается однажды въ годъ плуга, какъ главнаго, великаго дѣятеля страны: всякая вещь, обдуманно, не какъ-нибудь, примѣнена къ дѣлу; все обработано, окончено; не увидишь кучки соломы, небрежно и не у мѣста брошенной, нѣтъ унадишаго илетня и блуждающей среди полевовъ козы или коровы; не валяется нигдѣ оставленное безъ умысла и бесполезно гнѣющее бревно, или какой-нибудь подобный, годный въ дѣло предметъ. Здѣсь, кажется, каждая щепка, камешекъ, соръ — все имѣетъ свое назначеніе и идетъ въ дѣло.

Почва, по природѣ, болотистая, а ни признака болота нѣтъ, нѣтъ также какого-нибудь недопаханнаго аршина земли; одна гряда и борозда никакъ не шире и не уже другой. Самые домики, какъ ни бѣдны и ни грязны, но выстроены умно; все рассчитано въ нихъ; каждымъ уголкомъ умѣютъ пользоваться: все на мѣстѣ и все въ возможномъ порядкѣ.

Мы выбрались изъ деревеньки и вышли на такъ-называемую променаду, отведенное европейцамъ загородное мѣсто для ѣзды и для прогулокъ. Это широкая дорога, идущая отъ города, между полей, мимо вала, отдѣляющаго лагерь имперіалистовъ отъ городской земли. Все это мѣсто похоже

на арену какого-нибудь цирка: земля такъ же рыхла, вспаханная лошадиными копытами. Мы застали и самое ристалище. Шанхайскіе европейцы и европейки скакали здѣсь взадь и впередъ: одни на прекрасныхъ лошадяхъ лучшей англійской породы, привезенныхъ изъ Англии, другіе на малорослыхъ китайскихъ лошадакахъ. Только одно семейство каталось въ шарабанѣ, да еще одну леди, кажется, жену пастора, несли четыре китайца въ желѣзныхъ креслахъ, поставленныхъ на двухъ бамбуковыхъ жердяхъ. Нѣсколько пѣшеходовъ, офицеровъ съ судовъ, да мы всѣ, составляли публику, или, лучше сказать, мы всѣ были дѣйствующими лицами. Настоящую публику составляли китайцы, мирные городскіе, или деревенскіе жители, купцы и земледѣльцы, кончившіе дневной трудъ. Тутъ была смѣсь одеждъ: видна шелковая кофта и шаровары купца, синій халатъ мужика, камзолъ и панталоны имперіалиста, съ вышитымъ кружкомъ, или буквой на синиѣ. Вся эта публика, буквально снуя рукава, однакожъ съ любопытствомъ, смотрѣла на пришельцевъ, которые силою ворвались въ ихъ предѣлы, и мало того, что сами свободно разгуливаютъ среди ихъ полей, да еще наставили столбовъ съ надписями, которыми запрещается тутъ развѣзжать хозяевамъ. Китайцы встрѣчали или провожали замѣчаніемъ каждаго проѣзжаго, и смѣялись. Особенно скачущія женщины возбуждали ихъ вниманіе: небывалое у нихъ явленіе! Ихъ женщины—пока еще такъ-себѣ, хозяйственная принадлежность: имъ далеко до львиць.

Къ намъ присоединились другіе наши спутники. Мы, сквозь эту фалангу любопытныхъ, подошли къ валу, взошли на мостикъ, брошенный дугой черезъ канавку, и стали смотрѣть на лагерь. Туда и оттуда безпрестанно носили мимо насъ въ паланкинахъ китайскихъ чиновниковъ и купцовъ. Надъ сбитыми въ кучу палатками насажены были тысячи разноцвѣтныхъ флаговъ и значковъ, все фамиліные гербы

и отличія этого чиновно-аристократическаго царства. По временамъ изъ лагеря попаливали, но больше холостыми зарядами, для того, какъ сказывали намъ англійскіе офицеры, чтобъ показать, что они бдятъ. Въ самомъ дѣлѣ только бдятъ и пугаютъ другъ друга. Они палятъ и въ туманъ, ночью, не видя непріятеля. Хоть бы ночное нападеніе и пожаръ, который мы видѣли съ рѣки Вусуна— жалкая карикатура на сраженіе.

Империалистами командуетъ здѣсь правитель шанхайскаго округа, Таутай Самква. Онъ собралъ войско и расположилъ его лагеремъ у городскихъ стѣнъ, а самъ жилъ на джонкахъ и дѣйствовалъ съ рѣки. Какъ бы, кажется, не выгнать толпу бродягъ и оборванцовъ? Но до сихъ поръ всѣ его усилія напрасны, европейцы сохраняютъ строгій нейтралитетъ, несмотря на то, что онъ предлагаетъ каждому европейцу по двадцати, кажется, долларовъ въ сутки, если кто пойдетъ къ нему на службу. Охотниковъ до сихъ поръ является мало. Ночное нападеніе ему не удалось. Онъ пробовалъ зажечь городъ, но и то неудачно: выгорѣло одно предмѣстье, потому что городъ зажженъ былъ противъ вѣтра и огонь не распространился. А сколько мелкихъ и бесполезныхъ жестокостей употреблено было! И это не устрашаетъ инсургентовъ. Тѣ заперлись-себѣ въ крѣпости, получаютъ съѣстные припасы черезъ стѣны изъ города — и знать ничего не хотятъ.

Пока я стоялъ на валу, нѣсколько империалистовъ вдругъ схватили изъ толпы одного человѣка, на видъ очень смирнаго, и потащили къ лагерю. Я думалъ, что это обыкновенная, уличная сцена, ссора какая-нибудь: но тутъ случился англичанинъ, который растолковалъ мнѣ, что империалисты хватаютъ всякаго, кто оплошаетъ, и, въ качествѣ мятежника, ведутъ въ лагерь, повязавъ ему что-нибудь красное на голову, какъ признакъ возмущенія. А тамъ ему рубятъ голову и втыкаютъ на пикъ. За всякаго приведеи-

паго инсургента даютъ награду. «Oh, that's bad, very bad!» (худо!), заключилъ англичанинъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

Но и инсургенты платяютъ за это хорошо. На-дняхъ они объявили, что готовы сдать городъ и просятъ прислать полномочныхъ для переговоровъ. Таутай обрадовался и послалъ къ нимъ девять чиновниковъ или мандариновъ, со свитой. Едва они вошли въ городъ, инсургенты предали ихъ тѣмъ ужаснымъ, утонченнымъ мученіямъ, которыми ознаменованы всѣ междоусобныя войны.

Англичанинъ этотъ, про котораго я упомянулъ, ищетъ впечатлѣній и приключеній. Онъ каждый день съ утра отправляется, съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, то въ лагерь, то въ осажденный городъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, нужды нѣтъ, что китайское начальство устранило отъ себя отвѣтственность за все непріятное, что можетъ случиться со всякимъ европейцемъ, который, безъ особенныхъ позволеній и предосторожностей, отправится на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Наши вздумали тоже идти въ лагерь; я предвидѣлъ, что они недолго проходятъ, и не пошелъ, а сѣлъ, въ ожиданіи ихъ, на бревно подлѣ дороги и смотрѣлъ, какъ ѣздили англичанки. Вотъ несется полная, величавая, одна изъ тѣхъ великолѣпныхъ, драпирующихся въ большую шаль, женщинъ, съ побѣдоносной походкой, отъ которыхъ невольно сторонисься. Она, какъ монументъ, крѣпко сидѣла на рослой лошади, и та, какъ будто чувствуя, кого несетъ на хребтѣ, скакала плавно. Подлѣ нея, свѣсивъ до полу ноги, ѣхалъ англичанинъ, такой жидкій и невеличественный, какъ полная и величественна была его супруга. Другая, низенькая и невзрачная женщина, точно мальчишка, тряслась на сѣдлѣ, на маленькой рыжей лошаденкѣ, колотя по немъ своей особой, такъ что слышно было. Третья — писанная, что называется красавица: руминая, съ алымъ ротикомъ,

въ видѣ сердечка, и ограниченностью въ синихъ глазахъ. Всѣ эти барыни были съ такими тоненькими, не скажу стройными, таліями, такъ обтянуты амазонками, что китайская публика, кажется, смотрѣла на нихъ, больше съ состраданіемъ, нежели съ удовольствіемъ.

Я не долго ждалъ своихъ; какъ я думалъ, такъ и вышло: ихъ не пустили, и мы отправились другой дорогой домой, опять мимо полей и огородовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливали ведрами навоза поля: мы бѣжали, что стало силъ, отъ этой пахучей идилии. Ужъ вечерѣло. Солнце опустилось: я взглянулъ на небо и вспомнилъ отчасти тропики: та же блѣдно-зеленая чаша, съ золотымъ отливомъ надъ головой, но не было живописнаго узора облаковъ, млѣющихъ въ страстной тишинѣ воздуха; только кое-гдѣ, дрожа, искрились бѣлыя звѣзды. Луна раздѣлила улицы и дороги на двѣ половины, черную и бѣлую. — «Вотъ зима-то! Ахъ, если бъ намъ этакую!» говорилъ я, пробираясь между изсохшими кустами хлопчатой бумаги, ключья которой оставались еще кое-гдѣ на сучьяхъ и бѣлѣли, какъ снѣжный пухъ. Въ байковомъ пальто было жарко идти. Вдали скакали въ городъ джентльмены и лэди, торопясь обѣдать.

Въ шесть часовъ мы были уже дома и сѣли за третій обѣдъ—съ чаемъ. Отличительнымъ признакомъ этого обѣда, или «ужина», какъ упрямо называлъ его О. А., было отсутствіе супа и присутствіе сосисекъ съ перцомъ, или, лучше, перца съ сосисками — такъ было его много положено. Чай тоже, кажется, съ перцомъ. Бѣтъ мы однакожь не могли: только шкиперскіе желудки флегматически поглощали мясо, черезъ три часа послѣ обѣда.

Вечеромъ мы собрались въ *клубъ*, т.-е. въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ, гдѣ жило больше постояльцевъ, гдѣ свѣтлѣе горѣла лампа, не дымилъ каминъ, и куда приносили больше каменнаго угля, нежели въ другіе номера. Театра нѣтъ здѣсь, общества тоже, если хотите въ строгомъ

смыслъ, нѣтъ. Всюду, куда забрались англичане, вы найдете чистую комнату, каминъ съ каменнымъ углемъ, отличный кусокъ мяса, хересъ и портвейнъ, но не общество. И не ищите его. Англичане всюду умѣютъ внести свою чопорность, негибкіе нравы и скуку. Васъ пригласятъ обѣдать; вы, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, являетесь туда; если есть апетитъ—ѣдите, какъ ѣдали баснословные герои, или какъ новѣйшіе извозчики, пьете еще больше, но говорите мало, *ce n'est pas de rigueur*, потомъ тихонько исчезаете. Но не думайте придти сами, безъ зову. По дѣлу можете, и то въ указанный часъ; а просто побесѣдовать сами — нельзя. Да и день такъ расположенъ: утро всѣ заняты, потомъ гуляютъ, съ семи и до десяти и одиннадцати часовъ обѣдаютъ, а тамъ спать. Въ Англии есть клубы; тамъ вы видите съ людьми, съ которыми привыкли быть вмѣстѣ, а здѣсь европейская жизнь такъ быстро перенеслась на чужую почву, что не успѣла пустить корней, и отъ того должно-быть скучно. Не знаю, что дѣлаютъ молодые люди; немолодые наживаютъ деньги. Какой-нибудь мистеръ Каннинггамъ, или другой, подобный ему представитель торговаго дома, проживетъ лѣтъ пять, наживетъ тысячъ двѣсти долларовъ, и уѣзжаетъ откуда пріѣхалъ, уступая мѣсто другому члену того же торговаго дома.

Мы очень разнообразили время въ своемъ клубѣ: одинъ писалъ, другой читалъ, кто разсказывалъ, кто молча курилъ и слушалъ, но всѣ жались къ камину, потому что какъ ни красиво было небо, какъ ни ясны ночи, а зима давала себя чувствовать, особенно въ здѣшнихъ домахъ.

Только П. А. Т., оставаясь одинъ въ Шанхаѣ, перенесся въ лучшую комнату и, общій баловень на фрегатѣ, пріобрѣлъ и тутъ какъ-то вниманіе цѣлаго дома. У него лучше и раньше пріобрѣлась комната, въ корзинкѣ было больше угля, нежели у другихъ. У насъ, у всѣхъ, принесли горсть угля и потомъ не допросишься. Явная неспра-

ведливость! Мы вчетверомъ составили компанію на акціяхъ для добыванія каменнаго угля изъ номера П. А. Такъ попросить—онъ бы, или вовсе отказалъ, или далъ бы *самую малость*, какъ онъ говоритъ. А намъ нужно было натопить два номера. Мы положили такъ: П. В. Ф. заговорить съ Т. о хозяйствѣ—это любимая его тема, а В. А. К. и А. Е. К. въ это время понесутъ корзину съ углемъ. Мнѣ досталась самая легкая роль: прикрыть отступленіе В. А. и А. Е., что я сдѣлалъ, ставъ къ камину спиной и раздвинувъ немного, какъ дѣлаютъ, не знаю зачѣмъ, англичане, поли ффрака. Фур. заговорилъ о шанхайской капустѣ, о томъ, какая она зеленая, сочная, спрашивалъ, годится ли она во щи и т. п. Уголь давно уже пылалъ въ каминахъ, а П. А. все еще рассказывалъ о капустѣ. Мы дослушали изъ приличія, Фур. внимательно, я—разсѣянно.

На другой день, вставши и пообедавши, я пошелъ, уже по знакомымъ улицамъ, въ магазины купить и заказать кое-что. Въ улицѣ, налѣво отъ гостиницы, сказали мнѣ, есть магазинъ: четвертый или пятый домъ. Я прошелъ шестой, а все магазина не вижу, и раза два ходилъ взадъ и впередъ, не подозрѣвая, что одно широкое, осѣненное деревьями крыльцо и есть входъ въ магазинъ. Меня встрѣтилъ пожилой мужчина, черноволосый, съ клинообразной бородой, въ длинномъ шлафорѣ-сюртукѣ, несомнѣнно чистымъ англійскимъ выговоромъ. — «Жидъ!» шепнулъ мнѣ бывший со мной Г., успѣвшій ужъ обѣгать европейскій кварталъ. Тутъ, какъ и у Фога и какъ во всякой провинціи, было все въ магазинѣ. Мы накупили сапогъ, башмаковъ, и отиравились къ Фогу за сигарами, но въ дверяхъ столкнулись съ высокимъ, черноволосымъ мужчиной. — «Вотъ самъ Фогъ», сказалъ опять Г.: «онъ — жидъ!» Онъ, какъ легава собака дичь, чуялъ жидовъ.

Мы пошли прямо и вышли на рѣчку. Я зашелъ за Б. К. — «Пойдемте, я вамъ буду показывать городъ», сказалъ

я. Онъ молча послѣдовалъ за мною. Рѣчка, раздѣляющая европейскій кварталъ отъ китайскаго, шириной всего сажень пять, мутна какъ и самъ Янсекиянь, какъ и Вусунъ. На рѣчкѣ толятся джонги, на которыхъ живутъ китайскія семейства; по берегамъ движется цѣлое народонаселеніе кунцовъ, лодочниковъ, разнаго рода мастеровыхъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ остановилъ пріятный запахъ: это была мастерская издѣлій изъ камфарнаго дерева. Мы зашли въ сарай и лавку и очутились среди гробовъ, сундуковъ и ларцовъ. Когда мы вошли, запахъ камфары, издали очень пріятный, такъ усилился, что казалось, какъ будто къ щекамъ нашимъ вдругъ приложили по подушечкѣ съ камфарой. Мы хотѣли купить сундуки изъ этого дерева, но не было возможности объясниться съ китайцами. Мы имъ по-англійски, они по-своему; прибѣгали къ пальцамъ, но ничего изъ этого не выходило. Двѣ дѣвки, работавшія тутъ же, и одна прехорошенькая, смѣялись исподтишка, глядя на насъ; рыжая собака съ ворчаньемъ косилась: запахъ камфары сильно щекоталъ нервы въ носу. Мы, шагая по стружкамъ, выбрались и пошли къ Фогу, а потомъ отправились отыскивать еще магазинъ, французскій, о существованіи котораго носились темныя слухи и который не давался намъ другой день.

Мы быстро миновали базаръ и все запахи, прошли мимо хлопчато-бумажныхъ прядиленъ, харчевенъ, разносчиковъ, часовни съ Буддой, и перебѣжали мостикъ. — «Куда же теперь, налево или направо?» спросилъ я Б. — «Да куда-нибудь, хоть налево!» Прямо передъ нами былъ узенькій-преузенькій переулочекъ, темный, грязный, откуда, какъ тараканы изъ щели, выходили китайцы; направо большой европейскій каменный домъ; настежь отворенныя ворота вели на чистый дворъ, съ деревьями, къ широкому чистому крыльцу. Налѣво открылся намъ цѣлый новый китайскій кварталъ, новый лабиринтъ лавокъ, почище и побогаче, не-

жели на той сторонѣ. Тутъ были лавки съ матеріями, мебельныя; я любовался на китайскую мебель, о которой говорилъ выше, съ рельефами и деревянной мозаикой. Здѣсь нѣтъ харчевенъ, и меньше толкотни. Лавки начали рѣдѣть; мы шли мимо превысокихъ, какъ стѣны крѣпости, заборовъ изъ бамбука, за которыми лежали груды кирпичей, и, наконецъ, прошли черезъ огромный дворъ, весь изрытый и отчасти заросшій травой, и очутились подъ стѣнами осажденнаго города.

Извѣстно, что китайцы—ужасные педанты, не признають городомъ того, который *не огороженъ*; оттого у нихъ каждый городъ окруженъ стѣной, между прочимъ и Шанхай.

Но какая картина представилась намъ! Еще издали мы слышали смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и не могли понять, что это такое. Теперь поняли. Насъ отъ стѣны раздѣлялъ ровъ; по ту сторону рва, подъ самыми стѣнами, толпилось болѣе тысячи человѣкъ народу и горланили во всю мочь. На стѣнѣ, облѣпивъ ее, какъ мухи, горланила другая тысяча человѣкъ, инсургентовъ. Внизу были разносчики. Они принесли изъ города все, что только можно принести, притащить, привезти и приволочь. Живность, зелень, фрукты, дрова, цѣлыя бревна медленно ползли по стѣнамъ вверхъ. Стѣна, изъ сѣраго кирпича, очень высока, на глазомѣрь саженъ въ шесть вышиною, и претолстая. Осажденные во все горло требовали—одинъ свинью, другой капусты, третій курицу, торговались, бранились, наконецъ, условливались; сверху спускалась по веревкѣ корзина съ деньгами и поднималась съ курами, апельсинами, съ платьемъ; тамъ тащили доски, тутъ спорили. Кутерьма ужасная! Постороннимъ ничего нельзя было разобрать. Я убѣдился только, что продавцы осаждаютъ городъ гораздо дѣятельнѣе и усѣбнѣе имперіалистовъ. Тамъ слышны лѣгивые выстрѣлы: тѣ осаждаютъ, чтобъ истребить осажденныхъ, а эти—чтобы продлить ихъ существованіе.

Наши проникли-таки потомъ въ лагерь, въ обществѣ англійскихъ офицеровъ, и видѣли груды жареныхъ свиней, куръ, лепешекъ и т. п., принесенныхъ въ жертву пушкамъ и разставленныхъ у жерлъ.

Осаждающіе могли бы, конечно, помѣшать снабженію города съѣстными припасами, если бъ сами имѣли больше свободы, нежели осажденные. Но они не смѣютъ почти показываться изъ лагера, тогда какъ мы видѣли ежедневно инсургентовъ, свободно разгуливавшихъ по европейскому городу. У этихъ и костюмъ другой; лба уже они не брѣютъ какъ унижительнаго, введеннаго манчжурами, обычая. Но и тѣхъ, и другихъ англичане и американцы держатъ въ рукахъ. П — ть видѣлъ, какъ два всадника, возвращаясь изъ города въ лагерь, проѣхали по землѣ, отведенной для прогулокъ англичанамъ, и какъ англійскій офицеръ съ *Спартана* поколотилъ ихъ обоимъ палкой за эт — такъ что одинъ свалился съ лошади. Ровъ и стѣна, гдѣ торгуютъ разносчики, обращены къ городу; и если бъ одно ядро попало въ европейскій кварталъ, тогда и осажденные, и осаждающіе не раздѣлились бы съ консулами. Одно и такъ попало нечаянно въ колесо французскаго парохода: командиръ хотѣлъ открыть огонь по городу. Не знаю, какъ уладили дѣло.

Вообще обращеніе англичанъ съ китайцами, да и съ другими, особенно подвластными имъ народами, не то чтобъ было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, такъ что смотрѣть больно. Они не признаютъ эти народы за людей, а за какой-то рабочей скотъ, который они, пожалуй, не бьютъ, даже холятъ, т.-е. хорошо кормятъ, исправно и щедро платятъ имъ, но не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Къ намъ повадился ходить въ отель офицеръ, не флотскій, а морскихъ войскъ, съ *Спартана*, молодой человекъ лѣтъ двадцати: онъ, кажется, тоже не прочь отъ приключеній. Его звали Стоксъ: онъ безпрестанно ходилъ

и въ осажденный городъ, и въ лагерь. Мы съ нимъ гуляли по улицамъ, и если впереди насъ шелъ китаецъ и, не замѣчая насъ, долго не сторонился съ дороги, Стокъсъ безъ церемоніи бралъ его за косу и оттаскивалъ въ сторону. Китаецъ, сначала оторопѣлъ, потомъ съ улыбкой подавленнаго негодованія посмотритъ вслѣдъ. А нѣтъ, конечно, народа смирибѣ, покорибѣ и учтивѣе китаецъ, исключая кантонскихъ: тѣ, какъ и всякая чернь въ большихъ городахъ, груба и бурлива. А здѣсь я не видалъ насмѣшливаго взгляда, который бы китаецъ кинулъ на европейца: на лицахъ видишь почтительное и робкое вниманіе. Англичане вотъ какъ платятъ за это: на ихъ же счетъ обогащаются, отравляютъ ихъ, да еще и презираютъ свои жертвы! Нашъ хозяинъ, Дональдъ—конечно, плюгавѣйшій изъ англичанъ, вѣроятно, нищій въ Англии, иначе какъ рѣшиться отправиться на чужую почву заводить трактиръ, безъ видовъ на успѣхъ—и этотъ Дональдъ, сказывалъ Т., такъ былъ одного изъ китайцевъ, слугъ своего трактира, что «меня даже жалость взяла», прибавилъ добрый П. А.

Не знаю, кто изъ нихъ кого могъ бы цивилизовать: не китайцы ли англичанъ своею вѣжливостью, кротостью, да и умѣньемъ торговать тоже.

Полюбовавшись на осаду продавцовъ, мы пошли по берегу рва искать домъ французскаго консула и французскій магазинъ. Утромъ шелъ дождь, и ноги вьзли въ клейкой грязи. Мы кое-какъ выбрались къ мостику, видѣли вѣющій надъ кучей кровель французскій флагъ, и все не знали, какъ попасть къ нему. Мы остановились въ нерѣшительности у мостика, подѣль большого каменнаго европейскаго дома, съ настѣжъ отворенными воротами. Я вошелъ на дворъ, отворилъ дверь въ домъ и очутился въ свѣтломъ, чистомъ, прекрасномъ магазинѣ, похожемъ на всѣ европейскіе столичныя магазины. «Гдѣ это я?» спросилъ я вслухъ.— «Во французскомъ магазинѣ Реми», отвѣчалъ забравшійся

туда прежде насъ Г. Ко мнѣ подошелъ пожилой, невысокій брюнетъ, и заговорилъ по-французски. — «Посмотрите-ка на хозяина», сказалъ мнѣ Г. по-русски. Я посмотрѣлъ. — «А что?» — «Развѣ не видите?» — «Вижу... Да что такое?» — «Жидъ!» отвѣчалъ онъ.

Изъ этого очерка одного изъ пяти открытыхъ англичанамъ портовъ, вы никакъ не заключите, какую блистательную роль играетъ теперь, и будетъ играть еще современемъ, Шанхай! И въ настоящее время онъ въ здѣшнихъ моряхъ затмилъ, колоссальными цифрами своихъ торговыхъ оборотовъ, Гон-Конгъ, Кантонъ, Сидней, и занялъ первое мѣсто послѣ Калькуты, или «Калькатты», какъ ее называютъ англичане. А все опиумъ! За него китайцы отдаютъ свой чай, шелкъ, металлы, лѣкарственные, красильныя вещества, потъ, кровь, энергію, умъ, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берутъ все это, обрабаютъ въ деньги, и такъ же хладнокровно переносятъ старый, уже заглохнувшій упрекъ за опиумъ. Они, не краснѣя, слушаютъ его и ссылаются одни на другихъ. Англійское правительство молчитъ — одно, чтѣ остается ему дѣлать, потому что многія, стоящія во главѣ правленія лица, сами разводятъ мафъ на индійскихъ своихъ плантаціяхъ, сами снаряжаютъ корабли и шлютъ въ Янсекиянь. За 16-ть миль до Шанхая, въ Вусунъ, стоитъ цѣлый флотъ, такъ-называемыхъ опиумныхъ судовъ. Тамъ складочное мѣсто отравы. Другія суда привозятъ и сгружаютъ, а эти только сбываютъ грузъ. Торгъ этотъ запрещенъ, даже проклятъ китайскимъ правительствомъ: но что толку въ проклятіи безъ силы? Въ таможенно опиума, разумѣется, не повезутъ, но если кто провезетъ тайкомъ, тому, кромѣ огромныхъ барышей, ничего не достается.

Мало толку правительству и отъ здѣшней таможни, даромъ, что таможенные чиновники засѣдаютъ въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдалъ прежде Будда, т.-е., въ кумирнѣ. Ки-

тайцы съ жадностью кидаются на опиумъ и быстро сбываютъ товаръ внутрь. Китайское правительство имѣетъ право осматривать товаръ на судахъ только тогда, когда увѣрено, что найдетъ его тамъ. А оно никогда не найдетъ, потому что подкупленные агенты всегда умѣютъ заблаговременно предупредить хозяина, и грузъ бросать въ рѣку, или свезуть: тогда правительство, за фальшивое подозрѣніе, не раздѣляется съ иностранцами, и оттого осмотра никогда не бываетъ. Англійское правительство оправдывается тѣмъ, что оно не властно запретить сѣять въ Индіи макъ, а присматривать-де за неводвореніемъ опиума въ Китаѣ—не его дѣло, а обязанность китайскаго правительства. Это говорить то же самое правительство, которое участвуетъ въ святомъ союзѣ противъ торга неграми!

Но что понапрасну бросать еще одинъ слабый камень въ зло, въ которое брошена бесполезно тысяча? Не странно ли: дѣло такъ ясно, что и спору не подлежитъ; обвиняемая сторока молчитъ, сознавая преступленіе, и судъ изречень, а приговора исполнить некому!

Безстыдство этого скотололюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ! Другой примѣръ меркантильности англичанъ еще разительнѣе: не будь у каффровъ ружей и пороха, англичане одною войною навсегда положили бы предѣлъ ихъ грабежамъ и возмущеніямъ. Поэтому и запрещено, подъ смертною казнью, привозить имъ порохъ; между тѣмъ каффры продолжали дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Долго не подозрѣвали, откуда они берутъ военные припасы: да однажды, на пути отъ одного изъ портовъ, взорвало нѣсколько ящиковъ съ порохомъ, который везли, вмѣстѣ съ прочими товарами, къ каффрамъ—*съ англійскихъ* же судовъ! Они возили это угощеніе для своихъ же соотечественниковъ: это ужъ—изъ рукъ вонъ—торговая нація!

Страшно и сказать вамъ итогъ здѣшней торговли. Тридцать пять лѣтъ назадъ, въ цѣлый Китай привозилось европейцами товаровъ всего на сумму около пятнадцати милліоновъ серебромъ. Изъ этого опіумъ составлялъ немного болѣе четвертой части. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, еще до китайской войны, привозъ увеличился вдвое, т.-е. болѣе, нежели на сумму тридцать милліоновъ серебромъ, и привозъ опіума составлялъ уже четыре пятыхъ, и только одну пятую другихъ товаровъ. Это въ цѣломъ Китай. А теперь гораздо больше привозится въ одинъ Шанхай. Шанхай играетъ безспорно первостепенную роль въ китайской торговлѣ. Онъ возвысился не насчетъ сосѣднихъ городовъ: Амоя, Нингпо и Фу-Чу-Фу; эти мѣста имѣли свой кругъ дѣятельности, свой родъ товаровъ, и все это имѣютъ до сихъ поръ.

Но Кантонъ и Гон-Конгъ не могли не потерять отчасти своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ открылась торговля на сѣверѣ. Многія произведенія сѣвернаго края нашли ближайшую точку отправленія, и притокъ ихъ къ этимъ двумъ мѣстамъ уменьшился. Но опасеніе насчетъ предполагаемаго совершеннаго упадка—не основательно. Заключая въ своихъ стѣнахъ около милліона жителей и не одинъ десятокъ въ подвѣдомственныхъ ему и близлежащихъ областяхъ, Кантонъ будетъ всегда служить рынкомъ для этихъ жителей, которымъ нѣтъ надобности искать работы и сбыта товаровъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ онъ мануфактурный городъ: не легко широкій притокъ товаровъ его къ южному порту поворотить въ другую сторону, особенно когда этотъ портъ имѣетъ еще на своей сторонѣ право старшинства. Гон-Конгъ тоже не падетъ отъ возвышенія Шанхая, а только потеряетъ нѣсколько, и потерялъ уже, какъ складочное мѣсто: теперь многія суда обращаются непосредственно въ Шанхай, тогда какъ прежде обращались, съ грузами, или за грузами, въ Гон-Конгъ.

Причины возвышенія Шанхая заключаются въ выгод-

номъ его географическомъ положеніи на огромной рѣкѣ, на которой выше его лежитъ нѣсколько многочисленныхъ торговыхъ мануфактурныхъ городовъ, между прочимъ, Нанкинъ и Сучеу-Фу. Шанхай самъ по себѣ ничтожное мѣсто по народонаселенію; въ немъ всего (было до осады) до трехъ сотъ тысячъ жителей: это мало для китайскаго города, но онъ служилъ торговымъ предметемъ этимъ городамъ, и особенно предметямъ, гдѣ родится лучший шелкъ и чай—двѣ самыя важныя статьи, которыми пока раслачивается Китай за бумажныя, шерстяныя и другія европейскія и американскія издѣлія. Только торговля опиумомъ производится на звонкую, больше на серебряную монету.

Одинъ изъ новыхъ путешественниковъ, именно г. Нопичъ, сдѣлавшій путешествіе вокругъ свѣта на датскомъ корветѣ *Галатя*, подъ командою г. Стенъ-Билля, издалъ въ особой книгѣ собранныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Это добросовѣстный и полезный трудъ. Хотя Нопичъ былъ въ Китаѣ въ 1847—1848 годахъ, а съ тѣхъ поръ торговая статистика много измѣнилась, особенно въ итогахъ; но нѣкоторые общіе выводы и данныя сохраняютъ силу до сихъ поръ. Между прочимъ нельзя не привести дѣльнаго его совѣта: при отправленіи товаровъ въ Китай, строго сообразоваться со вкусомъ и привычками китайцевъ: сукна, наиримѣръ, и прочія подобныя издѣлія, должны быть изготовляемы по любимымъ ихъ образцамъ, извѣстныхъ цвѣтовъ, извѣстной мѣры. Онъ даже даетъ мелочныя, но полезныя наставленія, какъ укладывать матеріи, какими ярлыками снабжать и т. п. Совѣтуетъ еще не потчивать китайцевъ образчиками, съ общаніемъ, если понравится товаръ, привезти въ другой разъ: «китайцы», говоритъ онъ: «любятъ, увидѣвши вещь, купить тотчасъ же, если она приходится по вкусу».

Теперь, по случаю волнений въ Китаѣ, торговля стонетъ, кризисъ въ полномъ разгарѣ. Далекъ отзовется этотъ ударъ,

нанесенный торговлѣ; его, какъ ударъ землетрясенія, почувствуютъ Гон-Конгъ, Сингапуръ, Индія, Англія и Соединенные Штаты. Хотя торгъ, особенно опіумомъ, не прекратился, но всѣ китайскіе капиталисты разобѣжались, ушли внутрь, и сбытъ производится дѣшво, сравнительно съ прежнимъ, и все-таки громадно само-по-себѣ. Въ самомъ Шанхаѣ лавки и дома заперты, богатые купцы выбрались, а оставшіеся заплатили контрибуцію инсургентамъ. Одинъ изъ этихъ купцовъ оказался католикомъ и былъ обложенъ пошлиною въ восемьдесятъ тысячъ испанскихъ піастровъ; но дѣло кончилось, кажется, на шести или семи тысячахъ.

Суда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, продолжаютъ подвозить товары въ городъ и окрестности, мимо таможи. Таутай, однакожъ, протестовалъ противъ явнаго нарушенія таможенныхъ правилъ и отнесся къ англійскому консулу, требуя уплаты пошлины. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право мѣстная власть требовать пошлины, когда она не въ силахъ ограждать торговлю, о которой купцы должны заботиться сами. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе дѣла оставлено до конца войны, а конца войны не предвидится, судя по началу; по крайней мѣрѣ, шанхайская война скоро не кончится.

Въ Нанкинѣ, лежащемъ выше на Янсекіянѣ, теперь главный пунктъ инсурентовъ. Тамъ же живетъ и главный начальникъ ихъ, и вмѣстѣ претендентъ на престолъ, Тайпинъ-Ванъ. Нанкинскіе инсургенты считаютъ Шанхай слишкомъ ничтожнымъ пунктомъ, и оттого не посылаютъ туда подкрѣпленія. Французскій полномочный, Бурбулонъ, ѣздивъ со свитою на пароходѣ въ Нанкинъ: Тайпинъ-Ванъ не принялъ его, а предоставилъ видѣться съ нимъ своему секретарю. На вопросъ француза, какъ намѣрено дѣйствовать новое правительство, если оно утвердится, Тайпинъ-Ванъ отвѣчалъ, что подданные его, *какъ христіане*, приходятся европейцамъ братьями и будутъ дѣйствовать въ

томъ смыслѣ, но что обязательствами себя никакими не связываютъ. Тотъ такъ и воротился, съ чѣмъ поѣхалъ. Но ствѣтъ этотъ принятъ европейцами глубоко къ свѣдѣнію. Вся эта возставшая сволочь объявляетъ себя христіанами. Христіанство это водворено протестантами или пробравши-шися съ востока несторіанами, и смѣнялось съ буддизмомъ.

Впрочемъ, оно пробирается туда всѣми возможными путями. И знаете ли, что содѣйствуетъ его водворенію? религіозный индифферентизмъ китайцевъ! У нихъ нѣтъ фанатизма, они не заразились имъ даже отъ буддистовъ. Ученіе Конфуція—не религія, а просто обиходная нравственность, практическая философія, не мѣшающая никакой религіи. Католическое духовенство, правда, не встрѣтитъ въ массѣ китайскаго народа той нылкости, какой оно требуетъ отъ своихъ послѣдователей, развѣ этотъ народъ перевозни-тается совсѣмъ, но этого долго ждать: зато не встрѣтитъ, и не встрѣчаетъ, до сихъ поръ, и фанатическаго сопроти-вленія, а только лѣнивое, систематическое противодѣйствіе со стороны правительства, какъ политическую предосто-рожность.

Практическому и промышленному духу китайцевъ, ка-жется, болѣе по плечу духъ протестантской, нежели като-лической проповѣди. Протестанты начали торговлей и при-вели нанослѣдкомъ религію. Китайцы обрадовались первой и незамѣтно принимаютъ вторую, которая ни въ чемъ имъ не мѣшаетъ. Католики, напротивъ, начинаютъ религіей и хо-тятъ преподавать ее сразу, со всею ея чистотою и безко-рыстнымъ поклоненіемъ, тогда какъ у китайцевъ не было до сихъ поръ ничего, похожаго на религіозную идею. Есть у нихъ, правда, поклоненіе небеснымъ духамъ, но это по-клоненіе не только не вмѣняется въ долгъ народной массѣ, по составляетъ, какъ я уже, кажется, замѣтилъ однажды, привилегію и обязанность только богдыхана.

Мнѣ въ Шанхаѣ подарили три книги на китайскомъ

языкъ: новый завѣтъ, географію и езоповы басни—это работа протестантскихъ миссіонеровъ. Они переводятъ и печатаютъ книги въ Лондонѣ—страшно сказать, въ какомъ числѣ экземпляровъ: въ милліонахъ, привозятъ въ Китай и раздаютъ даромъ. Мнѣ называли имя англійскаго богача, который пожертвовалъ, вмѣстѣ съ другими, огромныя суммы на эти изданія. Медгоретъ—однѣ изъ самыхъ дѣятельныхъ миссіонеровъ: онъ живетъ тридцать лѣтъ въ Китаѣ и безпрерывно подвизается въ пользу распространенія христіанства: переводитъ европейскія книги на китайскій языкъ, ѣздитъ изъ мѣста на мѣсто. Онъ теперь живетъ въ Шанхаѣ. Наши синологи были у него и приобрѣли много изданныхъ имъ книгъ, довольно рѣдкихъ въ Европѣ. Нѣкоторые онъ имъ подарилъ.

Одно заставляетъ бояться за успѣхъ христіанства: это соперничество между распространителями; оно, къ сожалѣнію, отчасти уже существуетъ. Католическіе миссіонеры запрещаютъ своимъ ученикамъ имѣть книги, издаваемыя протестантами, которые привезли и роздали, между прочимъ, въ Шанхаѣ нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ изданій. Изданія эти достались, болѣею частью, китайцамъ-католикамъ, и они принесли ихъ своимъ наставникамъ, а тѣ сожгли.

Былъ ужъ седьмой часъ, когда я и К. стали собираться обѣдать къ американскому консулу. Надо было бриться, одѣваться, и все это въ холодѣ, въ тѣснотѣ, на бивуакахъ. «Вы, вѣрно, мои бритвы взяли?» скажетъ мнѣ К., шаря по всѣмъ угламъ.—«Нѣтъ, не бралъ; а вотъ вы не надѣли ли мои сапоги: я что-то не вижу ихъ? Тутъ ихъ цѣлая куча лежала, а теперь нѣтъ». Тяжело, кажется, безъ слуги, доставать платье изъ глубины туго набитаго чемодана.—«Ну, ужъ эти путешествія!» слышится изъ сосѣдней комнаты, гдѣ такой же труженникъ, какъ мы, собирался тоже на обѣдъ, и собственноручно, охая, со стономъ, чиститъ фракъ. Щетка

вырывается изъ непривычныхъ рукъ, вмѣстѣ съ платьемъ, и, сопровождаемая бранью, падаетъ на полъ.

Мы пришли въ самую пору, т.-е. послѣдніе. Въ гостиной собралось человѣкъ восемь. Кромѣ насъ четверыхъ, или пятерыхъ, тутъ были командиры англійскихъ и американскихъ судовъ, и еще какіе-то негоціанты, да молодые люди, служащіе въ конторѣ Каннингама, тоже будущіе негоціанты.

Столъ былъ заставленъ блюдами. — «Кому ѣсть всю эту массу мясъ, птицъ, рыбъ?» — вотъ вопросъ, который представится каждому, не-англичанину и не-американцу. Но надо знать, что въ Англии и въ Соединенныхъ Штатахъ для слугъ особеннаго стола не готовится; они ѣдятъ то же самое, что и господа, оттого нечего удивляться, что чуть не цѣлые быки и бараны подаются на столъ.

Кругомъ по столу ходили постоянно три графина, съ портвейномъ, хересомъ, мадерой, и останавливались на минуту передъ каждымъ гостемъ. Всякій палъетъ себѣ, чего ему вздумается. Шампанское человѣкъ разносилъ въ теченіе цѣлаго обѣда и паливалъ сейчасъ же, какъ только замѣтитъ у кого-нибудь пустую рюмку. — «Г. Каннингамъ желаетъ выпить съ вами рюмку вина», сказалъ, чисто по-англійски, наливая мнѣ шампанскаго, китаецъ, одѣтый очень порядочно и похожій, въ своемъ костюмѣ, немного на нашихъ богатыхъ ярославскихъ бабъ. Онъ говорилъ это почти каждому гостю. Выпить съ кѣмъ-нибудь рюмку вина — значить поднять свою рюмку, показать ее тому, съ кѣмъ пьешь, а онъ покажетъ свою, потомъ оба кивнутъ другъ другу и выпьютъ. Черезъ минуту сосѣди мои стали пить со мной по рюмкѣ, а тамъ пошло наперекрестъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ.

Это была бы суцная напасть для пеньющихъ, если бы надо было выпивать по цѣлой рюмкѣ, но никто не обязывается къ этому. Надо только налить, или долить рюмку, а выпить можно хоть каплю.

Вино у Каннингама, разумѣется, было прекрасное; ему привозили изъ Европы. Вообще же въ продажѣ въ этихъ мѣстахъ, т.-е. въ Сингапурѣ, Гон-Конгѣ и Шанхаѣ, вина никуда не годятся. Хересъ, мадера и портвейнъ сильно приправлены алкоголемъ, заглушающимъ ибъжный букетъ винъ Пиринейскаго полуострова. Да ихъ болъшею частью возятъ не оттуда, а съ мыса Доброй Надежды. Шампанское идетъ изъ Америки, и просто никуда не годится. Это американское шампанское свирѣпствуетъ на Сандвичевыхъ островахъ, и вотъ теперь проникло въ Китай.

Все убрали, кромѣ вина, и поставили десертъ: все то же, что въ трактирѣ, т.-е. гранаты, сухія фиги или жужубы, орѣхи, мандарины, пампль-муссъ и, наконецъ, тѣ маленькіе апельсины или померанцы, которые я такъ неудачно попробовалъ на базарѣ.—«Развѣ это ѣдятъ?» спросилъ я своего сосѣда.—«Yes, o yes!» отвѣчалъ онъ, взявъ одинъ померанецъ, срѣзалъ верхушку, выдавилъ всю внутренность, съ косточками, на тарелку, а пустую кожу съѣлъ.—«Что такое, развѣ это хорошо?»—«Попробуйте!»—Я попробовалъ: кожа сладкая и ароматическая, между тѣмъ какъ внутри кисло. Все навыворотъ: у фруктовъ ѣдятъ кожу, а внутренность бросаютъ!

Я далъ сильный промахъ и едва-едва поправился. Подали кофе и сигары. «Мнѣ очень нравятся англійскіе обычаи», сказалъ я: «по окончаніи обѣда остаются за столомъ, ѣдятъ фрукты, пьютъ вино, курятъ и разговариваютъ...»—«У англичанъ не курятъ», живо перебилъ мой сосѣдъ: «это нашъ обычай». Я смотрю на него, что онъ такое говорить. Я попался: онъ не англичанинъ, я въ гостяхъ у американцевъ, а хвалю англичанъ. Сидѣвшій напротивъ меня Б. К. закашлялся своимъ смѣхомъ. Но кто жъ ихъ разберетъ: говорить, молятся, ѣдятъ одинаково и одинаково ненавидятъ другъ друга!

Послѣ обѣда насъ повели въ особня галереи играть на

бильярдѣ. Хозяинъ и нѣкоторые гости, узнавъ, что мы собираемся играть русскую, пятишаровую партію, пришли было посмотреть, что это такое, но какъ мы съ П., въ теченіе полчася, не сдѣлали ни одного шара, то они постояли, да и ушли, составивъ себѣ, вѣроятно, не совсѣмъ выгодное понятіе о русской партіи.

Третій, пятый, десятый, и такъ далѣе, дни текли однообразно. Мы читали, гуляли, разсѣянно слушали палубу инсургентовъ и имперіалистовъ, обѣдали три раза въ день, передѣлали всѣ свои дѣла, отправили почту, и между прочимъ, адмиралъ отправилъ курьеромъ въ Петербургъ лейтенанта Кроуна, съ донесеніями, образчиками товаровъ и прочими результатами нашего путешествія до сихъ мѣстъ. Стало скучно. Куда бы нибудь въ другое мѣсто пора! твердили мы. Всѣхъ здѣсь знаемъ и всѣ знаютъ насъ. Со всѣми кланяемся и разговариваемъ.

Утромъ, 6-го декабря, въ самый зимній и самый великолѣпный солнечный день, съ 15^о тепла, собрались мы четверомъ гулять на цѣлый день: О. А., В. А. К., П—ть и я. Мы долго шли берегомъ до самаго дока, противъ котораго стояла шкуна. На плоту переѣхали рукавъ Вусуна, тамъ же переѣзжало много китайцевъ на другомъ плоту. Какой-то старій купецъ хотѣлъ прыгнуть къ намъ на плотъ, когда эгозь отвалилъ уже отъ берега, но не попалъ и бухнулся въ воду, къ общему удовольствію собравшейся на берегу публики. Старикъ держалъ за руку сына, или внука, мальчика лѣтъ семи: и тотъ упалъ. «Тата, тата!» (тятя) кричалъ онъ въ водѣ. П—ть, нылкій мой сосѣдъ, являющійся всегда, когда надо помочь кому-нибудь, явился и тутъ и вытащилъ мальчика, а другіе—старика.

Мы заѣхали на шкуну. Тамъ, у борта, застали большую китайскую лодку, съ разными бездѣлками: рѣзными вещами изъ дерева, вазами, тростями изъ бамбука, каменными изваяніями идоловъ и т. п. Я хотя и старался пройти мимо

искушенія, закрывъ глаза и уши, однако купилъ этихъ пу-
стиковъ долларовъ на десять. Мы слегка позавтракали на
пикунѣ и, воротись на берегъ, прошли чрезъ докъ. Докъ
безъ шлюзы, а просто съ проходомъ, который закладывается
иломъ, когда судно выустять туда; а надо выпустить—иль
выкидывается на берегъ, въ кучу: работа не легкая! Но что
значить трудъ для китайцевъ. Докъ принадлежитъ частному
человѣку, англичанину, кажется. Большое пространство около
дока завалено камфарными деревьями, необыкновенно длин-
ными и толстыми. Этотъ лѣсъ идетъ на разныя корабель-
ныя надобности.

Оттуда мы вышли въ слободку, окружающую докъ, и по
узенькой улицѣ, наполненной лавчонками, дымящимися хар-
чевнями, толпичимся, продающимъ, покупающимъ народомъ,
вышли на рѣчку, прошли чрезъ съѣстной рынокъ, кое-гдѣ
останавливаясь. Видѣли какіе-то неизвѣстные намъ фрукты,
или овощи, темные, сухіе, немного похожіе видомъ на каш-
таны, но съ рожками. О. А. указалъ еще на орѣхи, назы-
вая ихъ «водяными грушами».

В. А. К., который способенъ вѣсть все, не морщась, что
попадетъ подъ руку — китовину, свуча, что хотите, про-
буетъ все съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и не нахвалится.
Много разныхъ подобныхъ лакомствъ, орѣховъ, пряниковъ,
пастилъ и т. п. продается на китайскихъ улицахъ.

Съ рѣчки мы повернули направо и углубились въ поля.
Точно залы, а не нивы. Мы шли по маленькимъ, возвы-
шающимся надъ нивами тропинкамъ, которыя разграничи-
ваютъ поля. На межахъ растутъ большія деревья. Дере-
вень нѣтъ, все фермы. Каждый крѣстьянинъ живетъ отдѣльно
въ огороженномъ домѣ, среди своего поля, которое и обра-
батываетъ. Похоже на Англію. На многихъ поляхъ видѣли
надгробные памятники, то черезчуръ простые, то слишкомъ
затѣливые. Больше всего квадратные, или продолговатые
камни, а на одномъ полѣ видѣли изваянныя, изъ блага

камня, груши лошадей и всадниковъ. Грубо сдѣлано. Надо вспомнить, что и за артисты работаютъ эти вещи!

Пробираясь черезъ большое поле гуськомъ, по узенькой тропинкѣ, мы вдругъ остановились всѣ четверо. Вдали шла процессія: носильщики несли... сундукъ не сундукъ — «гробъ», сказалъ кто-то. Мы бросились въ ту же сторону: она остановилась на одномъ полѣ. За гробомъ шло нѣсколько женщинъ, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ платьяхъ, повязанныхъ бѣлыми же платками, нѣсколько дѣтей и собака. Носильщики поставили гробъ, женщины выли, или «вошили», какъ говорятъ у насъ въ деревняхъ. Четыре изъ нихъ дѣлала это равнодушно, какъ-будто по долгу приличія, а можетъ-быть, онѣ были и нанятыя плакальщицы; зато пятая, пожилая, заливалась горькими слезами. Тѣ, замѣтя насъ, застыдились и понизили голоса; дѣти робко смотрѣли на гробъ, собака съ повисшимъ хвостомъ, увидя насъ, тихо заворчала. Пятая женщина не обращала ни на что вниманія; она была поглощена горемъ. Рыдая, она что-то приговаривала; мы, конечно, не понимали словъ, но языкъ скорби одинъ вездѣ. Она бросалась на гробъ, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потомъ, со стономъ, начинала опять свою плачевную пѣснь. Тяжело было смотрѣть: мы еще скорѣе пошли прочь, не жели пришли, но насъ далеко провожалъ голосъ ея, прерываемый всхлипываніями и рыданіями. На мѣстѣ, гдѣ поставили гробъ, не было могилы. Китайцы сначала оставляютъ гробы просто, иногда даже открытыми, и потомъ уже хоронятъ.

Мы шли по полямъ, засѣянными разными овощами. Фермы разсѣяны саженьхъ во ста пятидесяти или двухстахъ другъ отъ друга. Заглядывали въ дома; «чинь-чинь» говорили мы жителямъ: они улыбались и просили войти. Изъ дверей одной фермы выглянулъ китаецъ, сѣдой, въ очкахъ, съ огромными круглыми стеклами, державшихся только на носу.

Въ рукахъ у него была книга. О. А. взялъ у него книгу, снялъ съ его носа очки, надѣлъ на свой, и сталъ читать вслухъ по-китайски, какъ по-русски. Китаецъ и ротъ разинулъ. Книга была—Конфуцій.

Мы пошли обратно къ городу, повременамъ останавливаясь и любясь яркой зеленью посѣвовъ и правильно изрѣзанными полями, засѣянными рисомъ и хлопчато-бумажными кустарниками, которые очень некрасивы безъ бумаги: просто сухіе, черные прутья, какіе остаются на выжженномъ мѣстѣ. Голоногіе китайцы, стоя по колѣно въ водѣ, вытаскивали пучки рисовыхъ колосевъ и пересаживали ихъ на другое мѣсто.

Въ предмѣстьи мы опять очутились въ чаду китайской городской жизни; опять охватили насъ разные запахи, въ ушахъ раздавались крики разносчиковъ, трещанье и шипѣнье кухни, хлопанье на бумаго-прядильняхъ. Ахъ, какая духота! вонь, вонь, скорѣй на чистоту, мимо интересныхъ сценъ! Однакожъ, я успѣлъ замѣтить, что у одной лавки купецъ, со всѣми признаками нѣги, сидѣлъ на улицѣ, зажмуривъ глаза, а жена чесала ему сѣдую косу. Другіе у лавокъ ѣли, брились.

Подходя къ перевозу, мы остановились посмотреть пре-любопытную машину, которая качала изъ бассейна воду вверхъ на террасы, для орошенія полей. Это — длинная, движущаяся на своей оси лѣстница, ступеньки которой загребали воду и тащили вверхъ. Машину приводила въ движеніе корова, ходя по вороту кругомъ. Здѣсь, какъ въ Японіи, говядину не ѣдятъ: не достало бы мѣстъ для пастбищъ; скота держать столько, сколько пужно для работы, отъ этого и коровы не избавлены отъ ярма.

Мы скучно и безопасно жили до 15-го декабря, какъ вдругъ получены были съ почтой извѣстія о близкомъ разрывѣ съ западными державами. Съ-часу-на-часъ ждали парохода съ ост-индской почтой; и если бъ она пришла съ

пзвѣстіемъ о войнѣ, нашу шкуну могли бы захватить англійскія военныя суда. Нашъ 52-пушечный фрегатъ и 20-пушечный корветъ, конечно, сильнѣе здѣшнихъ судовъ, но они за 90 миль, а въ Вусунъ войти, по мелководью, не могутъ. Командиру шкуны и бывшимъ въ Шанхаѣ офицерамъ отдало было приказаніе торопиться къ Saddle-Islands, для соединенія съ отрядомъ. Мнѣ предоставлено на волю: остаться, или воротиться потомъ на китайской лодкѣ. Это крытыя и большія лодки, изъ бамбука, гладкія, лакированныя, съ рѣзбой и разными украшеніями. Но ѣхать на нихъ девишосто миль—мученье: тѣсно и безпокойно, да и окатить соленой водой не одинъ разъ.

Я не зналъ, на что рѣшиться, и мрачно сидѣлъ на своемъ чемоданѣ, пока товарищи мои шумно выбирались изъ трактира. Кули приходили и выходили, таская поклажу. Всѣ ушли; девятый часъ, а шкунѣ въ 10-мъ часу велѣно уйти. Многие изъ нашихъ объѣдаютъ у Каннингама, а другіе отказались, въ томъ числѣ и я. Это прощальный обѣдъ. Наконецъ, я быстро собрался, позвалъ писаря нашего, который жилъ въ трактирѣ, для перешски бумагъ, велѣлъ привести двухъ кули, и мы отправились.

Они на толстой бамбуковой жерди, съ большими крашенными фонарями, понесли мой чемоданъ, покрикивая: «аа-аа-аа». Я и писарь едва успѣвали слѣдовать за ними. Пришли къ пристани: темнота; ни души тамъ, ни одной лодки. Кули крикнувъ: изъ кучи джонокъ слабо отозвался кто-то и замолчалъ, но никто не ѣхалъ. Кули обернулся въ другую сторону и крикнувъ громче. Около одного судна слышалась возня и зашевелилось весло: плыва лодка. Въ это же время слышалось сильное движеніе весель и отъ джонокъ. Наконецъ, мы поѣхали; все темно; только рѣка блистала отъ звѣздъ, какъ стекло. Мы черезъ полчаса едва добрались до шкуны. Вдали, въ городѣ, попаливали.

На шкунѣ биткомъ набито народу: нѣксторымъ и съестъ

было негдѣ. Но въ Вусунѣ многіе отдѣлились на транспортъ и стало посвободнѣе. Спали на полу, по каютамъ, по лавкамъ — вездѣ, гдѣ только можно. Я легъ въ капитанской каютѣ, гдѣ горой лежали ящики, узлы, чемоданы. Бараны и куры, натисканные въ клеткахъ, крикомъ безпрестанно напоминали о себѣ. Между ними была пара живыхъ фазановъ, которые, вѣроятно, въ первый разъ попали въ такое демократическое общество. Противъ меня лежалъ О. А. Онъ, видно, разсуждалъ о чемъ-нибудь, хотѣлъ, кажется, сказать что-то, да не успѣлъ и заснулъ. На лицѣ осталось раздумье, ротъ отворенъ, онъ опирается на локоть и табакерка въ рукѣ. — «Непремѣнно упадетъ», думалъ я: «лишь только качнетъ посплывѣе». А покачивало. Я все ждалъ, какъ это случится, да и самъ заснулъ. Вприсонкахъ видѣлъ, какъ пришелъ К., посмотрѣлъ на насъ, на оставленное ему мѣсто, втрое меньше того, что ему нужно по его росту, подумалъ и легъ, положивъ ноги на полъ, а голову куда-то, кажется, на полку. Пришелъ П. А. Т., учтиво попросилъ у насъ позволенія лечь на полу! «надѣюсь, что вы позволите мнѣ», началъ онъ, по своему обыкновенію, краснорѣчиво: «занять мѣстечко: я не намѣренъ никого обременять, но въ подобномъ случаѣ тѣснота неизбежна, и потому» и т. д. Ему никто не отвѣтилъ, всѣ спали или дремали; онъ вздохнулъ, разостлалъ какую-то кожу, потомъ свое пальто, и легъ съ явнымъ прискорбіемъ. Утромъ онъ горько жаловался мнѣ, что мое одѣяло падало ему на голову и щекало по лицу.

Лишь только вышли за баръ, въ открытое море, Г/ отдавъ обычную свою дань океану; глядя на него, то же сдѣлалъ, съ великимъ неудовольствіемъ, О. А. Изъ неморяковъ меня только одного ни разу не потревожила морская болѣзнь: я не испыталъ и не понималъ ее.

Къ вечеру мы завидѣли наши, качающіяся на рейдѣ суда, а часовъ въ семь бросили якорь и были у себя—

дома. Дома! Чтò называется иногда домоу? Какая на-
смѣшка!

Прощайте. Не стѣуйте, если это письмо покажется вамъ
вяло, скучно наблюденьями, или фактами, и сухо: пеняйте
столько же на меня, сколько и на Инсекіянъ и его берега:
они тоже скудны и не занимательны, нельзя сказать только
сухи: не мудрено, что они такъ отразились и въ моемъ
письмѣ.

III.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНИИ.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки.—Салютъ.—Полномочные и оба губернатора.—Привѣтствія; обѣдъ; разговоры.—Междометія.—Посѣщеніе полномочными фрегата.—Встрѣча; обѣдъ.—Подарки.—Японскія сабли.—Парадный приѣмъ и обѣдъ у японцевъ.—Подарки отъ сіюгуна.—Письма отъ верховнаго совѣта.—Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій.—Японскій новый годъ.—Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ.

Опять нагасакискій рейдъ.

Четверо сутокъ шли мы назадъ, отъ Saddle-Islands *домой*—такъ называли мы Нагасаки, гдѣ обжились въ три мѣсяца, какъ дома, хотя и рассчитывали придти въ два дня. Но мы не рассчитывали на противный вѣтеръ, а онъ продержалъ насъ часовъ сорокъ почти на одномъ мѣстѣ. На этомъ коротенькомъ переходѣ не случилось ничего особеннаго. Я не упоминаю о качкѣ: и это не особенное въ морѣ. Въ концѣ четвертыхъ сутокъ увидѣли острова Гото, потому

все скрылось въ темнотѣ. До сихъ поръ хлопотали, какъ бы скорѣе придти, а тутъ начали стараться не приходить скоро. Убавили парусовъ, и стали дѣлать около пяти миль въ часъ, чтобы у входа быть не прежде разсвѣта. Мы незамѣтно подкрались въ Нагасаки.

Рано утромъ услыхалъ я шумъ, топотъ; повременамъ мелькала въ мое окошечко облитая солнцемъ зеленая вершина знакомаго холма. Оаддеевъ принесъ чай и сказалъ, что японецъ пріѣзжалъ ужъ съ бумагой, съ которой, по формѣ, является на каждое иностранное судно. — «Да мы на якорѣ, что ли?» спросилъ я. — «Никакъ нѣтъ еще». — «Вѣдь мы на рейдѣ?» — «Точно такъ». — «Зачѣмъ же дѣло стало?» — «Лавируемъ: противный вѣтеръ, не подошли съ полверсты». Но вотъ и дошли, вотъ раздалась команда: «изъ бухты вонъ!» потомъ «якорь отдать!» Стали; я вышелъ на палубу.

Немного холодно, какъ у насъ въ сентябрьскій день съ солнцемъ, но тихо. Нагасакскій ковшъ синѣетъ, какъ само небо; вода чуть-чуть плещется. Холмы тѣ же, да не тѣ: бурые, будто выжженные солнцемъ. Такіе точно въ прошломъ году, мѣсяцемъ позже, явились мнѣ горы Мадеры. И здѣсь, какъ тамъ, молодая зелень проглядываетъ мѣстами, но какая разница! Тамъ цвѣтущіе сады, плющъ и виноградъ вьются фестонами по стѣнамъ, цвѣты стыдливо выглядываютъ изъ-за заборовъ, въ январѣ вѣетъ теплый воздухъ, растворенный кишарисомъ, миртомъ и геліотропомъ; тамъ храмы, виллы, вино, женщины—полная жизнь! Здѣсь—огороды съ рѣдькой и морковью, заборы, но безъ цвѣтовъ, деревянныя кумирни, а не храмы, вмѣсто вина—саки; есть и женщины, но какія? Первая страница жизни—и вдобавокъ холодъ!

Опять пошло непрежнему. Вотъ и японцы ѣдутъ: баніосы: съ ними Съоза. Они пріѣхали поздравить съ пріѣздомъ. Поговоривъ съ Ц—мъ въ капитанской каютѣ, яви-

лись на ютъ къ адмиралу, съ почтеніемъ. Ойе-Саброски, съ дѣтскимъ личикомъ своимъ, былъ тутъ старшій. Присѣвъ передъ адмираломъ, онъ ужъ искалъ вокругъ глазами, какъ бы спалить что-нибудь. — «А! Г! Х!» закричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ, увидѣвъ меня, и засмѣялся; но его остановилъ серьезный вопросъ: «тутъ ли полномочные?» — «Будутъ чрезъ три дня», отвѣчалъ онъ чрезъ Сьозу. — «Если не будутъ», приказано было прибавить: «мы идемъ, куда располагали, въ Едо. Время дорого и терять его не станемъ. Полномочные, можетъ-быть, ужъ здѣсь, да вы не хотите намъ сказать». — «Нѣтъ, ихъ нѣтъ», начали они увѣрять. Угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они сейчасъ же скрылись.

Вечеромъ я читалъ у себя, въ каютѣ: слышу, за стѣной какъ будто колютъ лучину. — «Что тамъ?» спрашиваю. — «Да японцы тутъ». — «Опять? Кто жъ это лучину ломаетъ?» — Это разговариваетъ Кичибе. Я пошелъ въ капитанскую каюту и засталъ тамъ Эйноске, Кичибе, старшаго изъ баніосовъ, *Хагивари Матаса*, опять Ойе-Саброски, и еще двухъ подставныхъ: все знакомыя лица. — «Здравствуй, Эйноске! здравствуй, Кичибе!» Кичибе загорланилъ мое имя, Эйноске подавъ руку, Ойе засмѣялся, а Хагивари потупился, какъ быкъ, и подавъ мнѣ кулакъ. Тутъ же былъ и тотъ подставной баніосъ, который однажды такъ ласково, какъ добрая тетка, смотрѣлъ на меня.

Ихъ повели къ адмиралу. — «Губернаторы приказали кланяться и поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ», сказалъ Хагивари. Кичибе четыре раза повернулся на стулѣ, крикнулъ и началъ давиться смѣхомъ, произнося каждый слогъ отдѣльно. — «Благодарите губернаторовъ за вниманіе», отвѣчали имъ. Кичибе перевелъ отвѣтъ: всѣ четыре бритыя головы баніосовъ наклонились разомъ. Опять Хагивари сказалъ что-то. — «Ихъ превосходительства, губернаторы, приказали освѣдомиться о здоровьѣ», переводилъ Кичибе. — «Благодарите. Надѣмся, что и они здоровы», приказано

отвѣчать. Поклонъ и отвѣтъ:—«совершенно здоровы».—«Губернаторы желаютъ», продолжалъ Кичибе: «чтобы впредь здоровье полномочнаго было удовлетворительно». Имъ пожелали того же самаго.

Богъ знаетъ, когда бы кончился этотъ разговоръ, если бы баніосамъ не подали наливки и не повторили вопросъ: «тутъ ли полномочные?» Они объявили, что полномочныхъ нѣтъ и что они будутъ, не чрезъ три дня, какъ ошибкой сказали намъ утромъ, а чрезъ пять, и притомъ эти пять дней надо считать съ 8 или 9-го декабря... Имъ не дали договорить.—«Если въ субботу», сказано имъ (а это было въ среду), «они не приѣдутъ, то мы уйдемъ». Они стали торговаться, упрасивать подождать только до ихъ приѣзда, «а тамъ дѣлайте, какъ хотите», прибавили они.

Очевидно, что губернатору велѣно удержать насъ, и онъ ждалъ вышнихъ лицъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность во всемъ, что бы мы ни предприняли. Впрочемъ, положительно сказать ничего нельзя: можетъ-быть, полномочные и дѣйствительно тутъ—какъ добраться до истины? всѣ средства къ обману на ихъ сторонѣ. Они могутъ сказать намъ, что одинъ какой-нибудь полномочный заболѣлъ въ дорогѣ и что трое не могутъ начать дѣла безъ него и т. п.—повѣрить ихъ невозможно.

Мы еще съ утра потребовали у нихъ воды и провизіи въ такомъ количествѣ, чтобъ намъ стало надолго, если бы мы пошли въ Едо. Баніосы привезли съ собой много живности, овощей, фруктовъ и—не ящики, а цѣлые сундуки конфетъ, въ подарокъ отъ губернаторовъ. Имъ замѣтили, что ужъ разъ было отказано въ принятіи подарка, потому что губернаторъ не хотѣлъ самъ принимать отъ насъ ничего. Начались опять упрасиванья. Кичибе вылезалъ совсѣмъ изъ своихъ халатовъ, которыхъ, по случаю зимы, было на немъ до пяти, чтобъ убѣдить, но напрасно. Провизію велѣно было сгрузить назадъ въ шлюпки.

Тогда переводчики попросили позволенія съѣздить къ губернаторамъ, узнать ихъ отвѣтъ. Банюсы остались. Имъ показывали картинки, заводили маленькій органъ, всячески старались занять ихъ, а между тѣмъ губернаторскій подарокъ пирамидой лежалъ на палубѣ. Свиньи, съ связанными ногами, дѣлали отчаянныя усилія встать и издавали пронзительный визгъ; пѣтухи, биткомъ набитые въ плетеную корзинку, дрались между собою, несмотря на тѣсноту; куры неистово кудахтали. По палубѣ носился запахъ чеснока, рѣдьки и апельсиновъ.—«Хи, хи, хи!» твердилъ попрежнему въ каютѣ Кичибе, а Эйноске, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ разспрашивалъ меня англійскимъ ломанымъ языкомъ, гдѣ мы были.—«Въ Китаѣ», сказалъ я.—«Что видѣли?»—«Много, между прочимъ войну инсургентовъ съ империалистами».—«А еще?»—«Еще...» Я зналъ, чего онъ добивается, но мнѣ хотѣлось помучить его.—«Еще американцевъ» сказалъ я.—«Кого же?» живо перебилъ онъ.—«Коммодора Перри...»—«Коммодора Перри?..» повторилъ онъ еще живѣе.—«Не видали, а видѣли капитана американскаго корвета «Саратога»!—«Саратога!..» Все это знакомыя японцамъ имена судовъ, бывшихъ въ Едо.—«Гдѣ жъ Перри? въ Соединенныхъ Штатахъ?» спросилъ онъ, подвинувъ носъ свой почти вплотъ къ моему носу.—«Нѣтъ, не въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Амоѣ».—«Въ Амоѣ?»—«Или въ Нинпо».—«Въ Нинпо?»—«А можетъ-быть и въ Гон-Конгѣ», замѣтилъ я равнодушно.

Черезъ полчаса онъ передалъ этотъ разговоръ Хагивари: я слышалъ названія: «Амой, Нинпо, Гон-Конгъ». Тотъ записалъ.

— Что бы вамъ съѣздить хоть въ Шанхай, — сказалъ я Эйноске: — тамъ бы вы увидѣли образчикъ европейскаго города.

— О, да, — отвѣчалъ онъ: — мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы ѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль обольщаетъ меня.

— Да вотъ въ Россію поѣдемъ, — говорилъ я. — Какіе города, храмы, дворцы! какое войско увидѣли бы тамъ!

— Въ Россію, нѣтъ, — живо перебилъ онъ: — тамъ женщины нѣтъ!

— Кто это вамъ сказалъ? — замѣтилъ я: — какъ женщины нѣтъ: plenty (много)! Да вы женаты?

— Да; у меня есть десятимѣсячная дочка; па-дняхъ ей оспу прививали.

— Такъ что жъ вамъ за дѣло до женщинъ? — спросилъ я. Онъ усмѣхнулся. Каковъ японскій донъ-Жуанъ.

Къ вечеру пришло отъ губернатора согласіе принять подарки. Насчетъ пріѣзда полномочныхъ губернаторъ опять просилъ дать срокъ, вмѣсто субботы, до четверга, прибавивъ, что они имѣютъ полное довѣріе отъ правительства и болѣнія права. Это все затѣмъ, чтобъ заинтересовать насъ ихъ пріѣздомъ. Баніосы сказали, что полномочные имѣютъ до шестисотъ человѣкъ свиты съ собой, и потому ѣдутъ медленно и не всѣ четверо вдругъ, а по одному. На это приказано отвѣчать, что если губернаторъ поручится, что въ четвергъ назначено будетъ свиданіе, тогда мы подождемъ, въ противномъ случаѣ уйдемъ въ Кюдо.

Такое рѣшеніе, повидимому, очень обрадовало ихъ; поэтому можно было заключить, что если не всѣ четверо, то хоть одинъ полномочный да былъ тутъ.

Живо убрали съ палубы привезенныя отъ губернатора конфеты и провизію и занялись распредѣленіемъ подарковъ съ нашей стороны. Въ этотъ вечеръ съ баніосами отправили только подарокъ первому губернатору, Овосавѣ Бунгоно: малахитовые столовые часы, съ группой бронзовыхъ фигуръ, да двѣ хрустальныя вазы. Кромѣ того, послали ликеровъ, хересу и нѣсколько головъ сахару. У нихъ рафинаду нѣтъ, а есть только сахарный песокъ.

Надо было прибрать подарокъ другому губернатору, оппербаніосамъ, двумъ старшимъ и всѣмъ младшимъ переводчи-

камъ, всего человѣкамъ двадцати. Хлопотъ бездна: нужно было перевернуть весь трюмъ на транспортѣ, достать зеркала, сукна, матеріи, карманные часы и т. п., потомъ назначать, кому что. Въ этомъ предстояло немалое затрудненіе: всѣхъ главныхъ лицъ мы знали по имени, а прочихъ нѣтъ; ихъ помнили только въ лицо; оттого въ списки у насъ они значились подъ именами: косога, тощага, рябога, колченогаго, а другіе носили названіе нѣкоторыхъ нашихъ земляковъ, на которыхъ походили. Кое-какъ уладили и это. Дня два возились съ подарками. Другому губернатору подарили трюмо, коврикъ и два разноцвѣтные, комнатные фонаря. Баніосамъ по зеркалу, еще сукна и матеріи на халаты. Никто не былъ забытъ, кто чѣмъ-нибудь былъ полезенъ. Самымъ мелкимъ чиновникамъ, подъ надзоромъ которыхъ возили воду и провизію, и тѣмъ дано было по халату и по какой-нибудь венщицѣ.

Сукна у японцевъ нѣтъ и не всѣ они знаютъ о его употребленіи. Имъ нарочно дарили его, чтобъ они узнавали, что это такое, и привыкали носить. Потребность есть: зимою они носятъ по три, по четыре халата изъ льняной матеріи, которые не замѣняютъ и одного суконнаго. А простой народъ ходитъ, когда солнце грѣетъ, совсѣмъ нагой, а въ холодъ накидываетъ на плечи какую-то тряпицу. Жалко было смотрѣть на бѣдняковъ, какъ они, съ обнаженною грудью, плечами и ногами, тряслись, посинѣлые отъ холода, ожидая часа по три на своихъ лодкахъ, пока баніосы сидѣли въ каютѣ.

Еще дарили имъ зеркала, вмѣсто которыхъ они употребляютъ полированный металлъ, или даже фарфоръ; раздавали картинки, термометры, компасы, дамскіе несесеры, словомъ, все, что могло возбудить любопытство и обратиться въ потребность.

На другой день, 24-го числа, въ рождественскій сочельникъ, погода была великолѣпная: трудно забыть такой день

Небо и море—это одна голубая масса; воздухъ теплый, безъ движенія. Какъ хорошъ Нагасакскій заливъ! и самые Нагасаки, облитые солнечнымъ свѣтомъ, походили на что-то путное. Между бурными холмами кое-гдѣ ярко зеленѣли молодые всходы новаго посѣва риса, пшеницы, или овощей. Поглядишь къ морю—это безконечная лазоревая пелена.

Въ этотъ день, вмѣстѣ съ баніосами, явился новый чиновникъ, по имени *Синоуара Томотиро*, принадлежащій къ свитѣ полномочныхъ и пріѣхавшій будто бы впередъ, а вѣроятнѣе вмѣстѣ съ ними. Всѣ они привезли увѣреніе, что губернаторъ отвѣчаетъ за свиданіе, т.-е. что оно состоится въ четвергъ. И такъ, мы остаемся.

Настала, наконецъ, самая любопытная эпоха нашего пребыванія въ Японіи: завязывается путемъ дѣло, за которымъ прибыли, въ одно время, экспедиціи отъ двухъ государствъ. Мы толкуемъ, споримъ между собой о томъ, что будетъ: вѣрнаго вывода сдѣлать нельзя съ этимъ младенческимъ, отсталымъ, но лукавымъ народомъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ я говорилъ о способѣ ихъ дѣйствія: тутъ, какъ ни знай сердце человѣческое, какъ ни будь опытенъ, а трудно дѣйствовать, по обыкновеннымъ законамъ ума и логики, тамъ, гдѣ нѣтъ ключа къ міросозерцанію, нравственности и нравамъ народа, какъ трудно разговаривать на его языкѣ, не имѣя грамматики и лексикона.

Вчера предупредили японцевъ, что намъ должно быть отведено хорошее мѣсто, но ни одно изъ тѣхъ, которыя они показывали прежде. Они были готовы къ этому объясненію. Хагивари сейчасъ же вынулъ и планъ изъ-за пазухи и указалъ, гдѣ будетъ отведено мѣсто: подлѣ города гдѣ-то.

«Тамъ есть кумирня», прибавилъ онъ: «бонзы на время выберутся оттуда». Кромѣ того, есть домъ, или два, откуда тоже выгоняютъ какихъ-то чиновниковъ. Завтра К. Н. П.—гь, по приказанію адмирала, ѣдетъ осмотрѣть. Губернаторы, кажется, всѣ силы употребляютъ угодить намъ, или, по край-

ней мѣрѣ, показываютъ видѣ, что угрожаютъ. Совсѣмъ противное тому, что было три мѣсяца назадъ! Впечатлѣніе, произведенное въ Едо нашимъ прибытіемъ, назначеніе отсюда, для переговоровъ съ нами, высшихъ сановниковъ и, наконецъ, вѣроятно, данныя губернаторамъ инструкціи, какъ обходиться съ нами — все это много сбавило спеси у ихъ превосходительствъ.

Мы на этотъ разъ подошли къ Нагасаки такъ тихо въ темнотѣ, что насъ съ мыса Номо и не замѣтили, и стали давать знать съ батарей въ городѣ выстрѣлами о нашемъ приходѣ въ то время, когда уже мы становились на якорь. Мы застали японцевъ врасплохъ. Ни одной караульной лодки не было на рейдѣ; часа черезъ три онѣ стали-было являться, и довольно близко отъ насъ, но мы послали катеръ отбуксировать ихъ дальше. Шкуна и транспортъ вошли далеко въ Нагасакскій заливъ, и мы расположились какъ у себя дома. Лодки исчезли и уже не появлялись болѣе. Губернаторы предупреждаютъ наши желанія.

Сегодня, 26-го, чиновники пріѣзжали опять благодарить за подарки и опять показывали планъ мѣста. Ихъ тоже поблагодарили за провизію.

Рождество у насъ прошло, какъ будто мы были въ Россіи. Проводивъ японцевъ, отслушали всенощную, вчера обѣдню и молебствіе, поздравили другъ друга, потомъ обѣдали у адмирала. Послѣ играла музыка. Эйноске, видя всѣхъ въ парадной формѣ, спросилъ, какой праздникъ. Хотя съ ними избѣгали говорить о христіанской религіи, но я сказалъ ему (надо же пріучать ихъ понемногу ко всему нашему): затѣмъ сюда пріѣхали.

Кажется, недалеко время, когда опять проникнетъ сюда Слово Божіе и водрузится крестъ, но такъ, что уже никакія силы не исторгнутъ его. Когда-то? Не дастъ ли Богъ намъ сдѣлать хотя первый и робкій шагъ къ тому? Хлопотъ будетъ не мало съ здѣшнимъ правительствомъ — такъ

прочна (правительственная) система отчужденія отъ цѣлаго міра! Приняты всѣ мѣры противъ сближенія: не легко познакомиться народъ съ нашимъ бытомъ и склонить его на сторону европейцевъ. Пока нѣтъ приманки, нѣтъ и искушеній: правительство понимаетъ это и строго запрещаетъ привозъ всякихъ предметовъ роскоши, и особенно новыхъ. Нашихъ подарковъ не дали чиновникамъ въ руки. Эйноске сказывалъ вчера, что списокъ вещамъ отправляютъ въ Едо, и если оттуда пришлютъ разрѣшеніе, тогда и раздадутъ ихъ. На все у нихъ запрещеніе: сегодня П—тъ даетъ баніосамъ серебряные часы, которые забыли отослать третьяго дня въ числѣ прочихъ подарковъ: чего бы, кажется, проще, какъ взять да прибавить къ прочимъ? Нѣтъ, нельзя, надо губернатора спросить, а тотъ отнесется въ совѣтъ, совѣтъ къ сіюгуну, тотъ къ микадо — и пошло! Еще сказали имъ сегодня, что мѣсто поѣдутъ посмотрѣть съ П—мъ трое, вмѣсто двоихъ, какъ сказано прежде. Опять сомнѣніе и въ этихъ пустякахъ: даже готовились, послѣ долгихъ совѣщаній, отказать, да ихъ не послушали.

И такъ во всемъ одинъ неизмѣнный порядокъ. Нарушить это, обратить ихъ къ здравому смыслу, ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только силой. Они долго не допустятъ свободно ходить по своимъ городамъ, ѣздить внутрь страны, заводить частныя сношенія, даже и тогда, когда рѣшатся начать торговлю съ иностранцами. Если теперь японцамъ уже нельзя подчинить эту торговлю такимъ же ограниченіямъ, какимъ подчинены сношенія съ голландцами, то, съ другой стороны, иностранцамъ нельзя добровольно склонить ихъ дѣйствовать совершенно на европейскій ладъ. Ни хитрость, ни убѣжденія — не помогутъ. Одна надежда на ихъ трусость. Угроза со стороны европейцевъ и желаніе мира со стороны японцевъ, помогутъ выторговать у нихъ отмену нѣкоторыхъ стѣсненій. Словомъ, только вышнія чрезвычайныя обстоятельства, какъ я сказалъ прежде, могутъ потря-

сти ихъ систему, хотя народъ самъ по себѣ и способенъ къ реформамъ.

Сегодня, 28-го декабря, русскаго стиля, пріѣхали, Хативари, Ойе-Саброски и Сабро, сказать, что полномочные прибыли. Эйноске и Кичибе, и тѣ были въ парадныхъ шелковыхъ халатахъ, въ новыхъ кофтахъ (всегда черныхъ) и въ шелковыхъ юбкахъ. Первое свиданіе назначено въ четвергъ. Адмиралъ желаетъ, чтобы полномочные пріѣхали на фрегатъ, такъ какъ онъ уже былъ на берегу и передалъ бумаги отъ своего правительства, слѣдовательно теперь они, имѣя сообщить адмиралу отвѣтъ, должны также привезти его сами. Но еще не рѣшено, какъ это должно произойти.

Мѣсто видѣли: говорятъ, хорошо. Съ К. Н. Посьетомъ ѣздили: В. А. Римскій-Корсаковъ, И. В. Фуругельмъ и К. И. Лосевъ. Мѣсто отведено на лѣвомъ мысу, при входѣ изъ пролива на внутренній рейдъ. Сегодня говорили баніосамъ, что надо фрегату подтянуться къ берегу, чтобы недалеко было ѣздить туда. Опять затрудненія, совѣщанія и, наконецъ, вседневный отвѣтъ: «спросимъ губернатора».

Спросили и губернатора, тотъ говоритъ, что надо еще кое-что убрать, что чиновники и боны не перебравлись отсюда. Вчера и сегодня шли толки о свиданіи. Адмиралъ объявилъ, что не останется въ Нагасаки, если 1 (13) января не будетъ свиданія. Онъ приказалъ сказать, что ждетъ полномочныхъ къ себѣ, а они отвѣчали, что просятъ къ себѣ, говоря, что устали съ дороги. Адмиралъ предложилъ имъ нѣкоторыя условія, и подозрѣвая, что они не упустиятъ случая, по обыкновенію, промедлить, объявилъ, что даетъ имъ сроку до вечера. Баніосы вечеромъ пріѣхали сказать, что полномочные согласны и просили дать имъ записку объ этихъ условіяхъ. Дали.

Сегодня, 30, просыпаемся, говорятъ, что Кичибе и Эйноске сидятъ у насъ съ шести часовъ утра — вотъ какъ живо стали поворачиваться! Первому особенно — бѣда: «люблю

ложать и ничего не дѣлать!» твердить онъ. Приѣхали ба-
ніосы и привезли бумагу, на голландскомъ и японскомъ
языкахъ, въ которой изъявлено согласіе на все условія, за
исключеніемъ только двухъ: что, 1-е, *команда наша съѣдетъ*
на указанное мѣсто завтра же. Говорятъ: еще не совсѣмъ
готово мѣсто и просятъ подождать три дня; 2-е, *полномоч-*
ные пріѣдутъ не на другой день къ намъ, а черезъ два дня.

Адмиралъ не взялъ на себя трудъ догадываться, зачѣмъ
это, тѣмъ болѣе, что японцы вѣрятъ въ счастливые и не-
счастливые дни, и согласился лучше поѣхать къ нимъ, лишь
бы за пустьками не медлить, а заняться дѣломъ.

Главныя условія свиданія состояли въ томъ, чтобы *одинъ*
изъ полномочныхъ встрѣтилъ адмирала при входѣ въ домъ,
чтобы при угощеніи обѣдомъ или завтракомъ, присутство-
вали и они, а не какъ хотѣлъ Овосава: накормить безъ се-
бя. Далѣе, что *карауль нашъ будетъ состоять изъ сорока*
человѣкъ, кромѣ музыкантовъ, офицеровъ будетъ втрое больше
прежняго; что поѣдемъ мы на десяти шлюпкахъ. Наконецъ,
мы, съ своей стороны, *встрѣтимъ полномочныхъ у себя съ*
должнымъ почетомъ, и между прочимъ будемъ салютовать
пушечными выстрѣлами, если только они этого пожелаютъ.

На послѣднее полномочные сказали, что дадутъ знать о
салютѣ за день до своего приѣзда. Но адмиралъ рѣшилъ, не
дожидаясь отвѣта о томъ, примутъ ли они салютъ себѣ, са-
лютовать своему флагу, какъ только наши катера отваятъ
отъ фрегата. То-то будетъ переполохъ у нихъ! Все осталь-
ное будетъ попрежнему, т. е. суда расцвѣтятся флагами,
люди станутъ по реямъ и—такъ далѣе.

1854 годъ.

1 (13) января. Съ новымъ годомъ! Какъ вы проводили
старый и встрѣтили новый годъ? Какъ всегда: собрались,
по обыкновенію, танцовали, шумѣли, играли въ карты, по-
томъ зѣвнули не разъ, ожидая боя полночи, поймали нако-

нецъ вождѣнную минуту и взялись за бокалы—все одно, какъ пять, десять лѣтъ назадъ?

Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ провести послѣдній день стараго года какъ-то иначе, непохоже ни на что прежнее. Я обѣдалъ въ этотъ день у японскихъ вельможъ! Слушайте же, если вамъ не скучно, подробный рассказъ обо всемъ, что я видѣлъ вчера. Не берусь одѣвать всѣ вчерашнія картины и сцены въ ихъ оригинальный и яркій колоритъ. Обѣщаю одно: вѣрное, до добродушія, сказаніе о томъ, какъ мы провели вчерашній день.

Назначено было отвалить намъ отъ фрегата въ одиннадцать часовъ утра. Но извѣстно, что часть и назначаютъ затѣмъ, чтобъ только знать, на сколько пріѣхать позже назначеннаго времени—такъ заведено въ хорошемъ обществѣ. И мы, какъ люди хорошаго общества, отвалили въ половинѣ перваго.

Вы улыбаетесь при словѣ *отваливать*: въ хорошемъ обществѣ оно не въ ходу; но у насъ, здѣсь, *отваливай*—фешёнбльное слово.

Мы отвалили. Ъхали на девяти шлюпкахъ, которыя растянулись на версту. Порядокъ тотъ же, какъ и въ первую поѣздку въ городъ, т. е. впереди ѡхалъ капитанъ-лейтенантъ Посеть, на адмиральской гичкѣ, чтобъ встрѣтить и разставить на берегу карауль; далѣе, на баркасѣ, самый карауль, въ числѣ пятидесяти человѣкъ; за нимъ катеръ съ музыкантами; потомъ катеръ со стульями и слугами; слѣдующіе два занимали офицеры: человѣкъ пятнадцать со всѣхъ судовъ. Наконецъ адмиральскій катеръ: въ немъ, кромѣ самого адмирала, помѣщались командиры со всѣхъ четырехъ судовъ: И. С. Уньковскій, капитанъ-лейтенанты: Р. Корсаковъ, Назимовъ и Фуругельмъ, лейтенантъ баронъ Крюднеръ, переводчикъ съ китайскаго языка, О. А. Гошкевичъ, и вашъ покорнѣйшій слуга. Затѣмъ ѡхали два вельбота и еще гичка съ нѣкоторыми офицерами.

Люди стали по реямъ и проводили насъ, попережнему, троекратнымъ «ура»; разноцвѣтные флаги опять въ одно мгновеніе развязались и пали на снасти, какъ внезапно брошенная сверху куча цвѣтовъ. Музыка заиграла народный гимнъ. Впечатлѣніе было все то же, что и въ первый разъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ салюта: это была новость. Мнѣ хотѣлось видѣть, что японцы?

Да, я забылъ сказать, что за полчаса до назначеннаго времени пріѣхалъ, какъ и въ первый разъ, старшій послѣ губернатора въ городѣ чиновникъ сказать, что полномочные ожидаютъ насъ. За нимъ, по японскому обычаю, тянулся цѣлый хвостъ баніосовъ и прочаго всякаго чина. Чиновникъ выпилъ чашку чаю, двѣ рюмки sherry brandy (вишневой наливки) и уѣхалъ.

Только японцы стали садиться на лодки, какъ адмиралъ поручилъ К. Н. Посѣту сказать переводчикамъ, чтобы баніосы велѣли всѣмъ японскимъ лодкамъ подальше отойти отъ фрегата: салютовать, дескать, будутъ. Заранѣе онъ извѣщать объ этомъ не хотѣлъ, предвидя со стороны губернаторовъ возраженія и просьбы не салютовать. Баніосы такъ и оцѣпенѣли отъ этой неожиданной новости. Одинъ занесъ-было ногу на трапъ, чтобъ сойти, да и остался на нѣсколько секундъ съ поднятой ногой. Вся толпа остановилась за нимъ, а старшій чиновникъ сидѣлъ ужъ въ своей лодкѣ и ждалъ другихъ. Очнувшись, баніосъ побѣжалъ къ нему передать новость и тотчасъ же воротился съ просьбою не салютовать, подождать, пока они дадутъ знать губернатору. Этого-то и не хотѣли. «Некогда, некогда», торопили мы ихъ: «поѣзжайте скорѣе, мы сейчасъ сами ѣдемъ». Нейдутъ съ лодки, да и только, все стоятъ у трапа, упрямиваются.

Мы предвидѣли смущеніе японцевъ и не могли удерживаться отъ смѣха. Я слышу слово «misverstand» отъ переводчика и подхожу узнать, что такое: онъ говоритъ, что на

ихъ батареяхъ люди не предупреждены о салютѣ, и оттого выйдетъ *недоразуміе*: станутъ, пожалуй, палить и они. «Нужды нѣтъ, пусть палятъ», говорятъ имъ: «такъ и слѣдуетъ — отвѣчать на салютъ». Все не рѣшаются уходить. «Пора, пора», торопили ихъ: «сейчасъ будутъ палить: вонъ ужъ пошли по орудіямъ». Давно бы надо было сказать такъ. Раздалось такое дружное щелканье соломенныхъ сандалій по трапу, какого еще, кажется, не было. Они уѣхали и увели съ собой всѣ лодки.

Тронулись съ мѣста и мы. Только зашли наши шлюпки за носъ фрегата, какъ изъ бока послѣдняго вырвался клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ, и вдругъ горы проснулись и разомъ затрещали эхомъ, какъ будто какой-нибудь гигантъ закатился хохотомъ. Другой выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлъ на корветѣ, опять у насъ, опять тамъ: хохотъ въ горахъ удвоился. Выстрѣлы повторялись: то раздавались на обоихъ судахъ въ одно время, то перегоняли другъ друга: горы выходили изъ себя, а губернаторы, вѣроятно, пуше ихъ.

Если *японскому глазу больно*, какъ выразился губернаторъ въ первое свиданіе, видѣть чужія суда въ портахъ Японіи, то японскому уху еще, я думаю, больнѣе слышать ревъ чужихъ пушекъ. Ихъ пушки малы и выстрѣлы не будили горъ. Я смотрѣлъ на лодки, на японскія батареи: нигдѣ никакого движенія, только двѣ собаки мечутся взадъ и впередъ и ищутъ мѣста спрятаться, да негдѣ: побѣгутъ отъ выстрѣла къ горамъ, а оттуда гонитъ ихъ эхо. Но кончилось: пушки замолчали, горы опять заснули, собаки успокоились, на высотахъ показалось нѣсколько длиннонолыхъ японскихъ фигуръ. Гребцы наши молчаливо, но сильно налегали грудью на весла. Мы углубились уже далеко въ заливъ, а дымъ отъ выстрѣловъ все еще лѣнливимъ узоромъ крался по водѣ, направляясь тихоюшко къ морю. Издали, съ передоваго катера, слабо доносились къ намъ звуки музыки.

Мы быстро двигались вперед мимо знакомых уже прекрасных бухтъ, холмовъ, скалъ, лѣсковъ. Я занялся тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т. е. мысленно уставлялъ всѣ эти пригорки и рощи храмами, дачами, бесѣдками и статуями, а воды залива—пароходами и чащей мачтъ; берега населялъ европейцами: мнѣ ужъ видѣлись дорожки парка, скачущія амазонки; а ближе къ городу, снились факторин, русская, американская, англійская...

Японскія лодки кучей шли и опять выбивались изъ силъ, торопясь перегнать насъ, особенно ближе къ городу. Ихъ гребцы то примолкнутъ, то вдругъ заголосятъ отчаянно: «осильянтъ! осильянтъ!» Наши невольно заразятся ихъ крикомъ, приударятъ веслами, да вдругъ какъ будто одумаются и начнутъ опять покойно рыть воду.

Наконецъ надо же и совѣсть знать, пора и пріѣхать. Въ этомъ японскомъ, по преимуществу тридесатомъ государствѣ, можно еще оправдываться и тѣмъ, что «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Чуть ли эта поговорка не здѣсь родилась и перешла по сосѣдству съ Востокомъ и къ намъ, какъ и многое другое... Но мы выросли, и поговорка осталась у насъ въ сказкахъ.

Въ Японіи, напротивъ, еще до сихъ поръ скоро дѣла не дѣлаютъ и не любятъ даже тѣхъ, кто имѣетъ эту слабость. Отъ нашихъ судовъ до Нагасаки три добрыя четверти часа ѣзды. Японцы часто къ намъ ѣздятъ: ну, что бы пригласить насъ стать у города, чтобъ самимъ не терять попустому время на переѣзды? Нельзя. Почему? Надо спросить у верховнаго совѣта, верховный совѣтъ спросить у сіюгуна, а тотъ пошлетъ къ микадо.

Японскія лодки непремѣнно хотѣли пристать всѣ вмѣстѣ съ нашими: можете себѣ представить, чтò изъ этого вышло. Одна лодка становилась поперекъ другой, и всѣ стѣснились такъ, что если бь имъ поручили не пустить насъ на берегъ, то онѣ лучше бы сдѣлать не могли того, какъ сдѣлали теперь, чтобъ пустить.

Потомъ пошло все попрежнему, т. е. музыканты, караулъ, все стояло на своихъ мѣстахъ. И японскія войска разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги, т. е. тѣ же солдаты, съ картонными шапками на головахъ и ружьями, или quasi-ружьями въ чехлахъ, ноги врозь и колѣни вперёдъ. И лошадь была тутъ, которой я опять не замѣтилъ, и норимоны, и старикъ съ сонными глазами, и толпа переводчиковъ, и баніосы. Японцы, подобравъ халаты, забывъ важность, пустились за нами вирипрыжку, бѣгомъ, теряя туфли, чтобъ поспѣть къ дому прежде насъ. Въ сѣняхъ сидѣли на пяткахъ тѣ же лица, но на крыльцѣ стоялъ, по уговору, младшій изъ полномочныхъ, въ какомъ-то странномъ головномъ уборѣ.

Мы не успѣли разсмотрѣть его хорошенько. Онъ пошелъ впередъ, и мы за нимъ. По амфиладѣ разсажено было менше чиновниковъ, нежели въ первый разъ. Мы толпой вошли въ пріемную залу. По этимъ мирнымъ галереямъ не раздавалось, можетъ-быть, никогда такого шума и движенія. Здѣсь, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, скользили доселѣ, точно тѣни, незамѣтно отъ самихъ себя, японскіе чиновники, пробираясь иногда ползкомъ: а теперь вотъ ужъ въ другой разъ раздаются такіе крѣпкіе шаги!

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу, отодвинулись, точно кулисы, ширмы съ противоположной стороны, и оттуда выдвинулись медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные. Показался нѣсколько согбенный старикъ; отъ старости ротъ у него постоянно былъ немного открытъ. За нимъ другой, лѣтъ сорока-пять, съ большими карими глазами, съ умнымъ и бойкимъ лицомъ. Третій, очень пожилой человекъ, худощавый и смуглый, съ пониженнымъ взоромъ, какъ будто прошедшій всю жизнь въ затворничествѣ, и немного съ птичьимъ лицомъ. Четвертый — среднихъ лѣтъ: у этого было очень обыкновенное лицо, какихъ много, не выражающее ничего, какъ лопата. На такихъ лицахъ можно

сразу прочесть, что, кромѣ ежедневныхъ будничныхъ заботъ, они о другомъ думаютъ мало.

Они стали всѣ четверо въ рядъ — и мы взаимно раскланялись. Съ правой стороны, подлѣ полномочныхъ, помѣстились оба нагасакскіе губернатора, а по лѣвую еще четыре, пріѣхавшіе изъ Едо, повидимому, важныя лица. Сзади полномочныхъ сѣли ихъ оруженосцы, держа богатыя сабли въ рукахъ; налѣво, у оконъ, усажены были въ рядъ чиновники, вѣроятно тоже изъ Едо: по крайней мѣрѣ мы знакомыхъ лицъ между ними не замѣтили.

Всѣ четверо полномочные были въ широкихъ мантияхъ, изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами матеріи, которая едва сжималась въ складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкіе; спереди, отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матеріи пагрудникъ; подъ мантией обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые же. У старика матерія зеленая, у второго бѣлая, въ родѣ моаръ, только съ рѣдкими полосами. У всѣхъ четырехъ полномочныхъ, и у губернаторовъ тоже, на головѣ наставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью, коронка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ котсырми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коронки эти дѣлаются, какъ я послѣ узналъ, изъ папье-маше. У двоихъ чиновниковъ, помѣщавшихся налѣво отъ полномочныхъ, коронки были одинаковой съ ними формы, а у слѣдующихъ двухъ, одна треугольная, другая квадратная, обѣ плоскія. У старшихъ коронки прикрѣплялись пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми, а у младшихъ черными шнурками. Все бы еще ничего, но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника, шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги.

Эта одежда присвоена какому-то чину или должности.

Вообще весь этот костюмъ былъ самый парадный, какъ наши полные мундиры. Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ японца, съ нѣсколько пониженъею головой, въ этой мантии, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка какъ можно неудобнѣе, чтобъ ему нельзя было, не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты: шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней. И когда видишь японцевъ, сидящихъ на пяткахъ, то скажешь только, что эта вся амуниція какъ нельзя лучше пригнана къ сидячему положенію и что тогда она не лишена своего рода величавости, и даже красива. Эти куски богатой шелковой матеріи, волнами обильно обвивающіе тѣло, прекрасно драпируются около лѣнивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи.

Обѣ стороны молча съ минуту поглядѣли другъ на друга, измѣряя глазами съ ногъ до головы — мы ихъ, они насъ. Нашъ знакомый, Овосава Бунгоно, недавно еще съ такимъ достоинствомъ и гордостью принявшій насъ, перешелъ на второй планъ, онъ лицомъ приходился прямо въ ухо старику и стоялъ, потупивъ взглядъ, не поворачиваясь, ни направо, ни налево. Только изрѣдка, украдкой, онъ косился на насъ. И было за что: ему оставалось отдежурить всего какой-нибудь мѣсяць и ѣхать въ Едо, а теперь онъ, по милости нашей, сидитъ полтора года, и Богъ знаетъ, сколько времени еще просидитъ! Другой губернаторъ, Мизно Чиконо, былъ съ лица не мудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ.

Полномочные сдѣлали знакъ, что хотятъ говорить, и мгновенно, откуда ни возмись, подползли къ ихъ ногамъ, изъ двухъ разныхъ угловъ, какъ два ужа, Эйноске и Кичибе.

Они приложили лбы къ полу и слушали въ этомъ поло-

женіи, едва дыша. Началь старикъ. Мы такъ и впились въ него глазами: старикъ очароваль насъ съ перваго раза: такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, въ голосѣ, во всѣхъ чертахъ, свѣтилась старческаая, умная и привѣтливая доброта — плодъ долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы вы-брать его въ дѣдушки. Кромѣ того, у него были манеры, обличающія порядочное воспитаніе. Онъ началъ говорить, но губы и языкъ ужъ потеряли силу: онъ говорилъ медленно; говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости.

Кичибе приподнялъ голову, подавился немного и потомъ ужъ перевелъ привѣтствіе. Старикъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Адмиралъ отвѣчалъ тоже привѣтствіемъ. Кичибе поклонился въ землю и перевелъ. Старикъ заговорилъ опять такое же форменное привѣтствіе командиру судна; но эти официальные выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы, какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннѣе. И дѣйствительно, послѣ сказалъ. Но теперь онъ продолжалъ привѣтствія К. Н. Посыету, взявшему на себя трудъ быть переводчикомъ, наконецъ всѣмъ офицерамъ.

Лишь только кончилъ старикъ, какъ чиновникъ, стоявшій съ лѣвой стороны и бывший чѣмъ-то въ родѣ церемоніймейстера, кликнулъ шопотомъ: — «Эйноске!» и показалъ на втораго полномочнаго. Эйноске быстро подползъ къ ногамъ втораго и приложилъ лобъ къ полу; тотъ повторилъ тѣ же привѣтствія и въ такомъ же порядкѣ. Переводчики ползкомъ подскочили къ третьему и четвертому полномочнымъ, и наконецъ къ губернаторамъ. Всѣ они по очереди повторыли поздравленіе, твердо произнося русскія имена.

Имъ отвѣчено было адмираломъ благодарственнымъ привѣтствіемъ отъ себя и отъ всѣхъ.

Все это дѣлалось стоя, всѣ были въ парадѣ: шелковыхъ юбокъ не оберешься. Видно, что собраніе было самое торжественное. Кичибе и Эйноске были тоже въ шелку: креповая черная, или голубая мантильи, съ бѣлыми гербами на спинѣ и плечахъ, шелковый халатъ, такая же юбка и бѣлые бумажные чулки.

Пока говорились привѣтствія, я опять забылся, какъ въ первое свиданіе съ губернаторомъ: это было только второе въ томъ же родѣ, но съ болѣе яркимъ колоритомъ. Глазъ и мысль не успѣли привыкнуть къ новости зрѣлища. Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что няня рассказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ? кто кругомъ меня, съ этими бритыми лбами, смуглыми, какъ у мумій, щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ, съ подавленными вздохами, вырываются, неуловимые для нашего уха, глухіе звуки? Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что это за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ; кругомъ золоченія ширмы, съ изображеніемъ аистовъ — эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четырехугольныхъ, деревянныхъ столбовъ; она безъ потолка, изъ тесаныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали первые люди. Гдѣ же я?

Иллюзія, которую я тѣшилъ себя, продолжалась недолго:

вонъ одинъ отжившій, самый древній, именно старикъ, вынулъ изъ-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодралъ листъ и высморкался въ него, потомъ бросилъ бумажку, какъ въ бездну, въ свой неизмѣримый рукавъ.—«А! это живые!»

Насъ попросили *отдохнуть* и выпить чашку чаю въ ожиданіи, пока будетъ готовъ обѣдъ. Ну, слава Богу! мы среди живыхъ людей: здѣсь ѣдятъ. Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я, бывало, описаніе чужихъ обѣдовъ, т.-е. чужихъ народовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ, помните, и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у китайцевъ, у японцевъ! И вотъ и эта мечта моя исполнилась. Я *riche-assiette* отъ Лондона до Едо. Что будетъ, какъ подадутъ, какъ сядутъ—все это занимало насъ.

Въ «отдыхальнѣ» подали чай, на который просили обратить особенное вниманіе. Это толченый чай, самаго высокаго сорта: онъ родится на одной горѣ, о которой подробно говоритъ Кемпферъ. Часть этого чая идетъ собственно для употребленія двора сіюгуна и микадо, а часть, пониже сортъ, для высшихъ лицъ. Его толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ чашку съ кипяткомъ — и чай готовъ. Чай превосходный, крѣпкій и ароматическій: но намъ онъ показался не совсемъ вкусенъ, потому что былъ безъ сахара. Мы однакожъ превознесли его до небесъ.

Послѣ чая подали трубки и табакъ, потомъ конфеты, опять въ такихъ же, чрезвычайно гладко обтесанныхъ, сосновыхъ ящикахъ, у которыхъ даже углы были не составные, а цѣльные. Что за чистота, за тщательность въ отдѣлкѣ! А между тѣмъ ящики этотъ дѣлаются почти на одну минуту: чтобъ подать въ немъ конфеты и потомъ отослать къ гостю домой, а тотъ, конечно, бросить. Конфеты были—тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ, опять морковь, кажется, да еще что-то въ этомъ родѣ, потомъ разныя подобія рыбы, яблока и т. п., все изъ краснаго и бѣлаго риса.

Около насъ сидѣли на полу переводчики; изъ баніосовъ

я видѣлъ только Хагивари, да Ойе-Саброски. При губернаторѣ они боялись взглянуть на насъ, а можетъ-быть и не очень уважали, пока изъ Едо не прислали полномочныхъ, которые дѣлають намъ торжественный и почетный приемъ. Тогда и прочіе зашевелились, не знаютъ гдѣ посадить, жмутъ руку, улыбаются, угощаютъ.

Черезъ полчаса церемоніймейстеръ пришелъ звать насъ къ обѣду. Онъ извинялся, что тѣснота не позволяетъ обѣдать всѣмъ вмѣстѣ и что общество разсядется по разнымъ комнатамъ. Адмирала, И. С. У., К. Н. П. и меня ввели опять въ приемную залу; съ нами обѣдали только два старшихъ полномочныхъ, остальные вышли вонъ. Зала такъ просторна, что въ ней могли бы пообѣдать, безъ всякой тѣсноты, человекъ шестьдесятъ; но японцы для каждаго изъ насъ поставили по особому столу. Полномочные сидѣли на своихъ возвышеніяхъ, на которыя имъ и ставили блюда.

Вотъ появилось ровно шесть слугъ, по числу гостей, каждый съ подносомъ, на которомъ лежало что-то завернутое въ бумагѣ, рыба, какъ мнѣ казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потомъ вошли и унесли ихъ: передъ нами остались пустые, ничѣмъ не накрытые столы, сдѣланные, нарочно для насъ, изъ кедроваго дерева.—«Ну, обычай не совсѣмъ патріархальный», подумалъ я: «что бы это значило?»—«Это нашъ обычай», сказалъ старикъ: «подавать блюдо съ «этимъ» на столъ и сейчасъ уносить: *это* у насъ — символъ пріязни». А *это* — была не рыба, какъ мнѣ показалось сначала, а какая-то тесьма, видомъ похожая на вязигу. Я принялъ-было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредствомъ ея, къ скалахъ. Такъ вотъ видите: это у нихъ и есть символъ симпатіи, привязанности, или буквально «прилипчивости».

Опять появилось шестеро, точно въ сказкѣ — молодцовъ, сказалъ бы я, если бъ была матѣйшая тѣнь молодцоватости.

Я былъ бы снисходителенъ, не требовалъ бы многого, но не было ничего, похожего, по нашимъ понятіямъ, на человѣческую красоту въ цѣломъ собраніи. Старикъ былъ краснѣе всѣхъ своею старческою, обворожительною красотой ума и добродушія, да второй полномочный еще могъ нравиться умомъ и смѣлостью лица, пожалуй и Овосава хорошъ, съ затаенною мыслию, или чувствомъ на лицѣ, и если съ чувствомъ, то вѣрно непріязни къ намъ. Остальные же всѣ—хоть не смотрѣть. Эйноске развѣ недуренъ, и то потому, что похожъ на европейца и носить на лицѣ слѣдъ мысли и образованія. Но Боже мой! въ какомъ онъ положеніи, и Кичибе тоже! Они распростерлись на полу между нами и полномочными, какъ двѣ легавыя собаки, готовясь... Ъсть—вы думаете? нѣтъ, переводить.

Слуги между тѣмъ продолжали ставить передъ каждымъ гостемъ красныя лакированныя подставки, величиной со скамеечки, что дамы ставить у насъ подъ ноги. Слуга подходилъ, ловко и мѣрно поднималъ подставку, въ знакъ почтенія, наравнѣ съ головой, падалъ на колѣни, и съ ловкимъ, мѣрнымъ движеніемъ ставилъ тихонько передъ гостемъ. Шесть разъ подходили слуги и поставили шесть подставокъ. Но никто ничего еще не трогалъ. Всѣ подставки тѣсно уставлены были деревянными, лакированными чашками, величиной и формой похожими на чайныя, только безъ ручки; каждая чашка покрыта деревяннымъ же блюдечкомъ. Тутъ были также синія, фарфоровыя, обыкновенныя чашки, все съ кушаньемъ, и еще небольшія, съ соей. Ко всему этому поданы были двѣ палочки.

«Ну, это значитъ быть безъ обѣда», думалъ я, поглядывая на двѣ гладкія, бѣлыя, совсѣмъ тупыя синицы, которыми нельзя взять ни твердаго, ни мягкаго кушанья. Какъ же и чѣмъ ѡсть? На сосѣда моего У., видно, нашло такое же раздумье, а можетъ-быть, заговорилъ и голодъ, только онъ взялъ обѣ палочки и грустно размядывалъ ихъ. Полномоч-

вые разсмѣялись, и наконецъ рѣшились приняться за обѣду. Въ это время вошли опять слуги, и каждый несъ на подносѣ серебряную ложку и вилку, для насъ.

«Въ доказательство того, что все поданное употребляется въ пищу», сказалъ старикъ: «мы начнемъ первые. Не угодно ли открыть чашки и кушать, что кому понравится?»

«Ну-ка, что въ этой чашкѣ?» шепнуть я сосѣду, открывая чашку: рисъ вареный, безъ соли. Соли нѣтъ, не видать, и хлѣба тоже нѣтъ.

Я подержалъ чашку съ рисомъ въ рукахъ и поставилъ на свое мѣсто. «Вотъ въ этой что?» думалъ я, открывая другую чашку: въ ней была какая-то темная похлебка; я взялъ ложку и попробовалъ—вкусно, въ родѣ нашихъ бураковъ, и корни есть.

«Мы употребляемъ рисъ при всякомъ блюдѣ», замѣтилъ второй полномочный: «не угодно ли кому-нибудь перемѣнить, если поданный уже простылъ?» Церемоніймейстеръ, съ широкимъ, круглымъ лицомъ, съ плоскимъ и нѣсколько вздернутымъ, широкимъ же, арабскимъ носомъ, стоя подлѣ возвышенія, на которомъ сидѣли оба полномочные, взглядомъ и едва замѣтнымъ жестомъ распорядился прислугою.

Сзади Эйноске сидѣли на пяткахъ двое слугъ, одинъ съ чайникомъ, другой съ деревянной лакированной кружкой, въ которой былъ горячій рисъ.

Мы между тѣмъ переходили отъ чашки къ чашкѣ, нрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ. — «Попробуйте», говорилъ мнѣ вполголоса П.: «какъ хороши вицегреть изъ раковъ въ синей чашкѣ. Раки посыпаны тертой рыбой или икрой; тамъ зелень, еще что-то». — «Я ее всю съѣлъ», отвѣчалъ я: «а вы пробовали сырую рыбу?» — «Нѣтъ, гдѣ она?» — «Да вотъ наръзана длинными тесьмами...» — «Ахъ! не-уже-ли это сырая рыба? а я почти половину съѣлъ!» говорилъ онъ съ гримасой.

Въ другой чашкѣ была похлебка съ рыбой, въ родѣ нашей селянки. Я открылъ, не помню, пятую или шестую чашку: въ пей кусочекъ рыбы плавалъ совершенно въ чистомъ и свѣтломъ бульонѣ, какъ горячая вода. Я думалъ, что это уха, и проглотилъ ложки четыре, но мнѣ показалось невкусно. Это дѣйствительно была горячая вода—и больше ничего.

Сосѣдъ мой старался ѣсть палочками и возбуждалъ, да и мы всѣ тоже, не одну улыбку окружавшихъ насъ японцевъ. Не разъ многіе закрывали ротъ рукавомъ, глядя, какъ недовѣрчиво и пытливо мы вглядываемся въ кушанья, и какъ сначала осторожно пробуемъ ихъ. Но я съ третьей чашки пересталъ пробовать и съѣлъ остальное безъ всякаго анализа, и все одной и той же ложкой, прибѣгая часто къ рису, за недостаткомъ хлѣба. Помню, что была жареная рыба, варенныя устрицы, а можетъ-быть и моллюскъ какой-нибудь, похожій вкусомъ на устрицу. О. А. Г. сказывалъ, что тутъ были трепанги; я ѣлъ что-то черное, хрупкое и слизистое, но не знаю чтò. Попадалось мнѣ что-то сладкое, груша, кажется, облитая краснымъ, сладкимъ соусомъ, потомъ хрустѣло на зубахъ соленое и моченое: соленое—рѣдька, замѣняющая японцамъ соль. Въ синей фарфоровой чашкѣ натискано было какое-то тѣсто, отзывавшееся яичницей, тутъ же вареная морковь. Потомъ въ горячей водѣ плавало крылышко утки, съ вареной зеленью.

Сзади всѣхъ подставокъ, поставлена была особо еще одна подставка передъ каждымъ гостемъ, и на ней лежала цѣлая жареная рыба, съ загнутыми кверху хвостомъ и головой. Давно я собирался придвинуть ее къ себѣ и протянуть-было руку, но второй полномочный замѣтилъ мое движеніе. — «Эту рыбу почти всегда подаютъ у насъ на обѣдахъ», замѣтилъ онъ: «но ее никогда не ѣдятъ тутъ, а отсылаютъ гостямъ домой, съ конфетами». Одно цутное

блюдо и было, да и то не ѣдят! Охъ, ужъ эти мнѣ эмблемы да символы!

Слуга подходилъ ко всѣмъ и протягивалъ руку: я думалъ, что онъ хочетъ отбирать пустыя чашки, отдалъ ему три, а онъ чрезъ минуту принесъ мнѣ ихъ опять съ тѣми же кушаньями. Что мнѣ дѣлать? Я подумалъ, да и принялся опять за похлебку, сталъ-было приниматься вторично за вареную рыбу, но собесѣдники мои перестали дѣйствовать, и я унялся. Хозяевамъ очень правилось, что мы ѣдимъ; старикъ ласково поглядывалъ на каждаго изъ насъ и отъ души смѣялся усиліямъ моего сосѣда ѣсть палочками.

Къ концу обѣда слуги явились съ дымившимися чайниками. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, чтò тамъ такое.— «Теперь надо выпить саки», сказалъ старикъ, и слуги стали наливать въ красныя, почти плоскія лакированныя чашки, разогрѣтый напитокъ. Мы выпили по чашечкѣ. Намъ еще прежде, между прочей провизіей, доставлено было нѣсколько кувшиновъ этого саки, и тогда оно намъ не понравилось. Теплый онъ лучше; похоже вкусомъ на слабый, выдохшійся ромъ. *Саки*—перегнанное вино изъ риса. Потомъ налили опять. Мы стали-было отговариваться, но старикъ объявилъ, что надо выпить до трехъ разъ. Мы выпили и въ третій разъ, и наши хозяева тоже. Пока мы ѣли, намъ безпрестанно подбавляли горячаго риса. Послѣ саки вновь принесли дымившійся чайникъ: я думалъ, не опять ли саки, но старикъ предложилъ, не хотимъ ли мы теперь выпить—«горячей воды!» Это что за шутка? Нашелъ лакомство!—«Нѣтъ, не хотимъ», отвѣчали ему. Однакомъ я подумалъ, что ужъ если обѣдать по-японски, такъ надо вполнѣ обѣдать, и потому попробовалъ и горячей воды: все такъ же не хорошо, какъ если бъ я попробовалъ ее и за русскимъ столомъ.— «Ну, не хотите ли полить рисъ горячей водой и съѣсть?» предложилъ старикъ. И этого не хотимъ. Между тѣмъ оба полномочные подставили плоскодонныя чашки, имъ налили

кипятку, и они вышли. Они объяснили, что они утоляют жажду горячей водой.

Хозяевы были любезны. Пора назвать их: старика зовутъ Теутсуй Хизе-но-Кама Сама, второго Кавадзи Сойе-мон-но-Ками... пѣтъ, не Ками, а Дзю Сама, это все равно: Дзю и Ками означаютъ равный титулъ; третій Алао Тосанно Ками Сама; четвертаго... забылъ, послѣ скажу. Впрочемъ, оба послѣдніе приданы только для числа и большей важности, а въ сущности они сидѣли съ пониженными головами и молча слушали старшихъ двухъ, а можетъ-быть и не слушали, а просто засѣдали.

Послѣ обѣда подали чай, съ какимъ-то оригинальнымъ запахомъ; гляжу: на днѣ гвоздичная головка—какое варварство, и еще въ странѣ чая!

Старикъ все поглядывалъ на насъ дружески, съ улыбкой.

«Мы пріѣхали изъ-за многихъ сотенъ», началъ онъ мямлить: «а вы изъ-за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и приятно!» Мы не знали, какъ благодарить его за это привѣтливое выраженіе общаго тогда намъ чувства. И у насъ были тѣ же мысли, то же впечатлѣніе отъ странности такихъ сближеній. Мы благодарили ихъ за пріемъ, хвалили обѣдъ. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что нахожу въ нѣкоторыхъ блюдахъ сходство съ европейскими, и вижу, что японцы, какъ люди порядочные, кухней не пренебрегаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, рыба подъ бѣлымъ соусомъ—хоть куда. Если бъ ко всему этому дать хлѣба, такъ можно даже наѣсться почти до-сыта. Безъ хлѣба какъ-то странно было на желудкѣ: сытъ не сытъ, а ѣсть больше нельзя. Послѣ обѣда одолеваетъ не дремота, какъ обыкновенно, а только задумчивость. Но я смѣялся, вспоминая, что пишутъ о японскомъ столѣ и, между прочимъ, что они будто готовятъ кушанье на касторовомъ маслѣ. А

у нихъ и обыкновенное деревянное масло употребляется рѣдко, и только съ зеленою; все же прочее жарится и варится на водѣ, съ примѣсью саки и сои. Потомъ сказали мы хозяевамъ, что изъ всѣхъ народовъ крайняго Востока, японцы считаются у насъ, по описаніямъ, первыми — по умѣнью жить, по утонченности нравовъ, и что мы теперь видимъ это на опытѣ.

Наконецъ кончился обѣдъ. Все унесли и чрезъ пять минутъ подали чай и конфеты, въ знакомыхъ уже намъ ящикахъ. Тамъ были подобія бамбуковыхъ вѣтвей изъ леденца, лентъ, сердецъ, потомъ рыбы, этой альфы и омеги японскаго стола, отъ нищаго до вельможи, далѣе, какой-то тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ и рисовыя конфеты.

Когда убрали наконецъ все, адмиралъ сказалъ, что онъ желалъ бы сдѣлать полномочнымъ два вопроса по дѣлу, которое его привело сюда, и просить отвѣчать сегодня же. Старикъ вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, выморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличія и законы гостепріимства. Адмиралъ замѣтилъ, что это отнюдь не помѣшаетъ возникающей между нами пріязни; что вопросы эти не потребуютъ какихъ-нибудь мудреныхъ отвѣтовъ, а просто двухъ словъ: *да* или *нѣтъ*. Мы видѣли, что имъ лѣнь говорить о дѣлѣ. Вообще и важные сановники, и неважные, послѣ обѣда выражались больше междометіями, которыхъ невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались изъ всѣхъ угловъ. О дѣлѣ неприлично говорить, а это ничего!

Адмиралъ согласился прислать два вопроса на другой день, на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобъ они къ вечеру же отвѣчали на нихъ. — «Какъ же мы можемъ обѣщать это», возра-

злили они: «когда не знаемъ, въ чемъ состоятъ вопросы?» Имъ сказано, что мы знаемъ вопросы и знаемъ, что можно отвѣчать. Они обѣщали сдѣлать, что можно, и мы разстались большими друзьями.

Съ музыкой, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхали, при ясной и теплой погодѣ, воротились мы на фрегатъ. Дорогой къ пристани мы заглядывали за занавѣски и видѣли узенькую улицу, тощія деревья и прятавшихся женщинъ. — «И хорошо дѣлають, что прячутся, чернозубыя», говорили нѣкоторые. — «Кисель виноградъ...» скажете вы. А женщины дѣйствительно чернозубыя: только до замужества хранятъ онѣ естественную бѣлизну зубовъ, а по вступленіи въ бракъ чернятъ ихъ какимъ-то составомъ.

Өаддеевъ, бывшій въ числѣ нашихъ слугъ, сказалъ, что и ихъ всѣхъ угостили, и на этотъ разъ хорошо. — «Чего жъ вамъ дали?» спросилъ я. — «Красной и бѣлой каши: да что, в. в., съ души рветъ». — «Отчего?» — «Да рыба—словно кисель, безъ соли, хлѣба нѣтъ!»

Вслѣдъ за нами явилось къ фрегату множество лодокъ, и старшій чиновникъ спросилъ, довольны ли мы: это только предлогъ, а собственно ему поручено проводить насъ и донести, что онъ *доставилъ насъ* въ цѣлости на фрегатъ. Случись съ нами что-нибудь, несчастіе, неприятность, хотя бы отъ провожатыхъ и не зависѣло отвратить ее, имъ бы досталось.

Черезъ часть каюты наши завалены были ящиками: въ большомъ рыба, что подавали за столомъ, старая знакомая, въ другомъ сладкій и очень вкусный хлѣбъ, въ третьемъ конфеты. — «Вынеси рыбу вонъ», сказалъ я Өаддееву. Вечеромъ я спросилъ: «куда онъ ее дѣлъ?» — «Съѣлъ съ товарищами», говорить. — «Что жъ, хороша?» — «Есть душокъ, а хороша», отвѣчалъ онъ.

На другой день, 1-го января 1854 г., пріѣхаль Эйноске условиться о завтрашнемъ днѣ. Увидя насъ всѣхъ въ празд-

ничныхъ платьяхъ, онъ спросилъ о причинѣ. Ему сказали, что у насъ наступилъ новый годъ. Онъ поздравилъ; мы велѣли подать шампанскаго, до котораго онъ, кажется, большой охотникъ. И онъ, и два бывшіе съ нимъ банюса, подпили: тѣ покраснѣли, а Эйноске, смѣсю англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ нарѣчіемъ, извинялся, что много пилъ и, въ подтвержденіе этого, забылъ у насъ свою мантилью на собачьемъ мѣху. Онъ выучился пить шампанское у американцевъ. и какъ скоро: тѣ пробыли всего шесть дней!

А свѣжо: зима въ полномъ разгарѣ, всего шесть градусовъ тепла. Небо ясно, почи свѣтлыя; вода сильно искрится. Вообще, судя по тому, что мы до сихъ поръ испытали, можно заключить, что Нагасаки—одинъ изъ благословенныхъ уголковъ міра по климату. Ровная погода: когда вѣтеръ съ сѣвера—ясно и свѣжо, съ юга—наноситъ дождь. Но мы видѣли больше яснаго времени.

Завтрашняго дня не было, то-есть у насъ готовился неслыханный и невиданный праздникъ и не состоялся. Праздникъ этотъ — важный фактъ, доказывающій, что все безсильно передъ временемъ и обстоятельствами. Давно ли всѣ крайне-восточные народы, японцы особенно, считали насъ, европейцевъ, немного хуже собакъ? не хотѣли знаться, дичились, чуждались? И насъ губернаторъ хотѣлъ принять съ такимъ, съ такою... глупостью, слѣдовало бы сказать, съ гордостью, скажу учтивѣе: а теперь четыре важные японскіе сановника сами ѣдутъ къ намъ въ гости! Кажется, небывалый еще примѣръ въ сношеніяхъ японцевъ съ иностранцами! Они просили отсрочки на два дня и, вмѣсто пятницы, какъ обѣщали-было сначала, назначили воскресенье. У нихъ случились тутъ какіе-то праздники и оттого они отложили.

Да, Эйноске, между прочимъ, пріѣзжалъ съ Хагивари, объяснить насчетъ салюта. Мы ожидали, что вчера, при

свиданіи, скажутъ намъ что-нибудь объ этомъ. Но ни слова: хозяева вполнѣ уважили законы гостепрѣмства. Зато теперь Хагивари прѣхаль съ упрекомъ отъ губернатора за салютъ. Ему отвѣчали сначала шуткой, потомъ замѣтили, что они сами не сказали ничего рѣшительнаго о томъ, принимаютъ ли нашъ салютъ, или нѣтъ, оттого мы, думая, что они примутъ его, салютовали и себѣ. Они стали просить не палить больше.—«Теперь нѣтъ повода—и не станемъ, если только полномочные не хотятъ, чтобъ имъ палили», отвѣчаль П—ть.—«Не хотятъ, не хотятъ!» подтвердили они.—«А если другой адмиралъ придетъ сюда», спросилъ Эйноске заботливо: «тогда будете палить?» — «Мы не предвидимъ, чтобы пришелъ сюда какой-нибудь адмиралъ», отвѣчали ему: «оттого и не полагаемъ, чтобъ понадобится палить».

Въ этомъ вопросѣ крылся, кажется, другой: не придутъ ли англичане? Японцы уже выразили однажды предположеніе, что вслѣдъ за нами, вѣроятно, придутъ и другія націи, съ предложеніями о торговлѣ.

Въ Новый годъ, вечеромъ, когда у насъ всѣ уже легли, прѣхали два чиновника отъ полномочныхъ, съ двумя второстепенными переводчиками, Съюзой и Льодой, и привезли отвѣтъ на два вопроса. К. Н. П—ть спалъ; я ходилъ по палубѣ и встрѣтилъ ихъ. Въ бумагѣ сказано было, что полномочные теперь не могутъ отвѣчать на предложенные имъ вопросы, потому что у нихъ есть отвѣтъ верховнаго совѣта на письмо изъ Россіи, и что, по прочтеніи его, адмиралу, можетъ-быть, отвѣты на эти вопросы и не понадобятся. Нечего дѣлать, надо было подождать.

Мы занялись приготовленіями къ встрѣчѣ невиданныхъ на европейскихъ судахъ гостей. Сколько возни, хлопотъ, соображеній истратилось въ эти два дня! Смѣшать и посадить всѣхъ гостей за одинъ столъ, какъ бы сдѣлали въ Европѣ, невозможно. Здѣсь соблюдается такая строгая постепенность въ званіяхъ, что несоблюденіемъ ея, какъ разъ,

наживешь враговъ. Вообще нужна большая осторожность въ обращеніи съ ними, тѣмъ болѣе, что изученіе приличій составляетъ у нихъ важную науку, за неимѣніемъ пока другихъ. Еще Гвальтерн, говоря о японцахъ, замѣчаетъ, что наша вѣжливость у нихъ—невѣжливость, и наоборотъ. Напримѣръ: встать передъ гостемъ, говорить онъ, у нихъ невѣжливо, а надо сѣсть. Мы снимаемъ шляпу въ знакъ уваженія, а они — туфли. Мы, выходя изъ дома, надѣваемъ плащъ, а они — широкіе панталоны, или юбку, которую будто бы снимаютъ при входѣ въ домъ. (Посѣщая насъ, они не снимали ея: не измѣнился ли обычай и въ самой Японіи со времени Гвальтерн?) Наши русые волосы и бѣлые зубы имъ противны; у нихъ женщины сильно чернятъ зубы; чернили бы и волосы, если бъ они и безъ того не были чернѣе сажн. У насъ женщины, въ *интересномъ положеніи*, какъ это называютъ нѣкоторые, надѣваютъ широкія блузы, а у нихъ сильно стягиваются; по разрѣшеніи отъ бремени, у насъ и мать, и дитя моютъ теплой водой (кажется, такъ?), а у нихъ холодной. Не знаю, отчего Гвальтерн, приводя эти противоположности, тутъ же кстати не упомянулъ, что за обѣдомъ у нихъ запиваютъ кушанья, какъ сказано выше, горячей водой, а у насъ холодной. Или это они недавно выдумали?

Да, это все такъ; эту параллель можно продолжать, пожалуй, еще. Мнѣ, напримѣръ, не случалось видѣть, чтобъ японецъ прямо ходилъ, или стоялъ, а непремѣнно полусогнувшись, руки постоянно держитъ наготовѣ, на колѣняхъ, и такъ и смотреть по сторонамъ, нельзя ли кому поклониться. Лишь только завидитъ кого-нибудь равнаго себѣ, сейчасъ колѣни у него начинаютъ сгибаться, онъ точно извиняется, что у него есть ноги, потомъ онъ быстро наклонится, будто переломится пополамъ, руки вытянетъ по колѣнямъ, и на нѣсколько секундъ оцѣпенѣетъ въ этомъ положеніи; послѣ вдругъ выпрямится и опять согнется, и такъ до трехъ

разъ, и больше. А иногда два японца, при встрѣчѣ, такъ и разойдутся въ этомъ положеніи, т.-е. согнувшись, если не нужно остановиться и поговорить. Слуги у нихъ бѣгаютъ тоже полусогнувшись и приложивъ обѣ ладони къ колѣнямъ, чтобъ недолго было падать на полъ, когда понадобится. Передъ высшимъ лицомъ японецъ быстро падаетъ на полъ, садится на пятки и поклонится въ землю. У самихъ полномочныхъ тоже голова всегда клонится долу: всѣ они сидятъ съ поникшими головами, но привычѣвъ, въ свою очередь, падать ницъ передъ высшими лицами. Полномочнымъ, конечно, не приходится упрямлять себя въ этомъ, пока они въ Нагасаки; а въ Едо?

Утромъ, 4-го января, фрегатъ принялъ праздничный видъ: вымытая, вытертая пескомъ и камнями, въ ущербъ моему почному спокойствію, палуба бѣлѣла, какъ полотно; мѣдь ярко горѣла на солнцѣ; снасти уложены были красивыми бухтами, изъ которыхъ въ одной помѣстился общій баловень нашъ, котъ Васыка. Всѣ нарядились. На ютѣ устроили изъ сигнальныхъ флаговъ палатку, и въ ней сѣдалища изъ ковровъ для четырехъ полномочныхъ, и стулья для ихъ свиты. Въ адмиральской каютѣ, роскошно и безъ того убранной, устроены были такія же сѣдалища, для нихъ же, за особымъ столомъ. Другой столъ приготовленъ былъ для адмирала и для троихъ изъ его свиты. За маленькимъ столикомъ, особо, долженъ былъ помѣщаться японскій церемоніймейстеръ. Для переводчиковъ приготовили-было два стула, но они ни сѣсть на нихъ, ни обѣдать не смѣли, а расположились на пяткахъ, на полу.

Часовъ въ 11 пріѣхали баніосы, съ подарками отъ полномочныхъ адмиралу. Всѣ вещи помѣщались въ простыхъ деревянныхъ ящикахъ, а ящики поставлены были на деревянныхъ же подставкахъ, похожихъ на носилки съ ножками. Эти подставки замѣняютъ отчасти наши столы. Японцамъ кажется неуважительно поставить подарокъ на полъ.

На каждомъ лицѣ положены были свертки бумаги, опять съ символомъ «прилипчивости».

Но что за вещи прислали они — заглядѣнье! Одинъ прислалъ шкатулку, черную, лакированную, съ золотыми рельефами храмовъ, бесѣдокъ, горъ, деревьевъ. Лакъ необыкновенно густъ, черенъ, не сходитъ, говорятъ, десятки лѣтъ, и чистъ, какъ зеркало. Такихъ лакированныхъ вещей нигдѣ нѣтъ. Другая коробочка испещрена красно-золотистыми, потонувшими въ лакѣ, искрами. При шкатулкѣ были разныя бездѣлки: курительница для порошковъ, которую японцы носятъ на поясѣ, и еще какія-то принадлежности. Другой подарилъ чернильницу съ золотыми украшеніями, со всѣмъ приборомъ для письма, съ тушью, кистями, стопой бумаги и даже съ восковыми раскрашенными свѣчами.

Но самымъ замѣчательнымъ и дорогимъ подаркомъ была сабля, и по достоинству, и по значенію. Подарокъ сабли у нихъ служить несомнѣннымъ выраженіемъ дружбы. Японскіе сабельные клинки, безспорно, лучшіе въ свѣтѣ. Ихъ строго запрещено вывозить. Клинки у нихъ испытываются, если Эйноске не лгать, палачомъ надъ преступниками. Мастеръ отдаетъ ихъ, по выдѣлкѣ, прямо палачу, а тотъ пробуетъ, сколько головъ (!?) можно перерубить разомъ. Мастеръ чеканитъ число головъ на клинкѣ. Это, будто бы, и служитъ у нихъ оцѣнкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубаетъ, какъ говорилъ Эйноске, три головы. Сабли считаются драгоценностью у японцевъ. Клинокъ всегда блеститъ, какъ зеркало; на него, какъ говорятъ, не надышатся. У Эйноске сабля, подаренная ему другомъ, существуетъ, по его словамъ, около пятисотъ лѣтъ.

Я не знаю толку въ сабляхъ, но не могъ довольно налюбоваться на блескъ и отдѣлку клинка, подарка Кавадзи. Ножны у ней сдѣланы, кажется, изъ кожи акулы, и всѣ зашиты въ шелкъ, чтобъ предостеречь отъ ржавчины. Старикъ Тсутсуэй подарилъ дорогія украшенія къ этой саблѣ, насѣчки и т. п.

Подарокъ знаменательный, особенно при началѣ дѣлъ нашихъ! Полномочные сами не разъ давали понять намъ, что подарокъ этотъ выражаетъ отношенія Японіи къ Россіи. Оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что подарокъ сдѣланъ, конечно, съ согласія, и даже по повелѣнію правительства, безъ воли котораго ни одинъ японецъ, кто бы онъ ни былъ, ни принять, ни дать ничего не смѣетъ. Одинъ разъ Эйноске тихонько сказалъ П—ту, что нашъ матросъ подарилъ одному японцу пустую бутылку.—«Ну, такъ что жъ?» спросилъ тотъ. — «Позвольте прислать ее назадъ», убѣдительно просилъ Эйноске, «иначе худо будетъ: достанется тому, кто принять подарокъ». — «Да вы бросьте въ воду». — «Нельзя: мы привеземъ, а вы ужъ и бросьте, пожалуй, сами».

Каковъ народъ! какова система огражденія отъ контрабанды всякаго рода! Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введеніе христіанства, на просвѣщеніе, когда такъ глухо заперто зданіе и ключъ потерянь? Какъ и когда придетъ все это? А придетъ, нѣтъ сомнѣнія, хотя и не скоро.

Въ Китаѣ началось и дѣятельно продолжается. Когда я ѣхалъ въ Шанхай, я думалъ, что тамъ, согласно нанкинскому трактату, далѣе опредѣленной черты, европейцу нельзя и шагу сдѣлать: а между тѣмъ мы исходили всѣ окрестности и знаемъ ихъ почти, какъ петербургскія. Всего десять лѣтъ прошло съ открытія пяти портовъ въ Китаѣ—и европейцы почти совсѣмъ овладѣли ими. Все дѣлается исподоволь, понемногу. Напримѣръ, въ Китаѣ иностранцамъ позволено углубляться внутрь страны на такое разстояніе, чтобы въ одинъ день можно было на лошади вернуться домой: а американскій консулъ въ Шанхай выстроилъ себѣ дачу гдѣ-то въ горахъ, миль за восемьдесятъ отъ моря. Когда губернаторъ провинціи протестовалъ противъ этого, консулъ отвѣчалъ, что католическіе миссіонеры, въ разныхъ мѣстахъ, еще далѣе имѣютъ монастыри: пусть губернаторъ

выгнать ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи. А выгнать миссіонеровъ нельзя: они глубоко пустили корни. Католическій епископъ въ Гон-Конгѣ сказывалъ, что между китайцами считается до пятисотъ тысячъ католиковъ. Всѣ они тайно покровительствуютъ миссіонерамъ, укрываютъ ихъ отъ взоровъ правительства, даютъ селиться среди себя и всячески помогаютъ. Начальство подкуплено, и миссіонеры дѣлаютъ свое дѣло явно. Губернаторъ зналъ о миссіонерахъ, и потому замолчалъ на возраженіе консула.

Въ другой разъ, къ этому же консулу присталъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ, чуть ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять?—«А зачѣмъ», возразилъ тотъ опять, «у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, давно стоятъ англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не куплю судно въ Пекинъ». Губернаторъ зналъ, конечно, зачѣмъ стоятъ англійскіе корабли у Чусана, и не выгналъ ихъ. Такъ судно американское и пошло, куда хотѣло.

Сдѣлавши одно послабленіе, губернаторъ долженъ былъ допустить десять и молчать, иначе ему не сдобровать. Онъ самъ первый нарушитель законовъ. А европейцы берутъ все больше и больше воли, и въ Пекинъ узидаютъ объ этомъ тогда, когда уже они будутъ подъ стѣнами его и когда помѣшать разливу чужого вліянія будетъ трудно.

Впрочемъ, этого ожидать скоро нельзя по другимъ обстоятельствамъ: во всякомъ другомъ мѣстѣ жители, по лѣности и невѣжеству, охотно отдають себя въ опеку европейцамъ, и тѣ скоро дѣлаются хозяевами у нихъ. Китайцы, напротивъ, сами купцы по преимуществу, и, по меркантильному духу и спекулятивнымъ способностямъ, превосходятъ англичанъ и американцевъ, и не выпускаютъ изъ своихъ рукъ внутренней торговли. Оттого, ни тѣ, ни другіе, не имѣютъ успѣха внутри Китая, и даже не завязываютъ тамъ ника-

ких прямых сношений. Торговля производится чрезъ китайскихъ комиссіонеровъ, которые и ѣздятъ внутрь, для закупки товаровъ отъ самихъ плантаторовъ чая и фабрикантовъ шелка.

Если и Японіи суждено отворить настежь ворота передъ иностранцами, то это случится еще медленнѣе; развѣ принудятъ ее къ тому войной. Но и въ этомъ отношеніи она имѣетъ огромныя преимущества передъ Китаемъ. Если она перейметъ у европейцевъ военное искусство и укрѣпитъ свои порты, тогда она безопасна отъ всякаго вторженія. Одна измѣна можетъ погубить ее: то-есть, если кому-нибудь удастся зажечь въ ней междоусобную войну, вооружить удѣльныхъ князей противъ метрополи—тогда ей не сдобровать. Но пока она будетъ держаться нынѣшней своей системы, увертываясь отъ вліянія иностранцевъ, уступая имъ кое-что и держа своихъ, попрежнему, въ страхъ, не позволяя имъ брать, безъ позволенія, даже пустой бутылки, она еще будетъ жить старыми своими началами, старой религіей, простотой нравовъ, скромностью и умѣренностью образа жизни. Въ настоящую минуту можно и ее отпереть разомъ: она такъ слаба, что никакой войны не выдержать. Но для этого надо поступить по-англійски, то-есть пойти, напримѣръ, въ японскіе порты, выйти безъ спросу на берегъ, и когда стануть не пускать, начать драку, потомъ самимъ же пожаловаться на оскорбленіе и начать войну. Или другимъ способомъ: привезти опиумъ, и когда стануть принимать противъ этого строгія мѣры, тоже объявить войну.

Долго заставили себя ждать полномочные. Мы ужъ давно расхаживали по юту и по пиканцамъ, раза по два бѣгали къ камбузу съѣсть по горячему пирожку, или по котлеткѣ, а ихъ все нѣтъ!

Въ первомъ часу, наконецъ, отъ берега тронулась цѣлая флотилія къ намъ. Посреди пятидесяти или шестидесяти лодокъ, медленно плыли двѣ огромныя, крытыя лодки или

барки, какъ два гроба, обтянутыя, какъ гробы же, красной матеріей, утыканныя золочеными луками, стрѣлами, пиками и булавами. Лодки были въ два этажа, съ галлереею вокругъ, для гробцовъ. Вверху помѣщалась свита, внизу сами полномочные. Множество мелкихъ лодокъ вели большія на буксирѣ. На носу большой лодки стоялъ японецъ, съ какой-то бѣлой метелкой, и махая ею, управлялъ буксиромъ, подъ мѣрный звукъ гонга и криковъ. Шумъ былъ страшный. Оба гроба пристали къ парадному трапу и стали рядомъ.

Баніосы, переводчики, поползли, какъ изъ мѣшка, и затопили палубу. За ними вышло до шестидесяти человѣкъ караула. Японцы не хотѣли уступить намъ въ церемоніаль. Для угощенія свиты и людей и для соблюденія порядка назначено было нѣсколько офицеровъ. Наконецъ, вышли и полномочные. К. Н. П. и я встрѣтили ихъ при входѣ, адмиралъ — у дверей своей каюты. На никанцы былъ вызванъ караулъ съ музыкой. Имъ предложили посмотреть фрегатъ, и они съ удовольствіемъ согласились. Я никакъ не думалъ, чтобъ старикъ пріѣхалъ. Куда бы, кажется, ему? А онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналь, и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ усталости. Они на всемъ оставались, разспрашивали, и если находили что-нибудь покрытое, или завѣшенное, приподнимали и спрашивали, что тамъ такое, зачѣмъ.

Ихъ повели въ адмиральскую каюту. Она была очень ярко убрана: стѣны въ ней, или, по-морскому *переборки*, и двери, были краснаго дерева, полъ, или палуба, устлана ковромъ; на окнахъ красныя и зеленыя драпиріи. Для четырехъ полномочныхъ приготовленъ былъ широкій и невысокій диванъ, покрытый пестрыми англійскими коврами. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, всѣ пошли наверхъ, въ палатку. Полномочные вели себя, какъ топки, вѣкъ жившіе

въ свѣтѣ, люди; все должно было поражать ихъ, не видавшихъ никогда европейскаго судна, мебели, украшеній. Что шагъ, то новое для нихъ. Они сознались въ этомъ на другой день, но тутъ не показали, ни жестомъ, ни взглядомъ, удивленія, или восторга. Музыку они тоже слышали въ первый разъ, и только одинъ изъ нихъ качалъ головой въ тактъ, какъ дѣлають у насъ меломаны, сидя въ оперѣ.

Имъ подали чай. Между тѣмъ вся команда выстроилась на палубѣ; началось ученіе ружьемъ, потомъ маршировка. Четыреста человѣкъ маршировали вокругъ мачты, отъ юта до бака и обратно. Но всего эффектиѣе было, когда пробил тревогу: изъ всѣхъ люковъ сыпались люди и разбѣгались, какъ мыши, по всѣмъ направленіямъ, каждый къ своему орудію. Я ужъ привыкъ къ этому, но и мнѣ зрѣлище это показалось интересно; а людямъ, не видавшимъ никогда ничего подобнаго! Имъ показали дѣйствіе орудіями. Они благодарили адмирала и попросили поблагодарить людей. — «Спасибо, ребята», сказалъ адмираль. — «Рады стараться!» раздалось четыреста голосовъ. Опять эффектъ.

Накрыли столы. Для полномочныхъ и церемоніймейстера въ гостинной адмиральской каюты. За другимъ столомъ сидѣлъ адмираль и трое насъ. Въ столовой посадили одиннадцать человѣкъ свиты полномочныхъ, и еще десять человѣкъ въ кают-компаніи. Для караула отведено было мѣсто въ батарейной палубѣ.

Хотя японцы и просили устроить обѣдъ на европейскій ладъ, однакожь нельзя было заставить ихъ ѣсть вилками и ножами, и потому надѣлали палочекъ. Хлѣба они не ѣдятъ, и имъ безпрестанно ставили горячій рисъ. Съ тарелокъ они тоже не привыкли ѣсть: имъ подавали супъ и уху въ чайныхъ чашкахъ. Въ столовой, гдѣ обѣдала свита, на столѣ разставлены были тарелки съ вареньемъ и широкимъ. Гости начали съ этого и до супу уничтожили всѣ сладкіе пирожки и конфеты, полагая, что если поставлено, то ме-

длить нечего. — «Что это?» спрашивали они, при каждом блюде, и чего-то, казалось, ожидали. Имъ подавали больше рыбы, но переводчикъ сказалъ, что они ждуть мяса, которое ѣдятъ, какъ рѣдкость. Отвращенія они къ нему не имѣютъ, напротивъ, очень любятъ, а не ѣдятъ только потому, что не велѣно, за недостаткомъ скота, который употребляется на работы. У насъ изъ мясныхъ блюде приготовленъ былъ для нихъ нарочно шпавъ изъ баранины, ветчина и, кажется, только. Говядины на фрегатѣ въ то время не было. Прочія блюда были изъ рыбы, или живности. Они съ удовольствіемъ ѣли баранину, особенно четвертый полномочный. Кончивъ тарелку, онъ подаль ее челоуѣку самъ: зналъ, что желаетъ повторенія. Скатерти, салфетки, солонки—все обращало ихъ вниманіе. И надо было отдать имъ справедливость: они такъ приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами. Только одинъ изъ нихъ, Кавадзи, на минуту придержался японскаго обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, въ родѣ крема, съ бисквитами: онъ попробоваль, должно-быть, ему понравилось; онъ вынулъ изъ кармана бумажку, переложилъ въ нее все, что осталось на тарелкѣ, стиснулъ и спряталъ за пазуху. — «Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы», замѣтилъ онъ: «гѣтъ, это для своихъ подчиненныхъ».

При этомъ случаѣ разговоръ незамѣтно перешелъ къ женщинамъ. Японцы впаали-было въ легкій цинизмъ. Они, какъ всѣ азіатскіе народы, преданы чувственности, не скрываютъ и не преслѣдуютъ этой слабости. Если хотите узнать объ этомъ что-нибудь подробнѣе, прочтите Кемпфера, или Тунберга. Послѣдній посвятилъ этому цѣлую главу въ своемъ путешествіи. Я не былъ внутри Японіи и не жилъ съ японцами, и потому могъ только кое-что уловить изъ ихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Ч и П—тъ безпрестанно выходили изъ-за стола, то под-

лить имъ шампанскаго, то показать, какъ надо ѣсть какое-нибудь блюдо, или растолковать, изъ чего оно приготовлено. Они смущались нашею вѣжливостью и внимательностью и не знали, какъ благодарить.

Пили они умѣренно. Они пробовали съ большимъ любопытствомъ вино, отпивая поемногу, но бокала не доканчивали, кромѣ, однакожь, четвертаго полномочнаго, мужчины рослаго и полнаго. Тотъ выпилъ бокала четыре.

Имъ намекнули-было о дѣлѣ, о завтрашнемъ свиданіи; но полномочные отвѣчали, что они увлеклись нашимъ праздникомъ, сдѣланнымъ имъ пріемомъ и пріятной бесѣдой, а о дѣлѣ и забыли совсѣмъ.

Переводчики ползали по полу: напрасно я приглашалъ ихъ въ другую комнату, они и руками, и ногами уклонились отъ обѣда, какъ отъ дѣла, совершенно невозможнаго въ присутствіи *grooten herren*, важныхъ особъ. Но у нихъ въ горлѣ пересохло. Кичибе вертѣлся на полу во всѣ стороны, какъ будто его кругомъ рвали собаки. «Хи, хи!» безпрестанно откликался онъ, то тому, то другому. Подъ конецъ обѣда, въ которомъ не участвовалъ, онъ совсѣмъ охрипъ и осовѣлъ. Я налилъ ему и Эйноске по бокалу шампанскаго: они стали-было отпѣкиваться и отъ этого, но Кавадзи махнулъ головой, и они, поклонившись ему до земли, вышли съ жадностью, потомъ обратили признательный взглядъ ко мнѣ и подняли бокалы ко лбу, въ знакъ благодарности.

Я заглянулъ въ другую комнату: тамъ ширь была въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ и пріятныхъ улыбокъ доказывали, что собесѣдники тоже пробовали наши вина. Между ними я замѣтилъ одну, совсѣмъ бритую голову, безъ косички: это докторъ. Доктора и жрецы не носятъ вовсе волосъ. Онъ рекомендовался палчимъ докторамъ, былъ очень живъ и говорилъ немного по-голландски. За десертомъ, въ подражаніе горячему саки, по-

дали имъ глинтвейнъ. Полномочные хлебнули немного, больше изъ любопытства. Потомъ мы, подражая тоже ихъ обычаю, поставили передъ каждымъ полномочнымъ по ящичку конфетъ. Они уже тутъ не могли скрыть своего удовольствія, или удивленія, и ахнули — такъ хороши были ящички, изъ дорогого красиваго дерева, съ деревянной же мозанкой. Да и конфеты, пестротой своей, бросались въ глаза. Потомъ имъ показали и подарили множество раскрашенныхъ граверъ съ изображеніемъ видовъ Москвы, Петербурга, нашихъ войскъ, еще купленныхъ въ Англіи картинокъ женскихихъ головокъ, плодовъ, цвѣтовъ и т. п. Новые ахи удовольствія и изумленія!

Наконецъ, около сумерекъ, все это нашествіе иноплеменныхъ исчезло отъ насъ, съ просьбою посѣтить ихъ.

На другой день, 5-го января, рано утромъ, пріѣхали переводчики спросить о числѣ гостей, и когда сказали, что будетъ немного, они просили пригласить побольше, по крайней мѣрѣ, хоть всѣхъ старшихъ офицеровъ. Они сказали, что настоящій, торжественный пріемъ назначенъ именно въ этотъ день, и что будетъ большою обѣдъ. Какъ нейти на большой обѣдъ? Многие, кто не хотѣлъ ѣхать, поѣхали.

Въ самомъ дѣлѣ, на пристани ожидала насъ толпа гуще, было больше суматохи; навстрѣчу вышли важные чиновники, въ самыхъ пестрыхъ юбкахъ. Еще я замѣтилъ на этотъ разъ, кромѣ солдатъ въ коническихъ шапкахъ, какую-то прислугу, несшую бѣлые фонари изъ рыбьихъ пузырей, на высокихъ бамбуковыхъ шестахъ. Прямо противъ пристани выстроена была новенькая, только-что съ иголки, галерея, въ родѣ гауптвахты. Тамъ, на пяткахъ, сидѣло въ четыре ряда человекъ пятьдесятъ японцевъ. Наверху, на террасѣ, налѣво и прямо—вездѣ такія же галереи: не помню, были ли онѣ прежде тутъ, или нѣтъ? А! вотъ и лошады! Наконецъ, я увидѣлъ и ее: дрянная буланая лошаденка пугалась музыки, прыгала и рвалась къ лѣстницѣ. Всадникъ

едва удерживалъ ее; кажется, онъ былъ представитель японской кавалеріи. Но съ нами караула было меньше и шествіе не такъ торжественно.

Японскіе полномочные и свита одѣты были, попрежнему, очень парадно. Теутсуй и Кавадзи объявили, что они имѣютъ вручить письмо отъ верховнаго совѣта. «Пожалуйте, гдѣ оно?» спросили ихъ. «А вотъ», отвѣчали они, указывая на окованный желѣзомъ, бѣлый сундукъ, какіе у насъ увидишь во всякомъ старинномъ купеческомъ домѣ, и на шелковый, съ кистями, тутъ же стоящій, ящикъ. «Кто приметъ письмо?» О. А. Г., по приказанію адмирала, вышелъ на середину. Церемоніймейстеръ, съ поклономъ, подошелъ и открылъ шелковый ящикъ. «Ужели такое большое письмо?» думалъ я, глядя съ любопытствомъ на ящикъ. — «Извольте же принимать», сказалъ переводчикъ. Г. взялъ ящикъ и насилу держалъ въ рукахъ. Онъ пошелъ въ «отдыхальню» и мы за нимъ, а за нами понесли сундукъ. «Зачѣмъ же большой сундукъ?» подумалъ я еще, глядя въ недоумѣніи на сундукъ. Открыли его, тамъ стоялъ другой сундукъ, поменьше, потомъ третій, четвертый, все меньше и меньше. И вотъ въ этотъ-то четвертый сундукъ и вставлялся шелковый, по счету пятый, ящикъ. Но отчего жъ онъ тяжелый? Подняли крышку и увидѣли въ немъ еще шестой и послѣдній ящикъ, изъ бѣлаго лакированного дерева, тонкой отдѣлки, съ окованными серебромъ углами. А ужъ въ этомъ ящикѣ и лежала грамота отъ Горочю, въ отвѣтъ на письмо изъ Россіи, писанная на золоченой, толстой, какъ пергаментъ, бумагѣ, и завернутая въ нѣсколько шелковыхъ чехловъ. Какіе затѣйники!

Послѣ этого церемоніймейстеръ пришелъ и объявилъ, что е. в. сіюгунъ прислалъ російскому полномочному подарки и просилъ принять ихъ. Въ знакъ того, что подарки принимаются съ уваженіемъ, нужно было дотронуться до каждаго изъ нихъ обѣими руками. «Вотъ подарятъ рѣдкостей!»

думали всё: «отъ самого сіюгуна!»—«Что подарили?» спрашивали мы шопотомъ у П—та, который ходилъ въ залу за подарками. «Ваты», говоритъ.—«Какъ ваты?»—«Такъ, ваты шелковой, да шелковой матеріи».—«Что жъ, шелковая матерія—это хорошо!»

Въ это время слуги внесли подставки, въ родѣ постелей, и на нихъ разложены были куски матерій и ваты. Матерія двухъ цвѣтовъ, бѣлая и красная, съ ткаными узорами, но такъ проста, что въ порядочномъ домѣ нельзя и драпри къ окну сдѣлать. «Что жъ, нѣтъ у нихъ лучше, или не можетъ дать сіюгунъ?» Какъ нѣтъ! едва ли въ Ліонѣ дѣлаютъ матеріи лучше тѣхъ, которыя мы видѣли на платьяхъ полномочныхъ. Но японцы не дарятъ и не показываютъ ихъ, чтобы не привлекать на свое добро чужихъ взглядовъ и отбить охоту торговать. Притомъ шелкъ у нихъ запрещено вывозить, наравнѣ съ металлами. Въ Японіи его мало. Имъ сырецъ привозится изъ Китая и они выдѣлываютъ матерію для собственнаго употребленія. Лучшія и богатые матеріи дѣлаются ссыльными, на маленькой неприступной скалѣ, къ югу отъ Японіи. Тамъ ни одна лодка не можетъ пристать къ скаламъ, и преступникамъ въ извѣстные сроки привозятъ провизію, а они на веревкахъ втаскиваютъ ее вверхъ. Самъ островъ малъ и безплоденъ.

Наконецъ, сундукъ съ письмомъ и подарки—все убрали, церемоніймейстеръ пришелъ опять сказать, что е. в. сіюгунъ повелѣлъ угостить насъ обѣдомъ. Обѣдъ готовили, какъ видно, роскошный. Въмѣсто шести, было поставлено по двѣнадцати подставокъ или скамеечекъ, передъ каждымъ изъ насъ. На каждой скамеечкѣ—по двѣ, по три, а на иныхъ и больше чашекъ съ кушаньями. Кромѣ того были наставлены разные миниатюрные столики, коробки, какъ игрушки; на нихъ воткнуты цвѣты, сдѣланные изъ овощей и изъ матерій очень искусно. Подъ цвѣтами лежала закуска: кусочки превкусной, прессованной желтой икры, сырая

рыба, красная пастила, еще что-то изъ рыбы, въ родѣ сыра.

На особомъ миниатюрномъ столикѣ, отдѣльно, посажена на деревянной палочкѣ цѣлая птичка, какъ есть въ натурѣ, съ перьями, съ хвостомъ, съ головой, похожая на бекаса. Когда я задумался, не зная за что приняться, Накамура Тамоя, церемоніймейстеръ, подошелъ ко мнѣ и показалъ на птичку, предлагая попробовать ее. «Да какъ же ее ѣсть, когда она въ перьяхъ?» думалъ я, взявъ ее въ руки. Но между перьями наложено было мясо птички, изжаренное и наръзанное кусочками. Дичь была очень вкусна. Я съѣлъ всю птичку. Накамура знаками спросилъ, не хочу ли я другую? «Гм!» съѣлъ я утвердительно. Слуга вскочилъ, взялъ миниатюрную подставку, съ бывшей птичкой, и принесъ другую. А я между тѣмъ обратилъ вниманіе на прочее: съѣлъ похлебку сладкую, съ какими-то клѣцками, похожими немного и на макароны. Что тамъ было еще—я и вникнуть не могъ. Далѣе была похлебка изъ грибовъ, вареныхъ цѣликомъ, рыба съ бульономъ, и подъ соусами, вареная зелень, раки и варенныя устрицы, множество соленыхъ и моченыхъ овощей: все то же, что въ первый разъ, но со многими прибавленіями.

Рыба, съ загнутымъ хвостомъ и головой, была, какъ и въ первый разъ, тутъ же, но только гораздо больше прежней. Эта красная толстая рыба, называемая *steinbrassen* по-голландски, по-япоски *тай*—лакомое блюдо у японцевъ; она и въ самомъ дѣлѣ хороша.

Цвѣты искусственныя и дичь съ перьями напомнили мнѣ старую европейскую, затѣйливую кухню, которая щеголяла такими украшеніями. Давно ли перестали изъ моркови и свеклы вырѣзывать фигуры, узоромъ располагать кушанья, строить храмы изъ леденца и т. п.? Енѣ и нынче по мѣстамъ водятся такія утонченности. Новѣйшая гастрономія чуждается украшеній, не льстящихъ вкусу. Угождать зрѣ-

нію — не ся дѣло. Она презираеть мелкимъ искусствомъ—изъ окорока дѣлать конфетку, а изъ майонеза цвѣтничкъ.

Опять мы пили саки, а японцы, сверхъ того, горячую воду; опять наставили сластей, только гораздо больше прежняго. Особенно усердно приглашали насъ наши амфитріоны ѣсть сладкое тѣсто изъ какого-то горошка. Были тутъ снїя, бѣлыя и красныя конфеты, похожія вкусомъ, частью на картофель, частью на толскно. Макъ тоже игралъ роль, но всего болѣе рисъ: изъ него сдѣланы были звѣзочки, треугольнички, параллелограммы и т. п. Было изъ тѣста что-то въ родѣ блина, съ начинкой изъ сахарнаго песку, въ первобытномъ видѣ, какъ онъ добывается изъ тростника: были клейкія витунки и проч. Потомъ подали еще толченаго, дорогого чая, взбитаго съ пѣной, какъ шоколадъ.

Меня особенно помирило съ этой кухней отсутствіе всякаго растительнаго масла. Японцы ѣдятъ три раза въ сутки, и очень умѣренно. Утромъ, когда встають—а они встають прерано, раньше даже утра—потомъ около полудня, и, наконецъ, въ 6 часовъ. Порціи ихъ такъ малы, что человѣку съ хорошимъ аппетитомъ ихъ обѣда не достанетъ на закуску. Чашки, изъ которыхъ японцы ѣдятъ, очень малы, а ихъ подаютъ неполныя. Въ цѣлой чашкѣ лежитъ маленькій кусочекъ рыбы, въ другой три гриба плавають въ горячей водѣ, тамъ опять подъ соусомъ рыбы столько, что мало одинъ разъ въ ротъ взять. И всѣ блюда такъ. Головничъ правъ, говоря, что бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ давали мало ѣсть. По-своему японцы давали довольно, а тѣмъ мало.

Мы послѣ узнали, что, для изготовленія этого великолѣпнаго обѣда, былъ приглашенъ поваръ симабарскаго удѣльнаго князя. Симабара—большой заливъ по ту сторону мыса Номо, миляхъ въ двадцати отъ Нагасаки. Когда князь Симабара ѣдетъ ко двору, поваръ, говорили японцы, сопутствуетъ ему туда щеголять своимъ искусствомъ.

Въ сумерки мы простились съ хозяевами, и съ музыкой воротились домой. Вслѣдъ за нами прѣхали чиновники узнать, довольны ли мы, и привезли гостинцы. Какое наказаніе съ этими гостинцами! побросать ящички въ воду неловко: японцы увидятъ, скажутъ, что пренебрегаемъ подарками, беречь — мѣста нѣтъ. Для большой рыбы также сдѣланы ящички, для конфетъ особо, для сладкаго хлѣба опять особо. Я сберегъ нѣсколько миниатюрныхъ подставокъ; если доведу, то увидите образчикъ терпѣнія, и въ то же время мелочности.

Привезли подарки отъ сіюгуна, вату и проч., и все сложили на палубѣ: пройти негдѣ. Ея было такое множество, что можно было, кажется, обложить ею весь фрегатъ.

На другой же день начались и переговоры, и наши постоянныя побѣдки въ Нагасаки. Мы ѣздили безъ всякаго уже церемоніала, въ двухъ катерахъ. Въ одномъ адмираль и четверо изъ насъ: П—тъ, Г., П—въ и я, въ другомъ слуги со стульями. Когда мы предложили оставлять стулья на берегу, въ домѣ губернатора, его превосходительство — и руками и ногами противъ этого. Онъ сказалъ, что ему придется самому тамъ спать и караулить стулья. — «Пожаръ будетъ, сгорятъ пожалуй», говорилъ онъ: «и крысъ тоже много въ этомъ домѣ: попортятъ». Мы всё засмѣялись, и онъ не выдержалъ и тоже ослабился. — «Да мы не взыщемъ: у насъ еще есть», возразилъ адмираль. — «Вы не взыщете, а я все-таки долженъ буду отвѣчать, если хоть одинъ стулъ попортится», замѣтилъ онъ и не согласился, а предложилъ, если намъ скучно возить ихъ самимъ, брать ихъ и доставлять обратно въ японской лодкѣ, чтò и дѣлалось.

Не знаю, писалъ ли я, что мѣсто велѣно дать и что губернаторъ просилъ только сроку для отдѣлки дома тамъ и т. п. Но день за днемъ проходилъ, а отговорка все была одна и та же, то-есть, что помѣщеніе для насъ еще не го-

тово. Онъ улыбался, когда ему изъявляли неудовольствіе: видно было, что онъ дѣйствовалъ не самъ собою. Ему, конечно, поручено было протянуть дѣло до нашего уха, и онъ исполнялъ это отлично. Наконецъ тянуть долѣе было нельзя, и онъ сказалъ, что мѣсто готово, но предложилъ пользоваться имъ на такихъ условіяхъ, что согласиться было невозможно: на примѣръ, чтобы баніосы провожали насъ на берегъ и обратно къ судамъ. Адмиралъ приказалъ имъ сказать, что мѣста не надо и отослалъ бумагу объ этихъ условіяхъ назадъ. Японцы того и хотѣли. Имъ нужно было не давать повадки иностранцамъ свѣзжать на берегъ: если бы они дали мѣсто намъ, надо было бы давать и другимъ; а они надѣялись или вовсе уклониться отъ этой необходимости, или, по возможности, ограничить ее, наконецъ хоть отдалить, сколько можно, это событіе.

Не касаюсь предмета нагасакскихъ конференцій адмирала съ полномочными: переговоры эти могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для описаній другого рода, важнѣе, а не этихъ скромныхъ писемъ, гдѣ я, какъ въ панорамѣ, взялся представить вамъ только внѣшнюю сторону нашего путешествія.

Мы часто повадились ѣздить въ Нагасаки, почти черезъ день. Чиновники пріѣзжали *за нами* всякій разъ, хотя мы просили не дѣлать этого, благо узнали дорогу. Но имъ все еще хочется показывать народу, что иностранцы, не иначе, какъ подъ ихъ прикрытіемъ, могутъ выходить на берегъ.

Что съ ними дѣлать? Имъ велятъ удалиться, они отойдутъ на лодкахъ отъ фрегата, станутъ въ нѣкоторомъ разстояніи; и только мы отвалимъ, гребцы затанутъ свою пѣсню: «осильянь! осильянь!» и начнутъ стараться переплыть насъ.

Въ день, назначенный для второй конференціи, погода была ужасная: вѣтеръ штормовой ревѣлъ съ ночи, дождь лить, какъ изъ ведра. Японцы никакъ не воображали, что

мы прїѣдемъ, не являлись *за нами* и не ждали насъ на берегу. А мы надѣли непромокаемыя пальто, взяли зонтики, да и отправились. Вода ручьемъ текла съ насъ, мы ничего, ѣдемъ себѣ. Японцы и рты разинули. Они, какъ мухи въ непогоду, сидѣли по своимъ угламъ. Въ домѣ поставили *мангалы*, небольшія жаровни, для нагрѣванія воздуха. Но воздухъ не нагрѣвался; а можно было погрѣть только руки, да угорѣть. Я не понимаю, какъ они сами терпятъ это? Мы почти всякій разъ, во время засѣданій, надѣвали шинели и пальто. Это подало поводъ почти каждому японцу подойти ко мнѣ и погладить бобровый воротникъ. На вопросъ, есть ли у нихъ мѣха, они отвѣчали, что есть звѣри: выдры и лисицы, но что мѣховъ почти никто не носитъ.

Назначать время свиданія предоставлено было адмиралу. Одинъ разъ онъ назначилъ чрезъ два дня, но, къ удивленію нашему, японцы просили назначить раньше, т.-е. на другой день. Дѣло въ томъ, что Кавадзи хотѣлось въ Едо, къ своей супругѣ, и онъ торопилъ переговорами. — «Тѣло здѣсь, а душа въ Едо», говорилъ онъ не разъ.

Кавадзи этотъ всемъ намъ понравился, если не больше, такъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и старикъ Тсутсуй, хотя иначе, въ другомъ смыслѣ. Онъ былъ очень уменъ, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что умъ свой онъ обнаруживалъ искусной діалектикой противъ насъ же самихъ. Но каждое слово его, взглядъ, даже манеры — все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опытность. Умъ вездѣ одинаковъ: у умныхъ людей есть одни общіе признаки, какъ и у всѣхъ дураковъ, несмотря на различіе націй, одеждъ, языка, религій, даже взгляда на жизнь.

Мнѣ нравилось, какъ Кавадзи, опершись на богатый вѣеръ, смотрѣлъ и слушалъ, когда рѣчь обращена была къ нему. До половины рѣчи ротъ его былъ полуоткрытъ, взглядъ немного озабоченъ — признаки напряженнаго вниманія. На

лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одни за другимъ, понятія, и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой, скрытый смыслъ, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ. Если говорилъ старикъ, Кавадзи потуплялъ глаза и не смотрѣлъ на старика, какъ будто не его дѣло, но живая игра складокъ на лбу и содроганіе вѣкъ и рѣсницъ, показывали, что онъ слушалъ его еще больше, нежели насъ. Переговоры всѣ, повидимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсугеуй былъ посланъ такъ, больше для значенія и, можетъ-быть, тоже по своему пріятному характеру.

Однажды, въ частной бесѣдѣ, адмиралъ доказывалъ, что японцы напрасно боятся торговли; что торговля можетъ только разлить довольство въ народъ и что никакая нація отъ торговли не приходила въ упадокъ, а напротивъ, богатѣла.

Приводили имъ въ примѣръ, чѣмъ бы иностранцы могли торговать съ ними. — «Вонъ, напримѣръ, у васъ замѣтенъ недостатокъ въ первыхъ домашнихъ потребностяхъ: окна заклеены бумагой», говорилъ адмиралъ, глядя вокругъ себя: «отъ этого въ комнатахъ и темно, и холодно: вамъ привезутъ стекла, научатъ, какъ его дѣлать. Это лучше бумаги и дешево стоитъ. У насъ», далѣе говоритъ онъ: «въ Камчаткѣ, и другихъ мѣстахъ, около лежащихъ, много рыбы, а соли нѣтъ; у васъ есть соль: давайте намъ ее, и мы вамъ же будемъ возить соленую рыбу, которая составляетъ глав-

вую пищу въ Японіи. Зачѣмъ употреблять вамъ всѣ руки на воздѣлываніе риса? употребите ихъ на добываніе металловъ, а рису вамъ привезутъ съ Зондскихъ острововъ — и вы будете богаче...» — «Да», прервалъ Кавадзи, вдругъ поднявъ свои широкія вѣки: «хорошо, если бѣ иностранцы возили рыбу, стекло, да рисъ, и тому подобныя, необходимые предметы, а какъ они будутъ возить вонъ этакіе часы, какіе вы вчера подарили мнѣ, на которые у насъ глаза разбѣжались, такъ вѣдь японцы вамъ отдадутъ послѣднее...» А ему подарили прекрасныя столовыя, астрономическія часы, гдѣ, кромѣ обыкновеннаго циферблата, обозначены перемѣны луны и вставлены два термометра. Мы всѣ засмѣялись, и онъ тоже. — «Впрочемъ, примите эти слова, какъ доказательство только того, что мнѣ очень нравятся часы», прибавилъ онъ.

Хотѣли-было послѣ этого говорить о дѣлѣ, но что-то не клеилось. — «Нѣтъ, видно намъ уже придется кончить эту бесѣду», смѣючись, прибавилъ Кавадзи, приподнимался аристократически-лѣниво съ пятокъ.

Ну, чѣмъ онъ не европеецъ? Тѣмъ, что однажды за обѣдомъ спряталъ въ бумажку пирожное, а въ другой разъ слизнулъ съ тарелки сою изъ анчоусовъ, которая ему очень понравилась? это мѣстные нравы — больше ничего. Онъ до сихъ поръ не видалъ тарелки и ложки, ѣлъ двумя палочками, похлебку свою пилъ непосредственно изъ чашки. Можно ли его укорять еще и за то, что онъ, отвѣдавъ какого-нибудь кушанья, отдавалъ небрежно тарелку Эйноске, который, какъ пудель, сидѣлъ у ногъ его? Переводчикъ бралъ, съ земнымъ поклономъ, тарелку и доѣдалъ остальное.

Я взглядывался во все это и — какъ въ Китаѣ — базары и толкотня на нихъ поразили меня сходствомъ съ нашими старыми базарами, такъ и въ этихъ обычаяхъ поразило меня сходство съ нашими же старыми нравами. И у насъ,

у ногъ старинныхъ баръ и барынь, сидѣли любимые слуги и служанки, шуты, и у насъ также кидали имъ куски, называемые подачкой; у насъ привозили изъ гостей разныя сласти или гостиницы. Давно ли еще Грибоѣдовъ посмѣялся, въ своей комедіи, надъ «подачкой»? Въ эпоху нашего младенчества, изъ азіатской колыбели попало въ наше воспитаніе нѣсколько замашекъ и обычаевъ, и теперъ еще не совсѣмъ изгладившихся, особенно въ простомъ быту.

Послѣ восьми или десяти совѣщаній, полномочные объявили, что имъ пора ѣхать въ Едо. По нѣкоторымъ вопросамъ они просили отерочки, опираясь на то, что у нихъ скончался государь, что новыи сіогунъ очень молодъ, и потому ему предстоитъ сначала показать въ глазахъ народа уваженіе къ старымъ законамъ, а не сразу нарушать ихъ, и уже впоследствии какъ будто уступить необходимости. Далѣе нужно ему, говорили они, собрать на совѣтъ всѣхъ своихъ удѣльныхъ князей, а ихъ шестьдесятъ человекъ.

Однажды, на вопросъ, кажется, о томъ, отчего они такъ медлятъ торговать съ иностранцами, Кавадзи отвѣчалъ: — «торговля у насъ дѣло новое, несозрѣлое; надо подумать, какъ, гдѣ, чѣмъ торговать. Дѣвицу отдаютъ замужъ», прибавилъ онъ: «когда она вырастетъ: торговля у насъ не выросла еще...»

Послѣ семи или восьми засѣданій, началъ уже ѣздить на фрегатъ церемоніймейстеръ Накамура Тамея, съ Эйноске и съ четырьмя секретарями, записывавшими все, что говорилось. Какъ быстро подчиненный усваиваетъ здѣсь роль начальника, да и не здѣсь только! Накамура, какъ медвѣдь, неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью. Но его постигла-было вотъ какая бѣда: адмиралъ отдалъ ему, для передачи полномочнымъ, запечатанный пакетъ, заключавшій важныя бумаги.

Накамура прѣблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ... «Какъ взять? Это не водится, да и не нужно, причины нѣтъ!» приказалъ отвѣчать адмиралъ. — «Есть, есть», говорилъ онъ: «мнѣ не вѣльно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю уѣхать отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!»

И сами полномочные перенугались: «въ бумагахъ говорится что-то такое», прибавилъ Накамура: «о чемъ имъ не дано никакихъ приказаній гдѣ Едо: тамъ подумаютъ, что они какъ-нибудь сами напросились на то, что вы пишете». Видя, что бумагъ не берутъ, Накамура просилъ адресовать ихъ прямо къ Горочю. На это согласились.

Какъ онъ обрадовался, когда П—тъ, по приказанію адмирала, дотронулся до бумаги рукой: это значило — взять. Онъ, съ радости, отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ, который они всѣ посятъ (т.-е. кто важнѣе), и подаль его П—ту. Мы всѣ засмѣялись. Въ этомъ Накамуръ есть еще что-то дикое, впрочемъ, только въ наружности. Онъ похожъ немного, взглядами, голосомъ и движеніями, на звѣря. Онъ полюбилъ П—та и меня, безпрестанно гладилъ насъ по плечу, подавалъ руку. Еще въ первое посѣщеніе фрегата, когда четверо полномочныхъ и онъ сидѣли съ нами за обѣдомъ въ адмиральской каютѣ, онъ выказалъ мнѣ расположеніе: предлагали тосты, и онъ предложилъ, сказавъ, что очень радъ *видѣть всѣхъ, особенно меня*. Мы всѣ засмѣялись. Впрочемъ, я и П—тъ, можетъ-быть, обязаны его вниманіемъ тому, что мы усердно хозяйничали, потчивали гостей, подливали имъ шампанское, въ томъ числѣ и ему. — «Мы не умѣемъ такъ угостить васъ», задумчиво говорили они, какъ будто съ завистью. Накамуръ поправилось очень піанино въ каютѣ капитана. Когда стали играть, онъ пришелъ въ восторгъ. — «Кого, кого!» отрывисто твердилъ онъ, показывая на фортепіано. Такъ называется, похожій съ

виду на фортепіано, японскій музыкальній инструментъ, въ родъ гуслей, на которыхъ играютъ японки.

Чтобы занять его чѣмъ-нибудь, пока адмиралъ читалъ привезенную имъ бумагу, я показывалъ ему разныя картинки, между прочимъ прошлогоднихъ женскихъ модъ. Картинки эти вшиты были въ журналы. Женскія фигуры и платья произвели большой эффектъ. Замѣтивъ это, я выдралъ картинки изъ журналовъ и подарилъ ему. Онъ былъ въ восторгѣ. Еще я подарилъ ему видъ Лондона, въ сверткѣ, величиной въ восемнадцать футовъ, купленный мною въ туннель подъ Темзой. Накамура обрадовался, и на другой же день привезъ мнѣ коробку лучшаго табаку, двѣ трубки и два маленькіе кисета. Отдавая, онъ повторялъ: «табакко, табакко». Португальцы завезли имъ это слово вмѣстѣ съ табакомъ.

Занимая Накамура, я взялъ маленькій японскій словарь Тунберга и разговоры, и началъ читать японскія фразы, писанныя латинскими буквами. Неимовѣрный хохотъ поднялся между Накамурой и другими японскими собесѣдниками. Между прочимъ тамъ есть фраза: «покажи мнѣ домъ Миссури». Я, вмѣсто Миссури, вставилъ имя губернатора Овосава и привелъ гостей въ крайнее недоумѣніе, даже въ испугъ. Накамура, собесѣдники его и два переводчика, стали заглядывать въ книгу, чтобъ узнать, какъ пошло туда имя губернатора. Узнавъ мою хитрость, Накамура грозилъ мнѣ пальцемъ и хохоталъ. Впрочемъ, видно, что онъ эмышленый и распорядительный человекъ, хотя и медвѣжьей паружности.

Противнѣе всѣхъ велъ себя Эйпоске. Онъ былъ переводчикомъ при Кавадзи, и потому переводилъ важнѣйшую часть переговоровъ. Онъ зазнался, едва слушалъ другихъ полномочныхъ; когда Кавадзи не было, онъ сидѣлъ на стулѣ, развалившись. Вообще не скрывалъ, что онъ выросъ, и подъ конецъ переговоровъ велъ себя гораздо хуже, нежели въ началѣ. Онъ не прочь и покутить: часто просилъ шампан-

скаго, и одинъ разъ, при Накамурѣ, такъ напился съ четырехъ бокаловъ, что вздумалъ-было разсуждать самъ, не переводить того, что ему говорили: но ему сказали, что возьмутъ другого переводчика. Кичибэ не забывался: онъ показывалъ зубы, сидѣлъ въ уголку и хикалъ на всѣ стороны.—«Хи!» откликался онъ, быстро оборачиваясь то къ тому, то къ другому японцу, когда кликали: «Кичибэ!»— «Кичибэ!» кликнулъ я однажды въ шутку.—«Хи!» отозвался онъ на мою сторону и поползъ ко мнѣ, но, увидѣвъ ошибку, добродушно засмѣялся и поползъ назадъ.

Когда мы ѣздили въ Нагасаки, намъ каждый день давали въ полдень закуску, а часа въ три, такъ-называемый *банкетъ*, т.-е. чай и конфеты. Мы тоже угощали Накамуру и всю свиту его, и они охотно ѣздили къ намъ. Губернаторскіе чиновники не показывались больше, такъ какъ дѣла велись уже съ полномочными и пріѣхавшими съ ними чиновниками. Особенно съ удовольствіемъ ѣли они мясо и пили вишневку. Ихъ всячески забавляли: показывали волшебный фонарь, модель паровоза, рельсы. Съ разинутыми ртами смотрѣли они, какъ мчится сама-собою машинка, испуская паръ; играли для нихъ на маленькихъ органахъ, наконецъ, гремѣла наша постоянная музыка.

Адмиралъ приказалъ сказать Накамурѣ, что онъ проситъ полномочныхъ на второй прощальный обѣдъ, на фрегатъ. Между тѣмъ наступилъ ихъ новый годъ, начинающійся съ яшварскимъ новолуніемъ. Это было 17-го января. Адмиралъ послалъ двумъ старшимъ полномочнымъ двѣ свои визитныя карточки и подарки, состоящіе изъ вишневки, ликеровъ, части быка, пирожного, потомъ послали имъ маленькіе органы, картинки, альбомы и т. п.

20-го января нашего стили, обѣщались опять быть и сами полномочные, и были. Пріѣхавъ, они сказали, что ѣхали на фрегатъ съ большимъ удовольствіемъ. Имъ подали чаю, потомъ адмиралъ сталъ говорить о дѣлахъ.

Передъ обѣдомъ имъ опять показали тревогу въ батарейной палубѣ, но у нихъ отъ этого кажется, душа въ пятки ушла. Въ самомъ дѣлѣ, для не привычнаго человѣка кажется жутко, когда вдругъ четыреста человѣкъ, по барабану, бѣгутъ къ пушкамъ, такъ что не подвертывайся: сшибуть съ ногъ; раскрѣпляютъ ихъ, отодвигаютъ, заряжаютъ, палить (примѣрно только, ударными трубками, т.-е. пистонами) и опять придвигаютъ къ борту. Почти пяти-аршинныя орудія летаютъ, какъ игрушки. Грохотъ орудій, топотъ людей, вспышки и удары пистоновъ, слова команды—все это *болжно видѣть* и не японскому глазу. Видно было, что нашимъ гостямъ это удовольствіе не совсѣмъ понравилось. Старикъ Тсуцусуй испугался до дурноты. Велѣли скорѣе прекратить. Накадунѣ они засылали Эйноске просить, будто для себя, а въ самомъ дѣлѣ, конечно, по приказанію изъ Едо, подарить одно ружье съ новымъ прицѣломъ, да нѣсколько пушечныхъ пистоновъ. Но адмиралъ отказалъ, замѣтивъ, что такіе предметы можно дарить только тѣмъ, съ кѣмъ находишься въ самыхъ дружескихъ и постоянныхъ сношеніяхъ.

Послѣ тревоги показали парусное ученье: въ нѣсколько минутъ отдали и убрали паруса.

Потомъ сѣли за столъ, уже не попрежнему, а всѣ вмѣстѣ, на европейскій ладъ, т.-е. всѣ четверо полномочныхъ, потомъ Тамея, да насъ семь человѣкъ. Остальнымъ накрытъ былъ столъ въ каютъ-компаніи. Кичибе и Эйноске сѣли опять на полу, у ногъ старшихъ двухъ полномочныхъ. Блюда всѣ подавали по-европейски. Я помогалъ управляться съ ними Кавадзи, а П—ть Тсуцусую. Кавадзи вѣлъ все съ разборомъ, спрашивалъ о каждомъ блюдѣ, а старикъ жевалъ, кажется, безсознательно, что ему ни подавали. Они охотнѣе и больше пили, нежели въ первый разъ, выучились у насъ провозглашать здоровье и безпрестанно подпивали вино и намъ, и себѣ. Мы отпивали понемногу, а они добродушно каждый разъ выпивали всю рюмку.

Въ срединѣ обѣда Кавадзи сталъ немного волноваться: старикъ ничего. Подали шампанское. Когда пробка выско-чила и вино брызнуло вонь, они сдѣлали большіе глаза. Эйноске, какъ человѣкъ опытный, посидѣвши растолковать имъ свойство этого вина. Адмиралъ предложилъ тостъ: «за усибшій ходъ нашихъ дѣлъ!» Кавадзи, послѣ бокала шампанскаго и трехъ рюмокъ наливки, положилъ голову на столъ, пробылъ такъ съ минуту, потомъ отряхнулъ хмель, какъ сонъ отъ глазъ, и быстро спросилъ: «когда онъ будетъ имѣть удовольствіе угощать адмирала и насъ въ послѣдній разъ у себя?» — «Когда угодно, лишь бы это не сдѣлало ему много хлопотъ», отвѣчено ему. Но онъ просилъ назначить день, и когда адмиралъ назначилъ чрезъ два дня, Кавадзи прибавилъ, что къ этому сроку и послѣднія, требованія адмираломъ бумаги, будутъ готовы. Кавадзи все твердилъ: «до свиданія, когда увидимся?» Онъ надѣялся, не выскажемся ли мы, куда поидемъ изъ Нагасаки, т.-е. не воротимся ли въ Россію. Эйноске однажды началъ мѣрять столъ въ адмиральской каютѣ. — «Зачѣмъ?» спросили его. — «А чтобъ сдѣлать такой же», отвѣчалъ онъ: «когда придется угощать васъ опять». Онъ думалъ, не обнаружимъ ли мы при этомъ случаѣ нашихъ намѣреній; но имъ ничего не сказали; говорили только: «до свиданія», а гдѣ, когда—ни слова.

Это пугало ихъ: ну, какъ нагрѣшемъ въ Едо? тогда весь трудъ полномочныхъ пропалъ, и ихъ пріѣздъ въ Нагасаки былъ напрасенъ. Имъ хотѣлось отворотить насъ отъ Едо, между прочимъ для того, чтобъ мы не стакнулись съ американцами, да не стали открывать торговлю сейчасъ же, и, пожалуй, чего добраго, не одними переговорами. Вы, конечно, знаете изъ газетъ, что японцы открыли три порта для американцевъ. Адмиралъ полагаетъ, что послѣ этого затворничество Японіи должно кончиться само собою, безъ трактатовъ. Китоловы не упустили случая ходить по пор-

тамъ, тѣмъ болѣе, что японцы, не желая допускать ничего похожаго на торговлю, но крайней мѣрѣ, теперь, пока зрѣло не обдумаютъ и не рѣшатъ этотъ вопросъ между собою, не хотять и слышать о платѣ за дрова, провизію и доставку за воду. А китоловамъ то и на руку, особенно дрова важны для нихъ: извѣстно, что они, поймавъ кита, на океанѣ же топятъ и жиръ изъ него. Теперь плаваютъ множество китолововъ: какъ усмотрѣть, чтобъ они не торговали въ японскихъ портахъ, которые открыты только для того, чтобъ суда могли забѣжать, взять провизію, воды, да и вонъ скорѣй? Японцы будутъ мѣшать съѣзжать на берегъ, свозить товары; затѣется не разъ ссора, можетъ-быть, драка, сначала частная, а тамъ... Извѣстно, къ чему все это ведетъ.

За обѣдомъ я взялъ на минуту вѣеръ изъ рукъ Кавадзи посмотрѣть: простой, пальмоваго дерева, обвинутый бумажкой. Я хотѣлъ отдать ему назадъ, но онъ просилъ знаками удержать у себя «на память», какъ перевелъ Эйноске слова его. Я поблагодарилъ, но, не желая оставаться въ долгу, отвинтилъ золотую цѣпочку отъ своихъ часовъ и подаль ему. Онъ на минуту остановился, выслушалъ переведенное ему мое привѣтствіе и сказалъ, что благодарить и принимаетъ мой подарокъ. Потомъ вышелъ изъ-за стола и что-то шепнула Эйноске. Это вотъ что: Кавадзи и Теутеуй приготовили мнѣ и II—ту по два ящичка съ трубками, въ подарокъ. Принявъ отъ меня золотую цѣпочку, онъ вѣроятно нашелъ, что подарокъ его слишкомъ ничтоженъ. Кичибе, не зная ничего этого, послѣ обѣда началъ вертѣться подлѣ меня и, по своему обыкновенію, задыхаться смѣхомъ и кряхтѣть. Онъ раза два принимался-было говорить со мною, и наконецъ не вытерпѣвъ, и въ третій разъ заговорилъ, нужды вѣтъ, что я не знаю по-голландски. — «Ихъ превосходительства, Теутеуй и Кавадзи, просятъ васъ и II—та принять по маленькому подарку...» Эйноске не далъ ему

кончить и увелъ въ столовую. Трубки всѣ подарили П—ту, который, благодаря мнѣ, получилъ подарокъ въ двойномъ количествѣ.

На другой день Кавадзи прислалъ мнѣ три куска шелковой матеріи и четыре пальмовые чубука, съ мѣдными мунштуками и трубками. Мѣдь блестеть какъ золото: и въ самомъ дѣлѣ въ японской мѣди много его. Теутсуя я подарилъ серебряную позолоченную ложку, съ чернью, фазона нашихъ деревенскихъ ложекъ, и пожелалъ, чтобъ онъ привыкъ ѣсть ею и приучилъ бы дѣтей своихъ, «въ надеждѣ почаще обѣдать съ русскими». Онъ прислалъ мнѣ въ отвѣтъ два маленькіе ящика, одинъ лакированный, съ инкрустаціей изъ перламутра. другой деревянный, обтянутый кожей акулы, миниатюрный поставецъ, въ какомъ взять въ дорогѣ пищу. Это очень оригинальная вещь. Третій полномочный, которому я подарилъ *porte-monnaie*, отдалъ меня полдюжиной кошельковъ для табаку и черенковъ для ножа. Японцы носятъ разныя насѣчки на своихъ сабляхъ, и между прочимъ небольшіе ножи. Подаренный мнѣ стальной черенокъ былъ тонкой отдѣлки, съ рисованными цвѣтами, птицами и съ японскою надписью. Накамура прислалъ мѣдную японскую черпильницу, съ кистью и тушью.

Подарки, присланные адмиралу, завалили всю палубу, всю каюту. Сами вещи не слишкомъ громоздки, но для всякой сдѣланъ особый ящикъ, и такъ отчетливо, какъ будто долженъ служить цѣлый вѣкъ. Многіе подарки были очень замѣчательны, одни по изяществу, другіе по рѣдкости у насъ. Вазы и чашки фарфоровыя прекрасны, лакированныя вещи еще лучше. Прислали столикъ, шкафчикъ, этажерокъ, даже цѣлыя ширмы; далѣе, куколъ, въ полномъ японскомъ костюмѣ, книжаль, украшенія къ нему и прочее. Еще прислали сои—это просто наказаніе! Одинъ изъ чиновниковъ подарилъ до пятнадцати кадочекъ съ соей. Прислали саки,

какой-то сушеной рыбы, икры; губернаторъ—опять зелени, все это на прощанье.

Послѣ обѣда адмиралъ подаль Кавадзи золотые часы «къ цѣпочкѣ, которую вамъ сейчасъ подарили», добавилъ онъ. Кавадзи былъ въ восторгѣ: онъ еще и въ засѣданія какъ будто напрашивался на такой подарокъ и все показывалъ свои толстые, неуклюжіе серебряные часы, какихъ у насъ не найдешь теперь даже у деревенскаго дьячка. Тсутсюю подарили часы поменьше, тоже золотые, и два куска шелковой матеріи. Прочимъ двумъ по куску матеріи.

Въ 8 часовъ они отправились. Едва они отъѣхали сажень десять отъ фрегата, какъ вдругъ на концахъ всѣхъ рей показались, сначала искры, потомъ затеплились огоньки, пока слабо, потомъ внезапно весь фрегатъ будто вспыхнулъ, и окрестность далеко озарилась фантастическимъ заревомъ бенгальскихъ огней. На палубѣ можно было увидѣть иголку—такъ ярко обливало зарево фрегата и удалявшіяся японскія лодки, и еще ярче отражалось оно въ водѣ. Это произвело эффектъ: на другой день у японцевъ только и разговора было, что объ этомъ: они спрашивали, какъ? что? изъ чего? просили показать, какъ это дѣлается.

Въ субботу мы были у нихъ. Мрачно, сыро, холодно въ комнатахъ, несмотря на то, что день былъ порядочный. До обѣда время прошло въ привѣтствіяхъ, изъявленіяхъ дружбы. И съ губернаторами заключенъ былъ миръ. Адмиралъ сказалъ имъ, что хотя отношенія наши съ ними были не совсѣмъ пріятны, касательно отведенія мѣста на берегу, но онъ понимаетъ, что губернаторы ничего безъ воли своего начальства не дѣлали и потому противъ нихъ собственно ничего не имѣетъ, напротивъ, благодаритъ ихъ за нѣкоторыя одолженія, доставку провизіи, воды и т. п.; но проситъ только ихъ представить своему начальству, что если оно намѣрено вступить въ какія бы то ни было сношенія

съ иностранцами, то пора ему подумать объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ стѣсненій, которыя всякой благой одной нации покажутся оскорбительными. Губернаторъ свѣчалъ, что онъ объ этомъ извѣститъ свое начальство, а его проситъ извинить только въ томъ, что провизія иногда доставлялась не вполне, сколько требовалось, по причинѣ недостатка. Губернаторамъ послали по куску шелковой матеріи; они отдалили, ужъ не знаю чѣмъ: ящичковъ возили такъ много, что намъ надоѣло даже любопытствовать, что въ нихъ такое.

Прощальный обѣдъ у полномочныхъ былъ полный, хорошій. Похлебка съ лукомъ, приправленная соей и пряностями, очень вкусна. Въ ней плавали фрикадельки, только не знаю изъ чего. Я опять съ удовольствіемъ поѣлъ красной прессованной икры, рыбы подъ соусомъ, съѣлъ двѣ чашки горячаго рису. Накамура, въ подражаніе намъ, безпрестанно подходилъ ко всѣмъ намъ и усердно потчивалъ. — «Не угодно ли еще чего-нибудь?» спрашивали хозяева. — «Нѣтъ, ничего, благодаримъ». — «Можетъ-быть, рису или саки чашечку?» — «Нѣтъ, нѣтъ; мы сыты». — «Ну, не выпьете ли горячей воды?» ласково спросилъ старикъ. Мы отказались и отъ этого. — «Стало-быть, можно убирать?» — «Сдѣлайте милость».

Послѣ обѣда подали «банкетъ». Конфеты такъ и блестяли на широкой тарелкѣ снѣгао фаянса. И какихъ тутъ не было! желтыя, красныя, осыпанныя рисовой пылью, а все ѣсть нельзя. Все это завернули, вмѣстѣ съ тарелкой, и отослали къ намъ: Оаддееву праздникъ! Послѣ поставили передъ каждымъ изъ насъ по подставкѣ, на которой лежали кусочки матеріи, еще подарки отъ Сіюгуна. Матеріи льняныя, шелковыя и, кажется, бумажныя. Офицерамъ всѣмъ принесли по ящичку, съ дюжиной чашекъ, тонкаго, почти прозрачнаго фарфора — тоже отъ имени японскаго государя. Матеріи, кажется, считаются, какъ подарокъ, выше; но ихъ охотно

можно промѣнять на эти легкія, почти прозрачныя, оригинальныя чашки.

Полномочные опять пыгались узнать, куда мы идемъ, между прочимъ, не въ Охотское ли море, т.-е. не скажемъ ли, въ Петербургъ.—«Теперь пока въ Китай», сказали имъ: «въ Охотскомъ морѣ—льды, туда пельзя». Эта скрытость очевидно не нравилась имъ. Напрасно Кавадзи прищуривалъ глаза, закусывалъ губы: на него смотрѣли съ улыбкой. Бѣда ему, если мы идемъ въ Едо!

Адмираль не хотѣлъ однакожь напрасно держать ихъ въ страхѣ: онъ предполагалъ объявить имъ, что мы вооружимся не прежде весны, но только хотѣлъ сказать это, уходя, чтобы они не дѣлали возраженій. Оттого имъ послали объявить объ этомъ, когда мы уже снимались съ якоря. На прощанье, Тсутсуи и губернаторы прислали еще не досланные подарки, первый—бездну ящичковъ адмиралу, П—ту, капитану и мнѣ, вторые—живности и зелени, для всѣхъ.

Вѣтеръ былъ попутный, погода тихая. Намъ не нужно было уже держаться вмѣстѣ съ другими судами. Адмираль отпустилъ ихъ, приказавъ идти на Ликейскіе острова, и мы, поставивъ всѣ паруса, 24-го января, покатили по широкому раздолью на югъ. Шкуна ушла еще прежде, за извѣстіями въ Шанхай о томъ, что дѣлается въ Европѣ, въ Китай. Ей тоже велѣно придти на Лю-чу. Не привезетъ ли она писемъ отъ васъ? Я что-то отчаиваюсь, получаете ли вы мои? Манилла! Манилла! вотъ наша мечта, наша обѣтованная земля, куда стремятся напряженные наши желанія. Это та же Испанія, съ монахами, синьорами, покрывалами, дуэньями, боемъ быковъ, да еще, вдобавокъ, Испанія тропическая!

IV.

ЛИКЕЙСКІЕ ОСТРОВА.

Видъ берега.—Бо-Тсунгъ.—Базиль Галль.—Идиллія.—Дорога въ столицу.—Столица Чуди.—Каменные работы.—Пейзажи.—Жители, дома и храмы.—Поля.—Королевскій замокъ.—Зависимость острововъ.—Протестантскій миссіонеръ.—Другая сторона идилліи.—Напа-Кіянъ.—Жилище миссіонера.—Напакіянскій губернаторъ.—Корабль съ китайскими эмигрантами.—Прогулки и отплытіе.

Портъ Напа-Кіинъ, съ 31-го января по 9-е февраля 1854 г.

Я все время поминалъ васъ, мой задумчивый артистъ: войдешь, бывало, утромъ къ вамъ въ мастерскую, откроешь васъ гдѣ-нибудь за рамками, передъ полотномъ, подкрадешься такъ, что вы, углубившись въ вашу творческую мечту, не замѣтите, и смотришь, какъ вы набрасываете очеркъ, сначала легкій, блѣдный, туманный; все мѣшается въ одномъ свѣтѣ: деревья съ водой, земля съ небомъ... Придешь потомъ черезъ нѣсколько дней—и эти блѣдные очерки обратились уже въ опредѣлительные образы: берега дышать жизнью, все ярко и ясно...

Въ такихъ блѣдныхъ очертаніяхъ, какъ ваши эскизы, явились сначала мнѣ Ликейскіе острова. Масса земли, не

то синей, не то сѣрой, мѣстами лежала горбатой кучкой, мѣстами полосой тянулась по горизонту. Насъ отдѣляли отъ берега пять-шесть миль и гряда коралловыхъ рифовъ. Объ эту каменную стѣну яростно била вода, и буруны или разстилались далеко гладкой целеной, или высоко вскакивали и облаками сѣвжной пыли сыпались въ стороны. Издали казалось, что изъ воды вырываются клубы густого бѣлаго дыма; а кругомъ синее-пресинее море, въ которое съ рифовъ потоками катился жемчугъ да изумруды. Берегъ темень; но вдругъ лучъ падалъ на какой-нибудь клочокъ, покрытый свѣжимъ всходомъ, и какъ ярко зеленѣлъ этотъ клочокъ!

Послѣдніе два дня дулъ крѣпкій, штормовой вѣтеръ; наконецъ онъ утихъ и позволилъ намъ зайти за рифы, на рейдъ. Это было сдѣлано съ разсвѣтомъ; я спалъ и ничего не видалъ. Я вышелъ на палубу, и берегъ представился мнѣ вдругъ, какъ уже оконченная, полная картина, прихотливо-изрѣзанный красивыми линиями, со всѣми своими очаровательными подробностями, въ краскахъ, въ блескѣ.

Берегъ, особенно въ сравненіи съ нагасакекимъ, казался низменнымъ; но за то какъ онъ разнообразенъ! Налѣво отъ насъ выдающаяся въ море часть вывѣтрилась. Тамъ росла скудная трава, изъ-за которой, какъ лысина сквозь рѣдкіе волосы, проглядывали кораллы, посѣрѣвшіе отъ непогодъ, кое-гдѣ кусты, да глинистыя отмели. Прямо передъ нами, берега далеко отступили отъ мели назадъ, представляя коллекцію пейзажей, одинъ другого лучше. Низменная часть тонетъ въ густыхъ садахъ; холмы покрыты нивами, точно красивыми разноцвѣтными заплатами; вершины холмовъ увѣнчаны кедрами, которые стоятъ дружными кучками, съ своими горизонтальными вѣтвями.

Что за зелень тамъ, въ этой кучѣ деревьевъ? чѣмъ засѣяны поля? каковы дома?.. Скорѣй, скорѣй, на берегъ! Двѣ коралловыя сѣрыя скалы выступаютъ далеко изъ бере-

говъ и висятъ надъ водой; на вершинѣ одной изъ нихъ видна кровля протестантской церкви, а рядомъ съ ней тяжело залегли въ густой травѣ и кустахъ каменныя массивныя глыбы разныхъ формъ, цилиндры, полукруги, овалы: издалека примешь ихъ за зданія — такъ велики они. Это памятники кладбища. Далѣе направо берегъ опять немного выдался къ морю и идетъ то холмами, то тянется неизменной, песчаной отмелью, заливаемой приливомъ. Вплотъ почти подъ самымъ берегомъ идетъ гряда рифовъ, черезъ которые скачутъ буруны; мѣстами высунулись изъ воды камни; во время отлива они видны, а въ приливъ прячутся.

Вообще весь рейдъ усѣянъ мелями и рифами. Бѣда входить на него безъ хорошихъ картъ! а тутъ одна только карта и есть порядочная — Бичи. Черезъ часъ катеръ нашъ, чуть-чуть задѣвая килемъ за камень обмельѣвшей при отливѣ пристани, уперся въ глинистый берегъ. Мы выскочили изъ шлюпки и очутились — въ саду не въ саду, и не въ лѣсу, а въ какомъ-то паркѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ, отчасти знакомыхъ и отчасти незнакомыхъ деревьевъ и кустовъ. Изъ нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ было тутъ немного сосенъ, а то все новое, у насъ не виданное.

Меня опять поразило, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, сильный, приторный и пряный запахъ тропическихъ лѣсовъ, охватила теплая влажность ароматическихъ испареній. Мимо лѣса краснаго дерева и другихъ, которые толпой жмутся къ самому берегу, какъ-будто хотятъ столкнуть другъ друга въ воду, пошли мы по тропинкѣ къ другому большому лѣсу, или саду, манившему издали къ себѣ. Мы прошли по глинистой отмели, мимо ямъ и врытыхъ туда сосудовъ, для добыванія изъ морской воды соли. За отмелью начиналась аллея, или улица — какъ хотите, маленькой деревушки Бо-Теунгъ.

Возьмите путешествіе Базилія Галля (въ 1816 г.): онъ

въ числѣ первыхъ посѣтилъ Ликейскіе острова, и взгляните на приложенную къ книгѣ картину, видъ острова: это именно тотъ, гдѣ мы пристали. Вы посмѣетесь надъ этимъ сказочнымъ ландшафтомъ, надъ огромными деревьями, спрятавшимися въ лѣсу хижинами, красивымъ ручейкомъ. Все это покажется похожимъ на пейзажи — съ деревьями изъ моху, съ стеклянной водой и съ бумажными людьми. Но когда увидите оригиналь, тогда посмѣетесь только безсилію картинки сдѣлать что-нибудь похожее на дѣйствительность.

Что это такое «Ликейскіе острова», или, какъ писали у насъ въ старыхъ географіяхъ «Lieue-Kieue», или какъ иностранцы называютъ ихъ «Лю-чу» (Loo-Choo), а по выговору жителей «Ду-чу»? Развертываете того же Галя, думаете прочесть путешествіе и читаете — идиллію. Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и приборы, не спутаны, не смѣшаны въ неумьшленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво расставлено, какъ на декораціи, или на картинахъ Вато. Читаете, что люди, лошади, быки — здѣсь карлики, а куры и пѣтухи — великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральныя каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей, не говорятъ: иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ навстрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ дома и съ земными поклонами ставятъ передъ ними избытки своихъ полей и садовъ... Что это? гдѣ мы? Среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Θεокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ?

Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шель подъ тѣнью акацій, миртовъ и баніановъ; между ними видны кое-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ ку-стахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія, и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ. Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ какъ на картинкѣ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ корал-ловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задума-лась бы передъ этой крѣпостью: и это только, чтобъ огра-дить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миниатюрные дома окружены огородомъ и маленькимъ по-лемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной, росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, у воротъ стояли, опершись на длинныя бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важ-ной осанкой, съ задумчивыми, серьезными лицами, въ ши-рокихъ, простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поя-сомъ, видѣлись—совѣстно и сказать «старики», непременно скажешь «старцы», съ длинными сѣдыми бородами, съ за-чесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковгѣ волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонни-лись, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

«Что это такое?» твердилъ я, удивляясь все болѣе и бо-лѣе: «атакъ, не только Теоокриту, повѣришь и мадамъ Де-зульеръ и Гесперу, съ ихъ Меналками, Хлоями и Дафнами; недостаетъ баранковъ на ленточкахъ. А тутъ кетати, какъ нарочно, нашихъ барановъ велѣно свезти на берегъ погу-лять, будто въ дополненіе къ идилліи.

— «Куда же мы идемъ?» вдругъ спросилъ кто-то изъ насъ, и всѣ мы остановились. — «Куда эта дорога?» спро-сить я одного жителя по-англійски. Онъ показалъ на ухо, помоталъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ. — «Пой-

демте въ столицу», сказалъ И. В. Ф.:—въ Чуто или Чуди (Tshudi, Tshue — по-китайски Шоу-ли, главное мѣсто, но жители произносятъ *Шули*); до нея часть ходьбы, по пре-красной дорогѣ, среди живописныхъ пейзажей. — «Пойдемте».

Я любовался тѣмъ, что вижу, и дивился не тропической растительности, не теплomu, мягкому и пахучему воздуху — это все было и въ другихъ мѣстахъ,—а этой стройности, прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патриархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ; дивился также и этимъ землянымъ и каменнымъ работамъ, стоявшимъ столько трудовъ: это муравейникъ, или въ самомъ дѣлѣ пидиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ все родилось, такъ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія. Что у другихъ смутное преданіе, то здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

Лѣсъ какъ садъ, какъ паркъ царя, или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе каменные дома—ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые череницей, или бѣдныя хижины, въ родѣ хлѣбовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнкахъ изъ топкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за немѣнѣемъ стеколь; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается. Мы подошли къ красивому, обь одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней... Кто училъ

этих дѣтей природы строить? невольно спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ узнали объ ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣющіе строить такіе мосты; сами они нгдѣ не были.

Это единственный, уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ — пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ, развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепрѣимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ, какъ жили двѣ тысячи лѣтъ назадъ, безъ переменъ. Люди, страсти, дѣла — все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой: солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ, пороку и другого подобнаго разврата — нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?

Тронетъ, и ужъ тронула. Американцы, или *люди Соединенныхъ Штатовъ*, какъ ихъ называютъ японцы, за два дня до насъ ушли отсюда, оставивъ здѣсь больныхъ матросовъ, да двухъ офицеровъ, а съ ними бумагу, въ которой уведомляютъ суда другихъ націй, что они взяли эти острова подъ свое покровительство противъ ига японцевъ, на которыхъ имѣютъ какую-то претензію, и потому просятъ другихъ не распорядиться. Они выстроили и сарай для склада каменнаго угля, и послѣ этого *человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ*, коммодоръ Перри, отплылъ въ Японію.

— «Куда ведетъ мостъ?» спросили мы И. В. Ф., который прежде насъ пришелъ съ своимъ судномъ «Князь Меншиковъ» и успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью острова.

«Въ Напу или въ Напа-Кіянъ: вонъ онъ!» отвѣчалъ Ф.,

указывая, черезъ ручей, на кучу черепичныхъ кровель, которыя жались къ берегу и совсѣмъ пропадали въ зелени.

Мы продолжали идти въ столицу по деревнѣ, между деревьями, которыя у насъ растутъ за стекломъ, въ кадкахъ. При выходѣ изъ деревни былъ маленькій рынокъ. Косматыя и черныя, какъ чертовки, женщины сидѣли на полу на пяткахъ, нодь воткнутыми въ землю, на длинныхъ бамбуковыхъ ручкахъ, зонтиками, и продавали табакъ, пряники, какое-то бѣлое тѣсто изъ бобовъ, которое тутъ же поджаривали на жаровняхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, завидя насъ, шмыгнули въ ближайшія ворота, или узенькіе переулки, бросивъ свои товары; другія не успѣли, и только закрывались рукавомъ. Боже мой, какое безобразіе! И это женщины: матери, жены! Да кто же женится на нихъ? Мужчины красивы, стройны: любви изъ нихъ годится въ Менали, а Хлоп ихъ ни на что не похожи! Нѣтъ, жаркіе климаты не благопріятны для дамъ, и прекраснымъ поломъ слѣдовало бы называть здѣсь нашего брата, ликейцевъ или лучинцовъ, а не этихъ обожженныхъ солнцемъ лу-чинокъ.

Вы знаете дорогу въ Парголово: вотъ такая же крупная мостовая ведетъ въ столицу; только, вмѣсто булыжника, здѣсь кораллы: они мѣстами такъ остры, что чувствительно даже сквозь подошву. Я не понимаю, какъ ликейцы ходятъ по этимъ дорогамъ босикомъ? Зато мѣстами кораллъ обтерся совсѣмъ, и нога скользитъ по немъ, какъ по паркету. Выйдя изъ деревни, мы вступили въ великолѣпнѣйшую аллею, которая окаймлена двумя сплошными стѣнами зелени. Кромѣ баніановъ, замѣчательны вышиной и красотой толстыя деревья, изъ волоконъ которыхъ японцы дѣлаютъ свою лучшую бумагу; потомъ разныя породы миртъ; изрѣдка видна въ саду кокосовая пальма, съ орѣхами, и вѣрная. Но пальма что-то показалась мнѣ невзрачна противъ видѣнныхъ нами на Явѣ и въ Сянганурѣ; видно, ей холодно здѣсь — листья жидки и малы. Мы прошли мимо какого-то,

загороженного высокой каменной и массивной стѣной, зданія, съ тремя входами, наглухо-заколоченными, съ китайскими надписями на воротахъ: это буддйскій монастырь. Въ щели, изъ-за стѣны, выглядывало нѣсколько бонзъ, съ бритыми головами.

Все это мѣсто напомнило мнѣ наши старыя и извѣстныя европейскіе сады. Отъ аллея шло множество дорожекъ и переулковъ, налѣво — въ лѣсъ и къ тѣснящимся въ немъ частымъ хижинамъ и фермамъ, направо — въ обработанныя поля. Дорога змѣеобразно вилась по холмамъ и долинамъ... Ахъ, какая мѣстность вдругъ распахнулась передъ нами, когда мы миновали лѣсъ! Точно вдругъ приподнялся занавѣсъ: вдали открылись холмы, долины, овраги, скаты, обрывы, темнѣли лѣса, а вблизи пестрѣли поля, убранныя террасами и засѣянныя рисомъ, плантаціи сахарнаго тростника, гряды съ огородною зеленью, то блѣдною, то изумрудно-темною!

Все открывшееся передъ нами пространство, съ лѣсами и горами, было облито горячимъ блескомъ солнца; кое-гдѣ въ поляхъ работали люди, разсаживали рисъ, или собирали картофель, капусту и проч. Надъ всѣмъ этимъ покоился такой колоритъ мира, кротости, сладкаго труда и обилія, что мнѣ, послѣ долгаго, труднаго, и подъ конецъ даже опаснаго плаванія, показалось это мѣсто самымъ очаровательнымъ и надежнымъ пріютомъ.

Все это не деревья, не хижины: это древнія *веси*, *стии*, *кущи* и *пажити*; иначе о нихъ неприлично и выражаться. Странно мнѣ было видѣть себя и товарищей въ нашихъ короткихъ, обтянутыхъ платьяхъ, быстро и звонко шагающихъ подъ тѣнью исполинскихъ баніановъ. Маленькія, хорошенькія лошадки, не привыкшія видѣть европейцевъ, пугались при встрѣчѣ съ нами; онѣ брыкались и бросались въ сторону. Вожатые, завидя насъ, закрывали имъ глаза соломенной шляпой и торопились пройти мимо. Встрѣчныя

женщины, хотя и не брыкались, но тоже закрывались, а если успѣвали, то и онѣ бросались въ сторону. Только одна дѣвочка, лѣтъ тринадцати, и, сверхъ ожиданія, хорошенькая, вышла изъ сада на дорогу и смѣло, съ любопытствомъ, во всѣ глаза смотрѣла на насъ, какъ смотреть бойкія дѣти. «Какой большой пѣтухъ!» показывая на пѣтуха сказаль кто-то: «по крайней мѣрѣ, въ полтора раза выше нашихъ».

Мы шли въ тѣни сосенъ, баніановъ, или блѣдно-зеленыхъ бамбуковъ, изъ которыхъ П. выломалъ тутъ же себѣ славную зеленую трость. Бамбуки смѣнялись выглядывавшимъ изъ-за забора бананникомъ, потомъ строемъ красивыхъ деревьевъ и такъ далѣе. «Что это, ячмень, кажется?» спросилъ кто-то. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ кудрявый ячмень! По террасамъ, съ одной на другую, текли нити воды, орошая поспѣвы риса.

Глаза разбѣгались у насъ, и мы не знали, на что смотрѣть: на пѣшеходовъ ли, спѣшившихъ, съ маленькими лошадаками и клажей на нихъ, изъ столицы и въ столицу; на дальнюю ли гору, которая, мягкой зеленой покатостью, манила войти на нее и посидѣть подъ кедрами; солнце ярко выставляло ее напоказъ, а тутъ же рядомъ пряталась въ прохладной тѣни долина, съ огороженнымъ, высокимъ заборомъ, хижинами, почти совсѣмъ закрытыми вѣтвями. Что это за сила растительности! какое разнообразіе почвы! И всюду чистота, порядокъ. Таково богатство и разнообразіе видовъ, что перестаешь, наконецъ, дорожить увидѣть то, не прозѣвать это, запомнить третье. Разсѣянно смотришь вкругъ: все равно, куда ни смотри, одно и то же—все прекрасно, игриво, зелено.

Дорога пошла въ гору. Жарко. Мы сняли пальто: наши узкіе костюмы, изъ сукна и другихъ плотныхъ матерій, просто невозможны въ этихъ климатахъ. Каковъ жаръ долженъ быть лѣтомъ! Хорошо еще, что вѣтеръ съ моря при-

носить со всѣхъ сторонъ постоянно прохладу! А всего въ 26-мъ градусѣ широты лежатъ эти благословенные острова. Какъ не взять ихъ подъ *покровительство*? Люди Соединенныхъ Штатовъ совершенно правы, съ своей стороны.

На горѣ начались хижины — все какъ будто игрушки; жаль, что онѣ прячутся за эти сплошные заборы; но иначе нельзя: ураганы или тай-фуны, въ полосу которыхъ входить и Лю-чу, разметали бы, какъ соръ, эти птичьи клѣтки, не будь они за такой крѣпкой оградой. По горѣ лѣсу уже не было, но за то чего не было въ долинѣ, которая простиралась далеко отъ подошвы ея въ сторону! Я усталъ любоваться, равнодушно смотрѣлъ на персиковыя деревья въ полномъ цвѣтѣ, на миртовые и кинариенные кусты! Мы вошли на гору, окинули взглядомъ все пространство и молчали, теряясь въ красотѣ и разнообразіи видовъ. Глазъ видитъ далеко: съ обѣихъ сторонъ острова видно море на третьемъ планѣ. Возѣ и рифѣ, съ гнѣной буруновъ, еще вчера грозившій намъ смертью! «Я въ бурю всю ночь не спалъ и молился за васъ», сказалъ намъ одинъ изъ оставшихся американскихъ офицеровъ, кажется, методистъ: «я поминутно ждалъ, что услышу пушечные выстрѣлы». Время было бурное, а входъ на рейдъ, какъ я сказалъ выше, считается очень опаснымъ.

Наконецъ, мы пришли. «Э! да не шутя столица!» подумавши, гляди на широкія ворота, съ фронтономъ въ китайскомъ вкусѣ, съ китайскою же надписью.

— Чтò тамъ написано? прочтите, — спросили мы Г. — Не вижу, высоко, — отвѣчалъ онъ. Мы забыли, что онъ былъ близорукъ.

Мы прошли ворота: передъ нами тянулась безконечная широкая улица, или та же дорога, только не мощеная крупными кораллами, а убитая мелкими камнями, какъ шоссе, но сплошными, по обѣимъ сторонамъ, садами, или парками, съ великолѣпною растительностью. Изъ-за заборовъ мѣстами

выглядывали красныя черепичныя кровли. Никто насъ не встрѣтилъ, никто даже не показывался: всё какъ будто выѣхали изъ города. Немногіе встрѣчныя, и между прочимъ одинъ докторъ, или бонзъ, съ бритой головой, въ халатѣ изъ травяного холста, торопливо шли мимо, а если мы пристально взглядывались въ нихъ, они, съ выраженіемъ величайшей покорности, а больше, кажется, страха, кланялись почти до земли и сѣдѣли дальше. У нѣкоторыхъ воротъ показывались и исчезали люди, или смотрѣли въ щели. Видно, что въ этой улицѣ жилъ высшій, или зажиточный классъ: къ домамъ ихъ вели широкіе, каменные коридоры. Мы крупнымъ шагомъ шли все далѣе; улица заворотилась налѣво, и мы очутились передъ дворцомъ.

Это замокъ, съ каменной, массивной стѣной, сажени въ четыре вышины, мѣстами поросшей мохомъ и ползучими растеніями. Широкое каменное крыльцо, грубой работы, вело къ высокому порталу, заколоченному наглухо досками. У воротъ по обѣимъ сторонамъ, на пьедесталахъ, сидѣли коралловыя животныя, въ родѣ сфинксовъ. Нигдѣ ни признака жизни; все окаменѣло, точно въ волшебной сказкѣ, а мы пришли изъ-за тридцати земель какъ будто доставать жарь-птицу. У воротъ, въ сторонѣ, выстроена деревянная галлерея, въ родѣ гауптвахты, какія мы видѣли въ Пагасаки. Въ ней на цыновкахъ сидѣли на пяткахъ лжеицы вѣроитно слуги дворца: и тѣ не шевелились, тоже — какъ каменные. Мы присѣли тутъ немного отдохнуть, потомъ спустились подъ гору, куда вела покатая терраса, усаженная баніанами, кедрами, между которыми змѣнились во всѣ стороны тропинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочились и чуть-чуть журчали каскады. Вонъ огороженная заборомъ и окруженная бассейномъ кумирня; вдали узкія, но правильныя улицы; кровли домовъ и шалашей, разбросанныхъ на горѣ и по покатоности—рѣшительно кучи да сѣни древняго міра!

Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буй-

ная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ про-свѣтленнаго бытія. Воздѣланная поля, чистота хижинъ, сады, груды плодовъ и овощей, глубокой миръ между людьми—все свидѣтельствовало, что жизнь доведена трудомъ до крайней степени матеріальнаго благосостоянія; что самыя заботы, страсти, интересы, не выходятъ изъ круга немногихъ житейскихъ потребностей; что область ума и духа цѣпенѣтъ еще въ сладкомъ, младенческомъ снѣ, какъ въ первобытныхъ языческихъ пастушескихъ царствахъ; что жизнь эта дошла до того рубежа, гдѣ начинается царство духа, и не пошла далѣе.. Но все готово: у однихъ дверей стоитъ религія, съ крестомъ и лучами свѣта, и кротко ждетъ пробужденія младенцевъ; у другихъ — «люди Соединенныхъ Штатовъ», съ бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками, и прочими орудіями новѣйшей цивилизаціи...

Мы сошли съ террасы и обошли замокъ вокругъ, взбираясь обратно вверхъ по крутой каменной тропинкѣ, все изъ коралловъ. Другихъ тропинокъ я не видалъ; и тѣ, которыя ведутъ изъ улицъ въ поля, всѣ идутъ лѣстницами, выложенными изъ камня. Ликейцы слѣдовали за нами, но издали, робко. И. В. Ф., которому не нравилось это провожанье, махнулъ имъ рукой, чтобъ шли прочь: они въ ту же минуту согнулись почти до земли и оставались въ этомъ положеніи, пока онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, а потомъ опять шли за нами, причась въ кусты, а гдѣ кустовъ не было, слѣдовали по дорогѣ, и все издали. Я, однакожь, знаками подозвалъ одного къ себѣ. Онъ не вдругъ подошелъ: сдѣлаетъ два шага и остановится въ нерѣшимости; наконецъ, подошелъ. Въ это время надо было спуститься по чрезвычайно крутой и извилистой, каменной тропинкѣ, проложенной сквозь чащу лѣса, надъ обрывами и живописными оврагами, сплошь заросшими пальмами, миртами и кедрами. Я оперся на ликейца, и онъ былъ, кажется, очень доволенъ этимъ, шелъ ровно и осторожно, и

всякій разъ бросался поддерживать меня, когда я оступался, или нога моя скользила по гладкому кораллу. Я, имѣя надежную опору, не безъ смѣха смотрѣлъ, какъ кто-нибудь изъ нашихъ поскользнется, спохватится и начнетъ упираться по скользкому мѣсту, а другой помчится вдругъ по крутизнѣ, напрасно желая остановиться, и бѣжить до перваго большого дерева, за которое и уцѣпится.

Внизу мы прошли чрезъ живописнѣйшій лѣсокъ — нельзя нарочно расположить такъ красиво рощу — подъ развѣсистыми баніанами и кѣдрами, и вышли на поляну. Здѣсь лежала, вѣроятно занесенная землетрясеніемъ, громадная глыба коралла, вся обросшая мохомъ и зеленью. Романтики тутъ же объявили, что хорошо бы пріѣхать сюда на цѣлый день съ музыкой; «съ закуской и обѣдомъ», прибавили положительные люди. Мы вышли въ одну изъ боковыхъ улицъ, съ маленькими домиками: около каждаго тѣснилась кучка банановъ и цвѣты.

Изъ нея вышли въ другую улицу, прошли нѣсколько домовъ; улица вдругъ раздвинулась. Съ одной стороны домовъ не стало, и мы остановились, очарованные несравненнымъ видомъ. Представьте прудъ, въ родѣ Марли, гладкій и чистый, какъ зеркало; съ противоположной стороны смотрѣлась въ него цѣлая гора, покрытая густо, какъ щетка, или какъ шуба, зеленью самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ колоритовъ, самыхъ нѣжныхъ, мягкихъ, узорчатыхъ листьевъ и острыхъ иглъ. Этотъ испанскій букетъ такъ тѣсно былъ сжатъ, что нельзя было видѣть почвы, на которой онъ растетъ.

Мы продолжали путь по улицѣ, взглянули впередъ — другое неожиданное зрѣлище привлекло наше вниманіе. Это была, повидимому, самая населенная и торговая улица. Но что дѣлаютъ жители? Они съ испугомъ указываютъ на насъ: кто успѣваетъ, запираетъ лавки, а другіе бросаютъ ихъ незапертыми и бѣгутъ въ разныя стороны. Напрасно мы

манимъ ихъ руками, кланяемся, манемъ шляпами: они цуще бѣгутъ. Я видѣлъ какъ по кровлѣ одного дома, со всѣми признаками ужаса, бѣжала женщина: только развѣвались полы синяго ея халата; разсыпавшееся зданіе косматыхъ волосъ обрушилось на спину; рѣзво работала она голыми ногами. Но не все успѣли убѣжать: оставшіеся мужчины недоувѣрчиво смотрѣли на насъ, женщины закрылись. Товаръ все тотъ же, что и на первомъ рынкѣ. Тутъ видѣли мы кузницу, еще пилили дерево, красили простую матерію, продавали зелень, табакъ, да разныя сласти.

Мы ходили еще по парку, подошли къ кумирнѣ, но она была заперта. Сидѣвшій у воротъ старикъ предложилъ намъ горшочекъ съ горячими угольями закурить сигары. Мы показывали ему знаками, что хотимъ войти, но онъ ласково улыбался и отрицательно моталъ головой. У воротъ кумирни, въ деревянныхъ нишахъ, стояли два, деревянные же, раскрашенные идола, безобразной наружности, напоминавшіе, какъ у насъ рисуютъ дьявола. Я зашелъ-было на островокъ, въ другую кумирню, которую видѣлъ съ террасы дворца, но жители, пока мы шли внизъ, успѣли запереть и ее. Между народомъ я замѣтилъ нѣсколько бритыхъ бонзъ, все молодыхъ; одинъ былъ просто мальчикъ: вѣроятно, это служители храмовъ.

Заглянувъ еще въ нѣкоторыя улицы и переулки, мы вышли на большую дорогу и отправились домой. Я усталъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на хребетъ каждой лошадки, но жители не даютъ лошадей, хотя я видѣлъ у одного забора множество ихъ осѣданныхъ и привязанныхъ. Сходя съ горы, мы увидали чистенькій дворикъ; я подошелъ къ воротамъ. Старикъ, котораго я тутъ засталъ, съ краснымъ носомъ и красными щеками по всему лицу, поклонился и вошелъ въ домъ; я за нимъ, со мной нѣкоторые изъ товарищей. Домъ оказался кумирней, но идола не было, а только жертвенникъ, съ китайскими надписями на стѣнахъ

и столбахъ, да бѣдная домашняя утварь. Тутъ, кажется, молились не буддисты, а приверженцы древней китайской религіи. Мы заглянули въ другую комнату, повидному, парадную, устланную до того чистыми матами, что совѣстно было ступить ногой. Хозяева, кажется, обѣдали. Они зашевелились-было готовить намъ чай, но мы, чтобъ не тревожить ихъ, удалились.

Говорятъ, жители не показывались намъ болѣе истому, что передъ нашимъ прѣздомъ умерла вдовствующая королева, мать регента, управляющаго островами, вмѣсто малолѣтняго короля. По этому случаю наложенъ трауръ на пятьдесятъ дней. Мы видѣли многихъ въ бѣлыхъ травяныхъ халатахъ. Известно, что бѣлый цвѣтъ—траурный на Востокѣ.

Ликейскіе острова управляются королемъ. Около трехсотъ лѣтъ назадъ, прибыли сюда японскія суда, а именно князя Сатсумскаго, взяли острова въ свое владѣніе и обложили данью, которая, по словамъ здѣшняго миссіонера, простирается до двухсотъ тысячъ рублей на наши деньги. Но, по показанію другихъ, острова могутъ приносить внятеро больше. По этимъ цифрамъ можно судить о плодородіи острова. Не даромъ князь Сатсумскій считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ японскихъ князей.

Но дань платится натурою: рисомъ, который выше всѣхъ сортовъ, и даже японскаго, также табакомъ, амброй, тканями изъ банановыхъ волоконъ и саки. Саки тоже считается лучшимъ, и японцы вымѣниваютъ много своего риса на здѣшній, какъ лучшій для выдѣлки саки.

Послѣ ликейцы думали-было отложиться отъ Японіи, но были покорены вновь. Ликейскій король, въ началѣ царствованія, отправляется обыкновенно въ Японію и тамъ утверждается окончательно.

Нынешнему королю всего двѣнадцать лѣтъ. Онъ поѣдетъ въ Японію по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста. Ко-

роль живеть здѣсь какъ плѣнникъ, въ крѣпкомъ своемъ замкѣ, который мы видѣли, и никому не показывается. Показываться народу, какъ вамъ извѣстно, считается для верховной власти неприличнымъ на Востоку. Здѣшній миссіонеръ проникъ однакожь печально, въ китайскомъ платьѣ, въ замокъ и, незамѣченный, дошелъ до покоевъ короля. Король игралъ въ мячикъ и долго не замѣчалъ посторонняго; потомъ увидѣлъ и скрылся. Придворные съ поклонами окружили нескромнаго посѣтителя и показали дорогу вонъ.

Ликейцы находились въ зависимости и отъ китайцевъ, платили прежде и имъ дань; но японцы, уничтоживъ въ XVII-мъ столѣтїи китайскій флотъ и десантъ, посланный изъ Китая для покоренія Япоши, избавили ликейцевъ отъ китайской зависимости. Однакожь, послѣдніе все-таки ѣздятъ въ Пекинъ довершать въ тамошнихъ училищахъ образованіе, и оттого знаютъ всѣ по-китайски. Письменнаго своего языка у нихъ нѣтъ: они пишутъ японскими буквами. Ѣздятъ они туда не съ пустыми руками, но и не съ данью, а съ подарками — такъ сказалъ намъ миссіонеръ, между тѣмъ какъ сами они отрекаются отъ дани японцамъ, а говорятъ, что они въ зависимости отъ китайцевъ. Кажется, они говорятъ это по наущенію японцевъ; а, можетъ-быть, услышавъ отъ американцевъ, что съ японцами могутъ возникнуть у нихъ и у европейцевъ несогласія, ликейцы, чтобъ не возстановить противъ себя ни тѣхъ, ни другихъ, заранее отрекаются отъ японцевъ.

Г. и о. А. отыскали между ликейцами одного знакомаго, съ которымъ видѣлись, лѣтъ двѣнадцать назадъ, въ Пекинѣ и размѣнялись подарками. Вотъ стеченія обстоятельство! — «Вы мнѣ подарили графинъ», сказалъ ликеецъ о. А. Послѣдній вспомнилъ, что это дѣйствительно такъ было.

Однакожь, ликейцы не производятъ себя ни отъ японцевъ, ни отъ китайцевъ, ни отъ корейцевъ. Съ первого

раза видно, что въ существованіи ликейцевъ не участвовали китайцы. Корейцевъ я еще не видалъ, и потому не знаю, есть ли сходство у нихъ съ ликейцами, или нѣтъ. У ликейцевъ глаза большіе, не угловатые, какъ у китайцевъ, овалъ лица правильный, скулы не выдаются. Языкъ у нихъ, по словамъ миссіонера, сродни японскому и составляетъ, кажется, его идиомъ. Ликейцы и японцы понимаютъ другъ друга. Ближе всего предположить, что они родни между собою.

Мы лѣниво возвращались домой, не переставая распространять по дорогѣ чувство, въ родѣ безотчетнаго ужаса. Мальчишка лѣтъ десяти, съ вязанкой зелени, вель другого мальчика лѣтъ шести: завидя насъ, онъ бросилъ вязанку и маленькаго своего товарища и кинулся безъ оглядки бѣжать по боковой тропинкѣ въ поля. Возвратясь въ деревню Бо-Тсунгъ, мы втроемъ, П., А и я, зашли въ ворота одного дома, думая, что сейчасъ за воротами увидимъ и крыльцо: но заборъ шелъ лабиринтомъ и былъ не одинъ, а два, образуя вмѣстѣ коридоръ. Мы повертели направо, потомъ налево... Конецъ, что ли? нѣтъ, опять коридоръ направо, точно западня для волковъ, еще налево — и мы очутились въ маленькомъ садикѣ, передъ домикомъ, огороженнымъ еще третьимъ, бамбуковымъ, и послѣднимъ заборомъ. Мы, входя, наткнулись на низенькую, черную, какъ головешка, старуху, съ плоскимъ лицомъ. Она, какъ мальчишка же, перенугалась и бросилась бѣжать по грядамъ къ лѣсу, работая во всѣ лопатки. Мы покатились со смѣху; она ускорила шаги. Мы хотѣли открыть ворота — заперты; зашли съ другой стороны къ калиткѣ — тоже заперта. Оставалось уйти. Мы посмотрѣли опять на бѣгущую все еще вдаль старуху и повернули къ выходу, какъ вдругъ изъ домика торопливо вышелъ заспанный старикъ и отперъ намъ калитку, низко кланяясь и прося войти. Мы вошли въ палисадникъ; онъ отодвинулъ одну стѣну или раму домика, и

намъ представились миниатюрныя комнаты, совершенно какъ клѣтки попугая, съ своей чистотой, лакированными вещами и бѣлыми цыновками. Мы туда не вошли, а попросили огня. Сейчасъ другой, молодой ликеецъ, принесъ намъ горшокъ съ золой и угольями. Мы взглянули кругомъ себя—цвѣты, алоэ, бананы, больше ничего; поблагодарили хозяина и вышли вонъ. Я посмотрѣлъ, что старуха? Она въ это время добѣжала до первыхъ деревьевъ лѣса, забѣжала за бананъ, остановилась и, какъ орангъ-утангъ, глядѣла сквозь вѣтви на насъ. Увиди, что мы стоимъ и съ хохотомъ указываемъ на нее, она пустилась бѣжать дальше въ лѣсъ.

Мы догнали товарищей, которые уже сядились въ катеръ. Но во время нашей прогулки вода събыла и катеръ трогалъ килемъ дно. Мы стянулись кое-какъ и добрались до нашего судна, гдѣ застали гостей: трехъ длиннородыхъ старцевъ, въ бѣлыхъ, съ черными полосками, халатахъ и сандаляхъ на босу-ногу. Они прѣхали отъ намайскаго губернатора, поздравить съ прѣздомъ и привезли въ подарокъ зелени, яицъ и куръ. Ихъ угостили чаемъ. Одинъ свободно говорилъ съ Г., на бумагѣ, по-китайски, а другой по-англійски, но очень мало. И то усмѣхъ, когда вспомнишь, что наши европейскіе языки чужды имъ, и по духу, и по формамъ. Давно ли «человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ покровительствуетъ» этимъ младенцамъ, а ужъ кое-чему научилъ... Ликейцы обѣщали привезти быковъ, рыбы, зелени, за деньги, и уѣхали.

На другой день, 2-го февраля, мы только собрались-было на берегъ, какъ явился къ намъ англійскій миссіонеръ Веттельгеймъ, худощавый человѣкъ, съ еврейской фізіономіей, не съ блѣднымъ, а съ выцвѣтшимъ лицомъ, съ руками, похожими немного на птичьи когти; большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ разказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что-то нерасполагающее въ его

пользу. Онъ восемь лѣтъ живетъ на Лю-чу, и въ маѣ отправляется въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ отправится туда же съ Перри, который обѣщаль взять его съ собою, лишь только другой миссіонеръ пріѣдетъ на смѣну.

Восемь лѣтъ на Лю-чу — это подвигъ, истинно-христіанскій! Миссіонеръ говорилъ по-англійски, по-нѣмецки и весьма плохо по-французски. Мы пустились въ разспросы о жителяхъ, о народонаселеніи, о промышленности, о нравахъ, обо всемъ.

— Чтò за мѣсто, чтò за жители!—говорили мы:—не вѣришь Базилію Галлю, а выходить на повѣрку, что онъ еще скромнень.

— Да, мѣсто, точно, прекрасное,—сказалъ Беттельгеймъ:—надо еще осмотрѣть заливъ Мельвилъ, да одинъ пунктъ на сѣверной сторонѣ—это рай.

— А жители? Какая простота нравовъ, гостепримство! Странствуешь точно съ Улиссомъ къ одному изъ гостепримныхъ царей-пастырей, которые выходили путникамъ навстрѣчу, угощали...

— Развѣ они встрѣчали и угощали васъ? — спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, встрѣчали мало, больше провожали...

— Да, они дѣйствительно охотнѣе провожаютъ, нежели встрѣчаютъ: вѣдь это полицейскіе, шпіоны.

— Какъ полицейскіе? Развѣ здѣсь есть они?

— Какъ же! Чтобъ наблюдать, куда вы пойдете, чтò будете дѣлать, замѣчать, кто въ вамъ подойдетъ, станеть разговаривать, чтобъ потомъ расправиться съ тѣмъ по-своему...

— Чтò вы? возможно ли? Кажется, жители такъ кротки, простодушны, такъ привѣтливы: это видно изъ ихъ поклоновъ...

Боятся, такъ и привѣтливы. Если японцы стали вдругъ привѣтливы, когда вы и американцы появились съ большой силой, то какъ же не быть привѣтливыми ликейцамъ, которыхъ всего отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ на островѣ!

— Мнѣ нравится простота и трудолюбіе, — сказала я. — Есть же уголокъ въ мірѣ, который не нуждается ни въ какомъ сосѣдѣ, ни въ какой помощи! Кажется, если бъ этимъ дѣтямъ природы предоставлено было просить чего-нибудь, то они, какъ Діогенъ, попросили бы не загоразживать имъ солнца. Они умѣренны, воздержны...

— Они точно простоваты, — замѣтилъ миссіонеръ: — но насчетъ воздержанія... нельзя сказать: они сильно пьютъ.

— Пьютъ! что вы? помилуйте! — защищали мы съ жаромъ (намъ очень хотѣлось отстоять идиллію и мечту о золотомъ вѣкѣ): — у нихъ и вина нѣтъ: что имъ пить?

— А саки? — отвѣчала Беттельгеймъ: — оно здѣсь лучше, нежели въ Японіи, и крѣпкое, какъ ромъ.

— Пьютъ! — говорилъ я въ недоумѣніи.

— И играютъ, — прибавилъ пасторъ.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! ужели въ самомъ дѣлѣ? Да во что же: въ какія-нибудь невинныя игры: борются, бѣгаютъ, какъ древніе на олимпійскихъ играхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! — настойчиво твердилъ Беттельгеймъ: — играютъ въ азартныя игры...

— Скажите, пожалуйста, эти добродѣтельные, мудрые старцы — шпіоны, картежники, пьяницы! Кто бы это подумалъ!

— Да, у нихъ есть что-то въ родѣ картъ, — сказала она: — даже нищѣ, и тѣ играютъ какъ-то стружками, или щепками, и проигрываются до тла.

— Въгь тебѣ и идиллія, и золотой вѣкъ, и Одиссея! Да у кого они переняли? — хотѣлъ-было я спросить, но вспомнилъ, что есть у кого перенять: они просвѣщеніе заим-

ствують изъ Китая, а тамъ, на базарѣ, я видѣлъ непроходимую кучу народа, толпившагося около другой кучи сидѣвшихъ на полу игроковъ, которые кидали, помнится, кости. Каждый ставилъ деньги; одинъ счастливый загребалъ потомъ у всѣхъ. Игра начиналась снова; игроки такъ углубились въ свое дѣло, что не замѣчали зрителей, и зрители, въ свою очередь, не замѣчали игроковъ и слѣдили за костью. Вспомнилъ я еще, что недалеко отъ ликейцевъ—Манилла, что тамъ проматываются на пари за бои пѣтуховъ; что еще на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго Океана страсть къ игрѣ свирѣпствуетъ, какъ въ любомъ европейскомъ клубѣ.

— Удивительно, — сказалъ я: — что такіе кроткіе люди заражены самою заornoю изъ страстей!

— Нельзя сказать, чтобъ они были кротки, — замѣтилъ пасторъ: — здѣсь жили католическіе миссіонеры; жители преслѣдовали ихъ, и недавно еще они... поглотили одного миссіонера, не католическаго...

— Кого же это?

— Меня, — кротко и скромно отвѣчалъ Беттельгеймъ (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе). — Потомъ, — продолжалъ онъ: — ужъ постоянно стали заходить сюда корабли христіанскихъ націй, и именно отъ англійскаго правительства разрѣшено разъ въ годъ посылать одно военное судно, съ китайской станціи, на Лю-чу, наблюдать, какъ поступаютъ съ нами, и вотъ жители кланяются теперь въ-поясъ. Они невѣжественны, грязны, грубы...

Мнѣ стало подозрительно это поголовное порицаніе бѣдныхъ ликейцевъ. Наши сказывали, что когда они спрашивали ликейцевъ, гдѣ живетъ миссіонеръ, то послѣдніе обнаружали знаки явнаго нерасположенія къ нему, и одинъ по-англійски сказалъ про него: «Bad man, very bad man!» (дурной, очень дурной человекъ).

Платя за нерасположеніе нерасположеніемъ, что было

несовѣмъ по-христіански, пасторъ, можетъ-быть, немного преувеличивалъ миниатюрныя пороки этихъ пигмеевъ. Они, дѣйствительно, неласковы были всегда къ миссіонерамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь поселились два католическіе монаха. Жители, не зная ихъ званія, обходились съ ними очень дружелюбно, всѣмъ ихъ снабжали; но узнавъ, кто они, стали чуждаться ихъ. Они не оскорбляли ихъ, напротивъ, кланялись имъ; но лишь только тѣ открывали ротъ, чтобъ заговорить о религіи, ликейцы зажимали уши и бѣжали прочь. Такъ тѣ, не усѣвъ ни въ чемъ, и уѣхали на французскомъ военномъ суднѣ, подъ командою, кажется, адмирала Сесидя, назадъ, въ Китай.

Беттельгеймъ, однакожъ, сказывалъ, что онъ безпрепятственно проповѣдуетъ ликейцамъ въ ихъ домахъ, и будто они слушаютъ его. Сомнѣваюсь, судя по тому, какъ съ нимъ здѣсь поступаютъ. Онъ говоритъ даже, что ему удалось нѣсколько человѣкъ крестить.

— Я бы усѣлъ и больше,—заклучилъ онъ:—если бъ не мѣшали японцы. Тѣ ежегодно пріѣзжаютъ сюда на шестидесяти лодкахъ, за данью и за товарами, а ликейцы посылаютъ въ Японію до шестнадцати. Японцы живутъ здѣсь подолгу и поддерживаютъ въ народѣ свою систему отчужденія отъ иностранцевъ, и между прочимъ ненависть къ христіанамъ. И теперь ихъ здѣсь до 600 человѣкъ. Они отрастили себѣ волосы, одѣлись въ здѣшній костюмъ и прячутся, наблюдая и за жителями, и за иностранцами. Вы видите, что здѣсь все японское: пришедшая оттуда религія, нравы, обычаи, даже письменный языкъ, наполовину, однакожъ, съ китайскимъ. Одни и тѣ же произведенія почвы и та же промышленность. Они дѣлаютъ такія же матеріи, такія же лакированныя вѣщи, только все грубѣе и прощѣ; ѣдятъ то же самое, какъ тѣ—вся японская жизнь и сама Японія въ миниатюрѣ. Не вѣрьте Базилію Галлю,—заклучилъ онъ, отодвигая лежавшую передъ нимъ книгу Галля:—

въ ней ни одного слова правды нѣтъ, все діаметрально-противоположно истинѣ!

Я дѣйствительно не вѣрю Галлю, но не вѣрю также и ему: перваго слишкомъ ласково встрѣчали, а другаго... поколотили; отъ этого два разные голоса.

Я выразилъ ему только опасеніе, чтобъ онъ и его преемники торопливостью не испортили всего дѣла. «Если Японія откроетъ свои порты для торговли всѣмъ націямъ», сказалъ я: «можетъ-быть, вы поспѣшите, вмѣстѣ съ товарами, послать туда и ваши переводы Новаго Завѣта. Предсказываю вамъ, что вы закроете опять Японію, ничего не сдѣлаете для религіи и испортите торговлю. Японцы осматривали до сихъ поръ каждое судно, записывали каждую вещь, не въ видахъ торговаго соперничества, а чтобъ не прокралась къ нимъ христіанская книга, крестъ — все, что относится до религіи; замѣчали число людей, чтобъ не пробрался въ Японію священникъ проповѣдывать религію, которой они такъ боятся. И долго еще не отступятъ они отъ этихъ строгостей, развѣ когда замѣнятъ свою жизнь европейскою. Вы лучше подождите», заключилъ я, «когда учредятся европейскія факторіи, которыя, конечно, выговорятъ себѣ право отправлять дома богослуженіе, и вы сначала везите священныя книги и предметы въ эти факторіи, чего японцы, *par le temps qui court*, запретить уже не могутъ, а отъ нихъ, исподоволь, понемногу, перейдутъ они и къ японцамъ».

Пока мы разсуждали въ каютѣ, на палубѣ сигнальщикъ объявилъ, что трехмачтовое судно идетъ. Всѣ пошли вверхъ. Съ правой стороны, изъ-за острова, показалось большое купеческое судно, мчавшееся подъ всѣми парусами прямо на рифъ.

Былъ туманъ и свѣжій вѣтеръ, потомъ пошелъ дождь. Однакожь мы въ трубу разсмотрѣли, что судно было подъ англійскимъ флагомъ. Адмиралъ сейчасъ отправилъ на-

встрѣчу къ нему плюнку и штурманскаго офицера, отвести отъ мели. Часа черезъ два корабль стоялъ уже близъ насъ, на якорѣ.

Но что это у него на палубѣ? Ужаснѣйшая толпа народа, непроходимой кучей, какъ стадо барановъ, жалась на палубѣ. Безъ справокъ можно было догадаться, что это эмигранты. Точно такое судно видѣли мы у острова Мадеры, съ эмигрантами, отправлявшимися въ Австралію. Но откуда и куда ихъ везутъ? Беттельгеймъ сказалъ, что вѣрно тутъ же пріѣхалъ другой миссіонеръ, на смѣну ему, и поѣхалъ туда развѣдать. Чрезъ полчаса онъ вернулся съ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, котораго и представилъ адмиралу, какъ своего преемника. Оба они обѣдали у насъ. Вновь прибывшій настоярь, англичанинъ же, объявилъ, что судно пришло изъ Гон-Конга, употребивъ ровно мѣсяць на этотъ переходъ, что идетъ оно въ Сан-Франциско, съ пятьюстами китайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Кого и чего нѣтъ теперь въ Сан-Франциско? Начало этого города напоминаетъ начало Рима: оба составились изъ бродягъ.

Послѣ обѣда наши уѣхали на берегъ чай пить in's Grüne. Я прозѣвалъ, но зато, изъ привезенной съ англійскаго корабля газеты, узналъ много новостей изъ Европы, особенно интересныхъ для насъ. Дѣла съ Турціей завязались; Англія съ Франціей продолжаютъ интриговать противъ насъ. Вся Европа въ трепетномъ ожиданіи...

Часовъ въ семь за мной прислали плюнку. Ужъ было темно. Заставъ нашихъ на мысѣ, около роци, у костра, я рассказалъ имъ на-скоро новости и самъ пошелъ по тропинкѣ къ лѣсу, оставивъ ихъ разсуждать. Хорошо! Я наслаждался неизвѣстными вамъ впечатлѣніями, свѣтлымъ сумракомъ лунной, томной и теплой ночи, шелестомъ листьевъ роци, полной мрака. Баніаны, пальмы и другіе чужеземцы шумѣли при тихомъ вѣтрѣ иначе, пезели наши березы и осины, мягче, на чужомъ языкѣ; и лягушки квакали по

другому, кричи нашихъ, какъ кастаньеты. Вблизи плеска въ приливъ, вдали глухо ревели буруны на рифахъ. До меня доносился живой говоръ товарищей. Меня позвали ѣхать, я послушалъ на зовъ и въ темнотѣ наткнулся на кучку ликейцевъ, которые изъ-за шалаша наблюдали за нашими. Они вдругъ низко поклонились и, не разгибаясь, дали мнѣ пройти.

На другой день мы отправились на берегъ съ визитами, сначала къ американскимъ офицерамъ, которые заняли для себя и для матросовъ—не знаю какъ, посредствомъ ли покупки, или просто «покровительства» — препорядочный домикъ и большой огородъ, съ сладкимъ картофелемъ, таро, горохомъ и табакомъ. Я не пошелъ къ нимъ, а отправился по берегу моря, по отмели, влѣзъ на холмъ, пробрался въ гротъ, гдѣ расположились бивуакомъ матросы съ нашихъ судовъ, потомъ посѣтилъ въ лѣсу нашу идиллю: матросъ Кормчинъ пасъ тамъ овецъ. Вездѣ, даже въ лѣсу, видѣлъ я каменные постройки, заборы, плетни и хижины, съ огородами и полями. Все обработано, всюду протоптаны чистыя дорожки, или сдѣланы каменные тропинки.

Островъ, судя по пространству, очень заселенъ; онъ длинной верстѣ восемьдесятъ, а шириной отъ шести до пятнадцати и восемнадцати верстъ: и на этомъ пространствѣ живетъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ. Въ Нангѣ, говорилъ миссіонеръ, до двадцати, и въ Чуди столько же тысячъ жителей.

Я дождался нашихъ на мосту, ведущемъ въ Нану, и мы пошли въ городъ искать миссіонеровъ.

Тамъ то же почти, что и въ Чуди: длинныя, загороженные каменными, массивными заборами, улицы, съ густыми, прекрасными деревьями: такъ что идешь по аллеямъ. У воротъ домовъ стоятъ жители. Они, кажется, немного перестали бояться насъ, видя, что мы ничего худого имъ не дѣлаемъ. Въ городѣ, при такомъ большомъ народонаселе-

ни, было живое движеніе. Много народа толпилось, ходило взадь и впередъ; носило тяжести, и довольно большія, особенно женщины. У нѣкоторыхъ были дѣти за спиной или за пазухой.

Мы не знали, въ которую сторону идти: улицъ множество и переулковъ тоже. Съ нами толпа народа; спрашиваемъ по-англійски, называемъ миссіонера по имени—жители указываютъ на ухо и мотаютъ головой: «глухи, дескать, не слышимъ». Нѣкоторые, при нашихъ вопросахъ, переговариваютъ между собою, и вотъ одинъ пойдетъ впередъ и выведетъ насъ къ морю. Опять толки, и опять явится провожатый. Одинъ водилъ-водилъ по грязи, наконецъ повелъ въ перелѣсокъ, въ густую траву, по тропинкѣ, совсѣмъ спрятавшейся среди кактусовъ и другихъ кустовъ, и вывелъ на холмъ, къ кладбищу, къ тѣмъ огромнымъ камнямъ, которые мы видѣли съ моря и приняли сначала за городъ. Меня зло взяло.

— Ну, теперь вижу, что вы пьяницы и картежники... — ворчалъ я на ликейцевъ.

— Да и мошенники ужъ кстати, — прибавилъ другой товарищъ: — вѣдь они нарочно водятъ насъ.

Третій товарищъ смѣялся, слыша ропотъ. Наконецъ одинъ ликеецъ привелъ насъ вторично къ морю, на отмель, и ушелъ, какъ и прочіе, въ толпу. Тогда мы насильно вывели одного изъ толпы за руки и послали впередъ показывать дорогу. Дѣлать было нечего. Опъ привелъ насъ къ сѣрой, нависшей надъ водой скалѣ, и указалъ на зеленый, бывшій рядомъ съ ней холмъ и тропинку въ кустахъ. — «Опять вверхъ!» ворчали мы, теряя терпѣніе, и пошли на холмъ, подошли къ протестантской церкви, потомъ спустились съ холма и очутились у сада и домика миссіонеровъ. Оказалось, что мы блуждали все время около этого мѣста. На насъ бросились лаять двѣ большія собаки, лишь только мы вошли въ садикъ.

Миссіонеръ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и ввелъ въ такую же комнату, съ рамой, заклеенной бумагой, какъ и въ ликейскихъ домахъ. Тутъ мы застали шкипера вновь прибывшаго англійскаго корабля, съ женой, страдающей зубной болью женщиной, но еще молодой и некрасивой; тутъ же была жена новаго миссіонера, тоже молодая и некрасивая, безъ переднихъ зубовъ. Въ одномъ только кабинетѣ пастора, наполненномъ книгами и рукописями, были два небольшія окна со стеклами, подаренными ему, кажется, *человѣкомъ Соединенныхъ Штатовъ*. Надъ дверью былъ другой подарокъ, отъ него же: большая серебряная ваза. Все остальное было болѣе, нежели просто: грубый, деревянный столъ, такіе же стулья и диванъ—не лучше ихъ.

Миссіонеръ предложилъ намъ вина и какихъ-то сдобныхъ сухарей, извиняясь, что у него только и есть двѣ рюмки и два стакана. Ему на другой же день адмиралъ послалъ дюжину вина, и по дюжинѣ или по двѣ, рюмокъ и стакановъ—пей не хочу! Онъ намъ показывалъ много лакированныхъ вещей, работы здѣшнихъ жителей: чашки для кушанья, поставцы, судки, подносы и т. п.; но послѣ японскихъ вещей въ этомъ родѣ, на эти и глядѣть было нельзя. Беттельгеймъ просилъ адмирала взять нѣсколько вещей отъ него на память. Чтò было лучше всего, такъ это великолѣпный баніанъ у самаго крыльца, бросающій тѣнь на весь дворикъ, да множество разныхъ кустовъ и цвѣтовъ. Жаль только, что на Лю-чу есть ядовитыя змѣи. Миссіонеръ сказывалъ, что онъ поймалъ двухъ у себя въ комнатахъ. Въ галлерей, выходящей на дворъ, помѣщалась небольшая аптека и большая бібліотека. Нѣсколько ликейцевъ собралось у воротъ и заглядывало на насъ во дворъ; но миссіонеръ махнулъ имъ рукой не очень ласково, чтобъ они шли прочь.— «Не можетъ забыть побоевъ!» шепнулъ миѣ одинъ изъ товарищей. Миссіонеръ проводилъ насъ назадъ до самаго фрегата на нашей шлюпкѣ.

Дорогой адмиралъ послалъ сказать начальнику города, что онъ желаетъ видѣть его у себя и удивляется, что тотъ не хочетъ показаться. Вѣрно прибавить, что мы пойдемъ сами въ замокъ видѣть ихъ дворъ. Это очень подѣйствовало. Чиновникъ, или секретарь начальника, отвѣчалъ: что если мы имѣемъ сказать что-нибудь важное, такъ онъ, пожалуй, и прійдетъ.

— Очень важное,—сказали ему.

Онъ хотѣлъ быть на другой день, но шелъ проливной дождь. Наконецъ вчера, 7-го февраля, начальникъ пріѣхалъ на фрегатъ, съ секретаремъ, помощникомъ, переводчикомъ китайскаго языка и маленькою свитою. Онъ былъ высокій, сѣдой старикъ, не совсѣмъ патриархальной наружности, съ краснымъ носомъ, и вообще—увы, прощай идиллія!—съ слѣдами сильнаго невожденія на лицѣ, съ изломанными чертами, синими и красными жилками на носу и около. Онъ говорилъ сильнымъ и пискливымъ голосомъ. Товарищъ его, высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ черной, длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, какъ у всѣхъ у нихъ, бородой. Прочіе, такъ себѣ, всѣ здоровой наружности, свѣжіе. У губернатора пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой, у помощника и переводчика серебряной, а у прочихъ мѣдной шпилькой. За первымъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати и безпрестанно набивалъ ему трубку, а тотъ давалъ ему подачки: бисквиты, наливку, которою его потчивали. Онъ подарилъ адмиралу два какіе-то торта, а ему дали большой самоваръ, стеклянной посуды, и еще прежде послали сукна на халаты, за присланную живность и зелень. Показывали ему японскіе подарки и, между прочимъ, подаренную адмиралу саблю.

— А у васъ есть сабли?—спросили его.

— Нѣтъ.

— Какое же у васъ оружіе?

— А вотъ,—отвѣчалъ онъ, показывая вѣрвь.

Его поблагодарили за доставку провизіи, и особенно быковъ и рыбы, и просили доставлять—разумѣется, за деньги—впередъ русскимъ судамъ все, что понадобится. Между прочимъ ему сказано, что такъ какъ на островѣ добывается соль, то можетъ случиться, что суда будутъ заходить за нею, за рисомъ, или другими предметами: такъ нельзя ли завести торговлю?

— Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится всего этого только для самихъ себя,—съ живостью отвѣчалъ онъ:—и то рисъ ѣдимъ мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами.

— Да еще мы просимъ сказать жителямъ,—продолжали мы:—чтобъ они не бѣжали отъ насъ: мы имъ ничего не сдѣлаемъ.

— Они бѣгаютъ оттого, что европейцы рѣдко заходятъ сюда, и наши не привыкли видѣть ихъ. Притомъ американцы, бывши здѣсь, брали иногда съ полей горохъ, бобы: если бъ одинъ или нѣсколько человѣкъ сдѣлали это, такъ оно бы ничего, а когда всѣ...

Мы увѣрили его, что наши не дотронутся ни до чего.

— Да, сдѣлайте милость,—продолжалъ переводчикъ:—насчетъ женщинъ тоже... Одинъ американецъ взялъ нашу женщину за руку; у насъ такъ строго на этотъ счетъ, что мужъ, пожалуй, и разведется съ нею. Отъ этого онѣ и бѣгаютъ отъ чужихъ.

Какова нравственность: за руку нельзя взять! Въ золотой вѣкъ, особенно въ библейскія времена и при Гомерѣ, было на этотъ счетъ проще!

Мы съѣхали послѣ обѣда на берегъ, лѣниво и задумчиво бродили по лѣсамъ, или, лучше сказать, по садамъ, зашли куда-то въ сторону, нашли холмъ между кедрами, лежали на травѣ, зашли въ кумирню, напились воды изъ колодца, а вечеромъ пили чай на берегу, подъ навѣсомъ миртъ

и палирусовъ—словомъ, провели вечеръ совершенно идиллически.

Погода здѣсь во все время нашего пребыванія была непостоянная: то дуетъ сѣверный муссонъ, иногда свѣжій до степени шторма, то идетъ проливной, безотрадный дождь. Зато чуть проглянетъ солнце—все становится такъ прозрачно, ясно, такъ мѣтеть въ радости... У насъ, однакожь, было довольно дурной погоды—такой ужъ февраль здѣсь.

Съ кораблемъ, везущимъ эмигрантовъ, все исторіи. Третьяго-дня онъ сталъ-было сниматься съ якоря и сѣлъ на мель. Съ нашихъ судовъ подали ему немедленную помощь: не будь этого, онъ бы скоро не снялся и при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ разбился бы въ щепы; онъ и самъ засвидѣтельствовалъ это. Наши ѣздили туда на корабль и рассказываютъ, что такой нечистоты, неурядицы, шума, хаоса и представить себѣ нельзя. Корабль большой, а матросовъ всего человекъ двадцать, и то инвалиды. Едва достаешь рукъ управляться съ парусами, а толпящіеся на палубѣ китайцы мѣшаютъ имъ пошевелиться. Крикъ и шумъ такъ велики, что слышно у насъ. Чтобъ облегчить судно и помочь ему сняться съ мели, всѣхъ китайцевъ и китайнокъ перевезли часа на два къ намъ. Ихъ помѣстили на бакѣ и икафутѣ, и отгородили веревкой. Много очень высокихъ и хорошо сложенныхъ мужчинъ. Женщины большею частью молодыя и все дѣвицы, отъ четырнадцати до двадцати лѣтъ. Одна обращала на себя особенное вниманіе. Она, какъ кажется, была тутъ старшая, въ родѣ начальницы, какъ и у мужчинъ были тоже старшины. Звали ее Ача. Она нехороша собой, но лицо, однакожь, привлекательно. Она была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка. На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые чистые шаровары; прекрасная, ма-

ленькая, но не до уродливости, нога, обутая по-европейски. Она сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокруг и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее напоказъ. Прочія женщины сидѣли въ кучѣ, на полу. Мужчины, которыхъ было гораздо больше, толпились, какъ стадо. Мы разспрашивали Ачу, гдѣ она выучилась по-англійски и зачѣмъ ѣдетъ въ Калифорнію. Она сказала, что ѣдетъ обратно, что прожила ужъ три года въ Сан-Франциско; теперь ѣздила на четыре мѣсяца въ Гон-Конгъ навербовать женщинъ для какого-то магазина... Мужчины ѣхали для грубыхъ работъ.

Наконецъ корабль сошелъ съ мели, и китайцевъ увезли обратно. Онъ, однакожь, не ушелъ за противнымъ вѣтромъ.

Третьяго-дня оба миссіонера явились въ бѣлыхъ холстинныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и въ черныхъ фракахъ, очень серьезныя, и сказали, что они имѣютъ сообщить что-то важное. — «На купеческомъ суднѣ китайцы не слушаются шкипера», объявили они и просили потребовать китайскихъ старшинъ и спросить, чѣмъ они недовольны. По вызову адмирала, явились трое китайцевъ, нарядно-одѣтые, благовидной наружности. Они сказали, что имъ отказываютъ въ водѣ; что когда они подходили къ бочкѣ, матросы кулаками толкали ихъ прочь. — «Отъ этого вышли ссоры», прибавили они: «и больше ничего». Имъ представили всю опасность ихъ положенія, если бъ они не исполняли требованій шкипера, прибавивъ, что въ морѣ надо безъ разсужденій дѣлать все, чего онъ потребуетъ.

— Такъ, знаемъ, — отвѣчали они: — мы просимъ только раздавать сколько слѣдуетъ воды, а онъ даетъ мало, безъ всякаго порядка; бочки у него текутъ, вода пропадаетъ, а онъ, отсюда до Золотой Горы (Калифорніи), никуда не хочетъ заходить, между тѣмъ мы заплатили деньги за перевозъ по семидесяти долларовъ съ человѣка.

Ихъ помирили, заставивъ китайцевъ подписать условіе

слушаться, а шкиперу посоветовали завести побольше порядка и воды, да не идти прямо въ Сан-Франциско, а зайти на Сандвичевы острова. Такъ и разстались съ ними. Вечеромъ видѣли еще, какъ Ача прогуливалась съ своими подчиненными по берегу. Третьяго-дня корабль ушелъ; шкиперъ и миссіонеры не знали, какъ и благодарить начальство нашего судна. Наши матросы помогли ему сняться и съ якоря: онъ одинъ не управился бы. Когда эта громада, биткомъ набитая народомъ, нечистая, некрашенная, въ безпорядкѣ, какъ наружномъ, такъ и внутреннемъ, тихо неслась мимо насъ, мы стояли наверху и слѣдили за ней глазами.

— Дойдетъ ли?—сказалъ я съ сомнѣніемъ.

— Дойдетъ, — съ увѣренностію отвѣчалъ стоявшій подлѣ меня матросъ, сильно ударяя на о: — отчего не дойти, дойдетъ!

Вчера, 8-го, и мы въ послѣдній разъ съѣхали на берегъ. Романтики, взявъ по бутерброду, отправились съ ранняго утра, другіе въ полдень, я, съ капитаномъ Л., послѣ обѣда, и всѣ разбрелись по острову. Мы не пошли, ни въ деревню Бо-Теунгъ, ни на большую дорогу, а взяли налѣво, прорѣзали рощу и очутились въ обработанныхъ поляхъ, идущихъ неровно, холмами, во всѣ стороны. Съ одного холма мы любовались окрестностію; мы очутились какъ будто среди зеленаго волнующагося моря: ничего кругомъ, кромѣ зелени. Мы шли по тропинкамъ, мимо воздѣланныхъ полей, бѣдныхъ хижинъ, состоявшихъ изъ бамбуковыхъ загоронокъ. Кругомъ ихъ огороды. У хижинъ, на рогожкахъ, кучами лежали овощи и сушились на солнцѣ, между прочимъ табакъ, назначенный для жвачки. Табакъ здѣсь очень хорошъ: онъ нѣсколько крѣпче и темнѣе японскаго; тотъ черзчуръ нѣженъ и слабъ. Мы шли одпи. Сначала за нами по улицѣ слѣдила толпа какихъ-то провожатыхъ, но они кинули насъ, лишь только мы повертели въ поля. Тро-

пинки шли то вверхъ, на холмы, то спускались въ овраги. Жаръ заставилъ насъ оставить поля и искать тѣни въ густыхъ аллеяхъ. Мы вошли въ переулки деревенекъ—вездѣ одно и то же. Жители пугались менѣе прежняго; ребята съ улыбкой кланялись въ поясъ, заигрывали и вдругъ съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, лишь только тронешь одного.

Мы вышли къ большому монастырю, въ главную аллею, которая ведетъ въ столицу, и сѣли тамъ на паранетѣ моста. Дорога эта оживлена особеннымъ движеніемъ: безпрестанно идутъ съ ношами овощей взадъ и впередъ, или ведутъ лошадей, съ перекинутыми черезъ спину кулами риса, съ папушами табаку и т. п. Лошади фыркали и пятились отъ насъ. Въ поляхъ вездѣ работаютъ. Мы пошли на сахарную плантацію. Она отдѣлилась отъ большой дороги полями съ рисомъ, которыя были наполнены водой и походили на пруды съ зеленой, стоячей водой.

Мы обошли поле сахарнаго тростника вокругъ. Онъ растетъ слишкомъ часто; въ другихъ мѣстахъ его сажаютъ рѣже. Онъ высокъ, какъ добрый кустарникъ. Тутъ же его рѣзали и таскали на ближайшій холмъ, въ прессъ, приводимый въ движеніе быкомъ. За тростникомъ я увидѣлъ кучу народа. — «Что тамъ такое дѣлается?» спросили мы другъ друга. Приглядѣлись и видимъ, что двое нашихъ матросовъ взяли изъ рукъ ликейцевъ инструментъ, въ родѣ согнутаго подь прямымъ угломъ заступа, и преусердно взрывали имъ гряды съ сладкимъ картофелемъ. Комы земли и картофель такъ и летѣли по сторонамъ, а ликейцы, окруживъ ихъ, смотрѣли внимательно на работу.

«Вотъ, ишь ты! вотъ! вотъ!» слышалось при каждомъ ударѣ.

Мы отправились на холмъ, гдѣ были вчера, къ кумирнѣ. По дорогѣ встрѣтили толпу крестьянъ, съ прекрасными, темными и гладкими, претолстыми бамбуковыми жердями, на которыхъ таскаютъ тяжести.

Мнѣ хотѣлось поближе разглядѣть такую жердь. Я притянулъ къ одному руку, чтобъ взять у него бамбукъ, и вся толпа вдругъ смутилась. Ликейцы краснѣли, дѣлали глупыя рожи, глядѣли одинъ на другого и пятились. Такъ и не дали.

Я не знаю, съ чѣмъ сравнить у насъ бамбукъ, относительно пользы, какую онъ приноситъ тамъ, гдѣ родится. Какихъ услугъ не оказываетъ онъ человѣку! чего не дѣлаютъ изъ него, или имъ! Развѣ береза наша можетъ, и то куда не выполнѣ, стать съ нимъ рядомъ. Нельзя перечестъ, какъ и гдѣ употребляютъ его. Изъ него строятъ заборы, плетни, стѣны домовъ, лодки, дѣлаютъ множество посуды, разные мелочи, зонтики, вѣеры, трости и проч.; имъ бьютъ по пяткамъ, наконецъ его ѣдятъ въ вареньѣ, въ родѣ инбирнаго, которое дѣлаютъ изъ молодыхъ вѣтокъ.

Едва мы взопли на холмъ и сѣли въ какой-то бесѣдкѣ, предшествующей кумирнѣ, какъ вдругъ тутъ же, откуда-то изъ чащи, выползъ ликеецъ, сорвалъ въ палисадникѣ ближайшаго дома два цвѣтка шиповника, потомъ сжался, въ знакъ уваженія къ намъ, въ комокъ, и поднесъ намъ съ поклономъ. Онъ, конечно, имѣлъ приказаніе слѣдить за нами издалека. Еще къ намъ пришелъ изъ дома мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и оба они сѣли передъ нами на пяткахъ и разсматривали пристально насъ, платья наши, вещи. Л. вынулъ записную книжку, а я нарисовалъ въ ней фигуру мальчика, вырвалъ рисунокъ изъ книжки и отдалъ ему. Что это за рисунокъ! Моему рисовальному учителю конечно и въ голову не приходило, чтобъ я показывалъ свое искусство на Ликейскихъ островахъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Мы дали имъ сигаръ, отдали огниво, сверхъ того я далъ старшему долларъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи канъ (маленькую мѣдную китайскую монету) и смотрѣлъ, то на нее, то на долларъ. Я старался объяснить ему, что такихъ монетъ въ долларѣ тысяча четыреста. Ни въ Китаѣ, ни у нихъ,

другой монеты не водится. Американцы стали вводить испанскіе доллары въ употребленіе. Мы долларами платили въ Китаѣ за провизію. Мальчикъ принесъ въ маленькомъ чайникѣ чаю, который впрочемъ не имѣлъ никакого вкуса. Мы посидѣли съ полчаса въ бесѣдкѣ, окруженной рядомъ высокихъ померанцовыхъ и другихъ деревьевъ, изъ породы миртъ.

Уже вечерѣло, когда мы вышли на большую дорогу. Здѣсь встрѣтилъ насъ У. и подговорилъ ѣхать съ нимъ въ вельбоотъ, который ждалъ его въ Напѣ. — «Недалеко», сказала онъ. Мы пошли наѣво, черезъ другой мостъ, черезъ лѣсъ, поле, наконецъ по улицамъ — конца не было. Идучи мимо этихъ полей, гдѣ прорыты канавки, сдѣланы стоки, глядя на эту правильность и порядокъ, вы примете островъ за образцовую ферму, или отлично устроенное помѣщицье имѣніе. Въ поляхъ, и изъ нѣкоторыхъ домовъ несло, какъ въ Китаѣ, удобреніемъ, которое готовится въ ушатахъ. Удобреніе это состоитъ изъ всякаго рода нечистотъ, которыя сливаются въ особыя мѣста, гниютъ, и потомъ, при поѣздахъ, ими поливаютъ поля, какъ я видѣлъ въ Китаѣ. Говорятъ, это лучше нашего способа удобрения: — «сорныхъ травъ меньше», сказала Л., большой агрономъ.

Мы шли, шли въ темнотѣ, а проклятыя улицы не кончались: все заборы, да сады. Ликейцы, какъ тѣни, неслышно скользили во мракѣ. Насъ провожалъ тотъ же самый, который принесъ намъ цвѣты. Гдѣ было грязно, или острые кораллы мѣшали свободно ступать, онъ велъ меня подъ-руку, обводилъ мимо лужъ, которыя, видно, зналъ наизусть. Къ несчастью, мы не туда попали, и если бъ не провожатый, мы проблуждали бы цѣлую ночь. Наконецъ добрались до рѣчки, до вельбота, и вздохнули свободно, когда выѣхали въ открытое море.

Адмиралъ хотѣлъ отдать визитъ напакіянскому губернатору, но онъ у себя принять не могъ, а даль знать, что

приметь, если угодно, въ *правительственномъ домѣ*. Онъ отговаривался тѣмъ, что у нихъ частныя сношенія съ иностранцами запрещены. Этимъ же объясняется, почему не хотѣлъ принять насъ и нагасакскій губернаторъ иначе, какъ въ казенномъ домѣ.

Но довольно Ликейскихъ острововъ и о Ликейскихъ островахъ, довольно и для меня, и для васъ! Если захотите знать подробнѣе долготу, широту мѣста, пространство, число острововъ, не полѣнитесь сами взглянуть на карту, а о нравахъ жителей, объ обычаяхъ, о произведеніяхъ, объ исторіи — прочтите у Вичи, у Бельчера. Помните условіе: я пишу только письма къ вамъ о томъ, что вижу самъ и что переживаю изо дня въ день.

Сегодня мы ушли, и вотъ качаемся теперь въ Тихомъ океанѣ; но если бъ и остались здѣсь, едва ли бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполняютъ человѣка, не поглощаютъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобъ испытывать глубже новое, непохожее ни на что свое, нужно, чтобъ тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой, развитой жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА:

„Фрегатъ Паллада“. Очерки путешествія въ двухъ
томахъ.

Томъ II.

I.

Русскіе въ Японіи.

Входъ на Нагасакскій рейдъ.—Первые визиты японцевъ.—Видъ рейда и города.—Батареи; деревни.—Переводчики и баніосы.—Караульные лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.—Ежедневныя сношенія съ японцами.—Доставка провизіи.—Визитъ голландцевъ изъ факторіи.—Буря.—Новый переводчикъ.—Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ.—Губернаторскіе секретари.—Торжественный поѣздъ въ Нагасаки.—Пристань и носилки.—Японскіе солдаты.—Улица и дома.—Свиданіе съ губернаторомъ.—Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому.—Японское угощеніе.—Ожиданіе отвѣта изъ Едо.—Другой губернаторъ.—Еще переводчикъ.—Годовщина похода.—Спектакль на корветѣ «Оливуца».—Смерть Сіогуна.—Гроза.—Отвѣтъ изъ Едо.—Катанье на шлюпкахъ.—Паппенбергъ.—Крысій островъ.—Подарки.—Важное извѣстіе изъ Едо.—Отплытіе.

стр.

II.

Шанхай.

Сѣдельные острова.—Рыбачья флотилія.—Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ.—Гуцдавъ.—Янсекинь.—Пожаръ.—Рѣка и мѣстечко Вусунъ.—Военныя джонки и европейскія суда.—Шанхай.—О чай.—Простой народъ.—Таможня.—Американскій консулъ.—Рѣзная китайская работа.—Улицы и базары.—Лавки и продавцы.—Фрукты, зелень и дичь.—Харчевни.—Европейскіе магазины.—Буддійская часовня.—Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета.—Окрестности, поля, гулянье англи-

5

чань.—Лагерь и инсургенты.—Таутай Самква.—Осада города продавцами провизии.—Обращение англичанъ съ китайцами.— Торговля опиумомъ.—Значение Шанхая.—Претендентъ на богдыханскій престолъ.—Успѣхи христіанства въ Китаѣ.—Фермы и земледѣльцы.—Китайскіе похороны.—Возвращение на фрегатъ.

108

III.

Русскіе въ Японіи.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки.—Салютъ.—Полномочные и оба губернатора.—Привѣтствія; обѣдъ; разговоры.—Междометія.—Посѣщение полномочными фрегата.—Встрѣча; обѣдъ.—Подарки.—Японскія сабли.—Парадный приемъ и обѣдъ у японцевъ.—Подарки отъ сѣюгуна.—Письма отъ верховнаго совѣта.—Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій.—Японскій новый годъ.—Вторичное посѣщение фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ

171

IV.

Ликейскіе острова.

Видъ берега.—Бо-Тсунгъ.—Базиль Галль.—Идиллія.—Дорога въ столицу.—Столица Чуди.—Каменные работы.—Пейзажи.—Жители, дома и храмы.—Поля.—Королевскій замокъ.—Зависимость острововъ.—Протестантскій миссіонеръ.—Другая сторона идилліи.—Напа-Кіянъ.—Жилище миссіонера.—Напакіянскій губернаторъ.—Корабль съ китайскими эмигрантами.—Прогулки и отплытіе

234

